

КАЛЕНДАР

ВАНЯ ГУНЯНКИ

ГОД ИЗДАНИЯ IX.

1
9
3
4

1
9
3
4

ЦІНА 50 ц.

Русскій Народный Домъ в Пассайкъ

Цѣла околица знае Русскій Народный Домъ въ Пассайкъ, на 4 ул. Кто лемъ изъ русскихъ людей прѣде въ Пассайк, тотъ найперше приходитъ до нашего Р. Н. Д., где достане информаци о всемъ, што му треба знати.

Не оминайте своего Дома, ци поодиначку, ци робите весѣля, гостину, забавы, представленія.

RUSSIAN NATIONAL HOME

159 FOURTH ST. PASSAIC, N. J.

НАИЛПШЫ АДВОКАТЫ И ПРОКУРОРЫ
В ТОРОНТО И ПРОВИНЦИИ

Duggan, Gibson & McKitrick

Barristers & Solicitors

45 Richmond Street West
TORONTO, 2 ONTARIO

Во всіх справах правных, судовых, гипотечных и т. п., так тутейшых, як и старокраевых, удавайтесь под высше указанный адрес, до их офису або заходите до их мешканя, або порозумтесь телефонично так:

J. I. DUGGAN,
114 Kendal Ave. Phone: MJ. 4346

H. E. McKITRICK
23 Spencer Ave. Phone: LA. 6503

Если находитея на провинции,
телефонуйте
"Chancellor," Toronto ELgin. 4179

Каждый русский человекъ въ Юнкерс
должень быти

Членомъ А. С. Клуба
ВЪ ЮНКЕРСЪ, Н. I.

реорганизованого въ 1931 году въ

Association of Russian-American Citizens, Inc.

22 CROTON TERRACE,

Урядники: А. Василенко, предс.— А Пупчикъ, мѣстопредс. — I. Адамовичъ кассиръ — М. Симочко, заступ. касс. — А. Яцевичъ, ф. секр — В. Федакъ секр
Директоры: I. Корба, Н. Слота, П. Да нюсярь, Ф. Быбель, А. Кропчакъ, А Панчаръ и I. Малютичъ.

Tel. PAssaic 2-5309

Русска Клифтонска ПЕКАРНЯ

Два разы денно свіже смачне печыво,
свіжы кексы, булky и хлѣб.

Clifton Bakery

FRESH CAKES, ROLLS
and
BREAD TWICE DAILY

327 HOPE AVE. --- CLIFTON, N. J.

Карпаторусский
КАЛЕНДАР

Ваня Гунянки

На

1934

ГОД ИЗДАНИЯ IX.

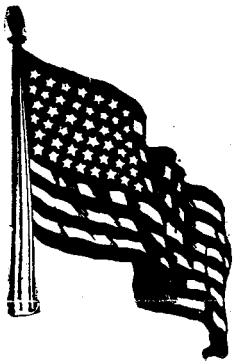
ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ ЛЕМКО-СОЮЗА.

КЛИВЛАНД, О. — 1933.

2490 PROFESSOR ST.

CLEVELAND, OHIO.

Американскы Легальны Свята

1) Каждая недѣля (воскресенье) въ году.

2) 1-го января — Новый Годъ, празднуютъ во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ шта.: Массачусетсъ, Аркансасъ, Миссиссиппи и Нью Гемпширъ.

3) 12-го февраля, день рожденія президента Авраама Линкольна, празднуютъ: Коннектикутъ, Нью Джерзи, Нью Йоркъ, Пенсильванія, Делаваре, Каролайна, Вестъ Вирджинія, Иллинойсъ, Индіана, Кензасъ, Мичиганъ, Миннесота, Савтъ Дакота, Нортъ Дакота, Монтана, Ютагъ, Колорадо, Айова Орегонъ, Вашингтонъ, и Вайомингъ.

4) 22-го февраля, день рожденія перваго президента Соединенныхъ Штатовъ Юрія Вашингтона — празднуютъ во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штата Миссиссиппи.

5) 30-го марта, Великая Пятница; празднуется въ штатахъ: Массачусетсъ, Миссиссиппи, Пенсильванія, Алабама, Луизіана и Теннесси; въ другихъ штатахъ губернаторы спеціальною прокламаціею проголошуютъ той день святочнымъ.

6) 30-го мая — Декорейшинъ Дей. — Того дня украшаютъ гробы — могилы погибшихъ воиновъ въ часѣ гражданской войны. Празднуютъ во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штатовъ Арканзасъ, Флорида, Джорджія, Луизіанна, Миссиссиппи, Нью Мексико, Нортъ Каролайна, С. Каролайна и Тексасъ.

7) 4-го іюля — Фортъ офъ Джулай — день проголошенія независимости Соединенныхъ Штатовъ. Празднуютъ во всѣхъ штатахъ.

8) Въ первый понедѣльникъ сентября — День Труда — Лейборъ Дей, — празднуютъ во всѣхъ штатахъ.

9) Послѣдній четвергъ въ ноябрѣ — День Благодаренія — Тенсгивингъ Дей, празднуютъ во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ шт. Вайомингъ.

10) 25-го декабря — Рождество Христово — латинскій Кризмасъ. Празднуютъ во всѣхъ штатахъ.

Кромѣ вышеназванныхъ праздниковъ, гдѣ якіи штаты празднуютъ: Ден: Колумба 12 октября; День штатныхъ и федеральныхъ выборовъ — Элекшинъ Дей — обыкновенно въ первый вторникъ въ ноябрѣ. Кромѣ того, каждый штатъ мае свои отдѣльные праздники.

АМЕРИКАНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Годы

1492. Христофоръ Колумбъ, италіянецъ, открылъ Новый Свѣтъ.
1497. Іоаннъ Каботъ, англичанинъ, открылъ континентъ Сѣверной Америки.
1565. Испанцы поселились въ Ст. Августинъ Флорида, найстаршій теперь городъ въ Соединенныхъ Штатахъ.
1607. Поселеніе Вирджиніи, первая успешная колонія въ 13-ти первоначальныхъ стейтахъ, начатая англичанами.
1609. Генри Гудсонъ, англичанинъ, находящійся на службѣ голландцевъ, открылъ рѣку Гудсонъ.
1620. Англичане начали заселяти Массачусетсъ.
1647. Массачусетсъ ухвалилъ законъ о устройствѣ публичныхъ школъ.
1664. Англичане забрали голландцамъ городъ Нью Амстердамъ и назвали его Нью Йоркъ.
1682. Англійскіи Квاکеры поселились въ Пенсильваніи.
1733. Англичане начали заселяти Джоржію послѣднюю изъ первоначальныхъ стейтовъ.
1759. Англичане отнесли окончательную побѣду надъ французами въ Квебекѣ.
1775. Началася революційная война противъ Англій.
1775. Битва у Бункеръ Гиллъ между американцами и англичанами.
1776. Декларация Независимости отъ Англій проголошена въ Филадельфій.
1776. Американцы выиграли битву у Трентъ.
1777. Американцы выиграли битву у Саутъ-Морисъ.
1789. Американцы при помощи французовъ отнесли окончательную побѣду надъ англичанами у Йоркстаунъ.

1789. Согласно Конституціи, Джорджъ Вашингтонъ сталъ первымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.
1803. Соед. Штаты откупили отъ французовъ Луизиану.
1807. Робертъ Фултонъ побудовалъ первый пароходъ.
- 1812—1815. Вторая война съ Великою Британіей.
1819. Флориду купили Соед. Штаты отъ Испаніи.
1819. Первый пароходъ, Саваннагъ, перешолъ Атлантическій океанъ.
1823. Объявлено доктрину Монро, чѣмъ остережено европейцевъ передъ устройваніемъ колоній въ Америкѣ.
1825. Открыто Каналь Ири, черезъ что Нью Йоркъ сталъ торговымъ центромъ Соединенныхъ Штатовъ.
1830. Въ Соед. Штатахъ по разъ первый употреблено съ успѣхомъ первый локомотивъ.
1845. Анектовано Тексасъ.
- 1846—1848. Война съ Мексикою, по которой Соед. Штаты получили югозападныя стейты и территоріи.
1848. Открыто въ Калифорніи золото и тамъ начали поселяться американцы.
- 1861—1865. Гражданская война между южными и сѣверными стейтами.
1863. Президентъ Линкольнъ проклямовалъ свободу для негровъ.
1863. Сѣверныя стейты выиграла битву подъ Геттисбургъ.
- 1865—1870. Принято 13, 14 и 15 додатокъ до Конституціи, дающій неграмъ свободу и право голосованія.
1869. Окончено будову желѣзной дороги, соединяющей Нью Йоркъ съ Санъ Франциско.
- 1882—1902. Запрещено иммиграцію китайскихъ рабочихъ на 10 лѣтъ.
1884. Начато употреблять электрическіи трамваи (стриткаръ).
1898. Анектовано Гавайскіи острова.
1898. Война Соед. Штатовъ съ Испанією, освобожденіе Кубы и присоединеніе Филиппинскихъ острововъ и Порто Рико.
1902. Братья Райтъ вынашли летательную машину.
1914. Окончаніе будовы Панамского Канала.
- 1917—1917. Война Соед. Штатовъ съ Германіей.
1920. Побѣда республиканской партіи на президентскихъ выборахъ.
1923. Смерть Президента Гардинга. Вице-президентъ Кальвинъ Кулиджъ вступилъ на постъ Президента Соед. Штатовъ.
1924. Переизбраніе Кальвина Кулиджа на президентскихъ выборахъ.
1926. Празднованіе 150-лѣтія Американской Независимости.
1929. Крахъ на Американской биржѣ и початокъ страшной депрессіи и безработя.
1932. Провалъ республиканской партіи на выборахъ, выборъ президента Франклина Делано Рузвельта, демократа.
1933. Президентъ Рузвельтъ и его "Нью Дилъ," НРА.

МѢСЯЦЪ ПРЕЗИДЕНТОВЪ

— 0 —

Мѣсяцъ февраль можеме назвати мѣсяцемъ великихъ Президентовъ. Въ томъ мѣсяцѣ американскій народъ прадную годовщину рожденія найславнѣйшихъ Президентовъ С. Ш.: Линкольна—12 февраля и Вашингтона—22 февраля. Обѣ годовщины сдѣлались національными праздниками. Годовщину Вашингтона празднуется во всѣхъ штатахъ а годовщина Линкольна лемъ въ сѣверныхъ штатахъ.

ДЖОРДЖЪ ВАШИНГТОНЪ былъ первымъ Президентомъ Соед. Штатовъ. Онъ былъ избранъ единогласно Президентомъ въ 1789 году и 30 апрѣля того же года вступилъ на свою должность. Родился 22 февраля 1732 года, а умеръ 14 декабря, 1799 г.

АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ былъ 16-тымъ Президентомъ Соед. Штатовъ. Избранны Президентомъ въ 1860 году, онъ былъ принужденъ вести страшную войну съ южнымъ штатами, которые изъ-за спора о рабствѣ негровъ оторвались отъ федераціи съ сѣверными штатами и основали свою независимую отъ Сѣвера конфедерацію. Война скончилась побѣдой сѣверныхъ штатовъ единство Соед. Штатовъ было спасено. Въ время войны негры были освобождены отъ рабства. Въ 1864 г. Линкольнъ былъ переизбранъ Президентомъ на слѣдующій срокъ но 14 апрѣля 1865 года былъ убитъ акторомъ Джономъ Бутомъ.

Родился 12 февраля 1809 года.

Январь

January

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	Н	Н. Г. О. Г. Василя В.
2	П	Сильвестра
3	В	Прор. Малахии
4	С	Собор 70 Ап.
5	Ч	Нав. Бог. Теопемпта
6	П	Богоявл. Господне.
7	С	Соб. Иоан. Крестителя
8	Н	32 по Сош. Эмилиана
9	П	Полев.
10	В	Григория прп. и Домет.
11	С	† Теодосия Вл.
12	Ч	Татианы мч.
13	П	Ермила и Стратон. мч.
14	С	Отцевъ въ Синаѣ
15	Н	Митаря и Фарисея. Павл.
16	П	Пок. Ап. Павла
17	В	† Антонія Вел. прп.
18	С	Аѳанасія и Кир. пр.
19	Ч	Сич Макарія прп.
20	П	† Евѳимія Вел. прп.
21	С	Максима прп.
22	Н	О Блудномъ Сынѣ. Тим.
23	П	Климентія
24	В	Ксеніи прп.
25	С	† Григорія Бог.
26	Ч	Ксенофонта прп.
27	П	† Перм. Иоанна Злат.
28	С	Ефрема прп.
29	Н	Мясопустная Игнатія
30	П	Трехъ Св.
31	В	Кира и Иоанна безср.

14	2 по З. К. Илярія
15	Павла
16	Маркила п.
17	Антонія ав.
18	Присти
19	Марія и тов.
20	Севастіана
21	2 по З. К. Агнеты
22	Винкен.
23	Раймунда
24	Тимоѳея
25	Нав. Ап. Павла
26	Поликарпа
27	Иоанна Злат.
28	4 по З. К. Леонид
29	Франца
30	Мартина д. м.
31	Петра изъ Н.
1	Игнатія
2	Мат. Б. Громн.
3	Власія еп.
4	5 по З. К. Вероник
5	Агаты
6	Тита еп. Дор.
7	Ромульда
8	Иоан. прп. изъ Мат.
9	Апольоній
10	Попел. Схолястик.
11	Запустная
13	Григорія П.
12	Трехъ Святыхъ

Февраль

February

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	С	Трифона
2	Ч	Срѣтеніе Господне
3	П	Симеона и Анны пр.
4	С	Исидора прп.
5	Н	36 по Сош. Сыропуст.
6	П	Вукола прп.
7	В	Парт. и Луки прп.
8	С	Ѳеодора Стр.
9	Ч	Никифора мч.
10	П	Харлампія мч.
11	С	Власія свчк.
12	Н	1 Поста Мелетія св.
13	П	Мартина прп.
14	В	Авксентія прп.
15	С	Онисима ап.
16	Ч	Памфила мч.
17	П	Лют. Ѳедора вмч.
18	С	Льва папы рим.
19	Н	2 Поста Архипа ап. и М.
20	П	Льва еп.
21	В	Тимоея прп.
22	С	Найд. мощ. Евл.
23	Ч	Поликарпа свмч.
24	П	† 1 и Об. Гл. св. І. Кр.
25	С	Тарасія св.
26	Н	3 Поста. Крестопоклон.
27	П	Прокопія
28	В	Василія исп.

14	Валентина
15	Фавстина и Іов.
16	Юліанны
17	Сух. Юліанна
18	Вступ. Симеона
19	Сух. Маркелина
20	Сух. Льва еп.
21	Феликса еп.
22	Маргаръ изъ К.
23	Петра Дам. еп.
24	Вигилія
25	Суха. Матѳея Ап.
26	Цесарія
27	Виктора
28	Александра
1	Альбина еп.
2	Павла м.
3	Кунегунды
4	Глуха. Андріяна
5	Іоанна вѣд. Хр.
6	Перпетуи
7	Ѳом. Акв.
8	Іоанна Божого
9	Франциски рим.
10	40 Мучениковъ
11	Средоп. Григорія
12	Григорія В. пап.
13	Христины

Мартъ

March

Записки

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	С	Евдокии прмч.
2	Ч	Ѳеодота свмч.
3	П	Евтропія и ин. мч.
4	С	Гарасима прп.
5	Н	4 Поста. Канона мч.
6	П	42 мучеников въ Аморіи
7	В	Василія свмч.
8	С	Ѳеофілякта прп.
9	Ч	† 40 муч. въ Севаст.
10	П	Кондрата и ин. мч.
11	С	Софронія патр.
12	Н	5 Поста. Ѳеофана исп.
13	П	Пер. мощей Николая.
14	В	Венедикта прп.
15	С	Агапія мч.
16	Ч	Савина и Юліана мч.
17	П	Алексѣя прп.
18	С	Кирила Іерусал. св.
19	Н	Цвѣтоносная. Хризанта
20	П	О. О. Убитыхъ.
21	В	Іакова исп.
22	С	Василія свмч.
23	Ч	Никона и тов.
24	П	Захарій и Іакова.
25	С	Благовѣщеніе Пр. Бог.
26	Н	День Пасхи. Соб. Ар Гав.
27	П	Свѣт. П. Матроны
28	В	Свѣт. В. Іяріона прп.
29	С	Марка и Кир. прп.
30	Ч	Іоанна Листв. прп.
31	П	Поклон. Іпат. прп.

14	Матильды к.
15	Климентя
16	Киріяка м.
17	Патрикія
18	Чорна. Кирила
19	Іосифа Обруч.
20	Евфимій д.
21	Венедикта ав.
22	Катерины шв.
23	Феликса м.
24	Гавріила.
25	Квѣта Бл. ПДВ.
26	Вел. Суб. Еман.
27	Рунерта
28	Св. Пон. Іоанна К.
29	Кирила
30	Квирина
31	Бальбины д.
1	Воскресеніе Хр.
2	Свѣт. Вторн. Гугона
3	Ришарда
4	Ізидора
5	Винцетія
6	Келестина
7	Епифанія
8	Бѣла Діонисія
9	Марій Клеоп.
10	Іезолила
11	Льва В. пап.
12	Іюлія пап.
13	Герменегильды

Апрѣль

April

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 С	Марій Іег. прп.
2 Н	1 Өомина. Тита и Амф.
3 П	Никиты
4 В	Іоанна прп.
5 С	Өеодосія Тирского
6 Ч	Евтихія св.
7 П	Григорія св.
8 С	Иродіона и др. ап.
9 Н	2 Миронос. Евстахія мч.
10 П	Терентія
11 В	Антипы свмч.
12 С	Василія прп.
13 Ч	Артемона свмч.
14 П	Мартина папы рим.
15 С	Аристарха и др.
16 Н	3 Разслабл. Агапій
17 П	Симеона
18 В	Іоанна Д. прп.
19 С	Іоанна Староп.
20 Ч	Өеодора Трих.
21 П	Януарія свмч.
22 С	Өеодора и Вѣт. прп.
23 Н	4 о Самар. † Георгія
24 П	Савы
25 В	Марка ев.
26 С	Василія свмч.
27 Ч	Симеона свмч.
28 П	Ясона и Сосип. ап.
29 С	Муч. въ Кизицѣ
30 Н	5 Слѣпорожд. † Іакова

14	Юстина м.
15	2 по Пасхѣ Анаст.
16	Венедикта
17	Аникита
18	Аполонія м.
19	Георгія
20	Өеодора
21	Анзольма
22	2 по Пасхѣ. Сотера
23	Войтеха
24	Фиделиса
25	Ап. св. Іос. Мар.
26	Клита и Марка
27	Петра Кан.
28	Павла вѣд. Хр.
29	4 по Пасхѣ. Петра
30	Катерины
1	Филиппа и Іакова
2	Хр. кни. Атаназ.
3	Цар. К. П.
4	Зн. св. Хр. Фльор.
5	Теодора, Виталія
6	5 по Пасхѣ. Іоанна.
7	Флявій и Домит.
8	Станислава еп.
9	Григорія Наз.
10	Изидора
11	Францишка
12	Панкратія
13	6 по Пасхѣ. Серват.

Май

Maу

Запискы

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	П	Еремея пр.
2	В	Аѳанасія ВА.
3	С	† Θεодосія Печ. прп.
4	Ч	Вознесеніе Господне
5	П	Ирины мч.
6	С	Юва Многострад.
7	Н	6 по Пасхѣ. Ч. Кр.
8	П	Юанна Богослова
9	В	† Перен. м. св. Николая
10	С	† Симеона Зил. ап.
11	Ч	Мокія свмч.
12	П	Елифанія и Герм. патр.
13	С	Гликерій мч.
14	Н	Пятидесятницы. Исидора
15	П	Св. Тройцы. Пахомія
16	В	Θеодора осв.
17	С	Андроника ап. и Юній
18	Ч	Θеодота мч.
19	П	Патрікія
20	С	Талалея мч.
21	Н	1 по Пят. Всѣхъ Св.
22	П	Василиска мч.
23	В	Михаила прп.
24	С	Симеона прп.
25	Ч	Третье Обр. Гл. I. Кр.
26	П	Карпа ап.
27	С	Терпаюта
28	Н	2 по Сош. Д. Никиты еп.
29	П	Θеодосія прмч.
30	В	Исаакія прп.
31	С	Ермія и Ермея м.

14	Бонифатія
15	Софій и 3 дочерей
16	Пон. св. Д. Бл. Анд.
17	Пасхалиса
18	Сух. Венанція м.
19	Петра Вел. пап.
20	Сош. Св. Духа
21	Святого Духа
22	Юлій дѣвы
23	Дезидерія еп.
24	ПДМ. Спов. вѣр.
25	Григорія VII. пап.
26	Филиппа
27	Св. Тройцы
28	Августина еп.
29	Юлія д.
30	Феликса
31	Боже Тѣло
1	Бл. Іакова Стр. еп.
2	Маркелина
3	2 по Сош. Духа
4	Квирины
5	Бонифатія
6	Норберта еп.
7	Роберта
8	Медарда еп.
9	Фелиліана м.
10	3 по Сош. Духа
11	Варнавы ап.
12	Онуфрія
13	Антонія

Юнь

June

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 Ч	Юстина мч.
2 П	Никифора св.
3 С	Лукіана мч.
4 Н	3 по Сош. Д., Митроф.
5 П	Доротея сщмч.
6 В	Иларіона прп.
7 С	Θеодосія влмч.
8 Ч	Θеодота Страт.
9 П	Кирила св.
10 С	Тимоѳея свмч.
11 Н	4 по Сош. Д. † Варѳол.
12 П	Онуфрія
13 В	Акилины мчц.
14 С	Елисея пророка
15 Ч	Амоса прока
16 П	Тихона еп.
17 С	Мануила
18 Н	5 по Сош. Д. Леонтія м.
19 П	Юды Ѳад. ап., Зосима
20 В	Меѳодія свмч.
21 С	Юліана Тарс. мч.
22 Ч	Евсевія свмч.
23 П	Агрипины мчц.
24 С	Рождество Іоанна Кр.
25 Н	6 по Сош. Д. Февроній
26 П	Давида прп.
27 В	Самсона прп.
28 С	Пер. мощ. Кира и Іоан.
29 Ч	Петра и Павла ап.
30 П	Соборъ 12 Апостоловъ

14	Василія
15	Боже Тѣло
16	Іоанна Редж.
17	4 по Сош. Духа
18	Евфрема
19	Юліанны
20	Сильверія пап.
21	Альойзія
22	Павлина еп.
23	Агрипины д им.
24	5 по Сош. Духа
25	Вельгельма
26	Павла и Іоанна
27	Владислава кор.
28	Иринея
29	Петра и Павла ап.
30	Пам. св. Павла
1	6 по Сош. Духа
2	Посѣщ. ПДМ.
3	Анатолія
4	Θеодора еп.
5	Антонія
6	Луки мч.
7	Кирила и Меѳодія
8	7 по Сош. Д. Елиз.
9	Вероники
10	7 Братъевъ мч.
11	Пія I. пап.
12	Іоанна Гл.
13	Анаклита п. и м.

Юль

July

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	С	Космы и Диміана
2	Н	7 по С. Д. пол. Ризы ПБ.
3	П	Якинта мч.
4	В	Андрея
5	С	†Кирила и Веоодія ап.
6	Ч	† Аѡанасія Антон.
7	П	Ѳомы и Акакія прп.
8	С	Прокопія мч.
9	Н	8 по С. Д. Панкратія
10	П	Антонія печер.
11	В	Евфрема мч., Ольги
12	С	Прокла и Иларія мч.
13	Ч	Соборъ Арх. Гавріила
14	П	Акилы ап., Кирика мч.
15	С	† Волод Вел. кн.
16	Н	9 по С. Д. Аѡинагена
17	П	Марины вмч.
18	В	Якинта и Эмилиана мч.
19	С	Макрины и Дія прп.
20	Ч	† Илии прор.
21	П	Симеона и Іоанна прп.
22	С	Маріи Магд., Фоки прп.
23	Н	10 по С. Д. Трофима
24	П	† Бориса и Глѣба
25	В	Успеніе св. Анны
26	С	Ермолая свмч.
27	Ч	† Пантелеймона вмч.
28	П	Прохора и др. ап.
29	С	Калиника мч.
30	Н	11 по С. Д. Силы
31	П	Евдокима праведника

14	Бонавентуры
15	8 по С. Д. Генрика
16	М. Б. Шкаплер.
17	Алексѣя
18	Симеона из Л.
19	Винк. изъ П.
20	Чеслава
21	Пракседы д.
22	9 по С. Д. Маріи
23	Аполинарія еп.
24	Кунегунды
25	Іакова ап.
26	Анны
27	Рудольфа Акв.
28	Виктора п.
29	10 по С. Д. Марфы
30	Руфина м.
31	Игнатія
1	Петра въ оков.
2	МБ. Англ.
3	Обр. св. Стефана
4	Доминика
5	11 по С. Д. МБ Ч.
6	† Преображеніе Г.
7	Каеѡанія
8	Киріяка м.
9	Романа
10	Лаврентія м.
11	Сусанны д.
12	12 по С. Д. Кляры
13	Гиполита

АВГУСТЪ

August

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 В Пр. Ч. Х.
2 С Перен. мощ. св. Ста
3 Ч Исаака и др. прп.
4 П 7 Мол. въ Ефесѣ мч.
5 С Евсинія мч.

6 Н 12 по С. Д. Преображ. Г.
7 П Доментія и Пасѣва мч.
8 В Емилиана еп.
9 С † Матѳея апостола
10 Ч Лаврентія мч.
11 П Евпла мч.
12 С Фотія и Аникиты мч.

13 Н 13 по С. Д. Максима исп.
14 П Михея пророка
15 В Успеніе Пр. Богородицы
16 С Пер нерук. Обр. Господ.
17 Ч Мирона мч.
18 П Фльора и Лавра мч.
19 С Андрея Стр. мч.

20 Н 14 по С. Д. Самуила пр.
21 П Фадеея апостола
22 В Агаѳоника
23 С Лупа мч.
24 Ч Евтихія свмч.
25 П Варѳоломея и Тита
26 С Андріана и Наталіи

27 Н 15 по С. Д. Пимона прп.
28 П Мойсея пророка
29 В † Усѣкновеніе Г. І. Кр.
30 С Александра пат. Кон.
31 Ч † Пол. Пояса Пр. Бог.

14 Евсевія
15 Успеніе Пр. Бог.
16 Іоакима
17 Яцка в.
18 Елены

19 12 по С. Д. Людвик
20 Вернарда
21 Іоанны
22 Тимоѳея и тов. м.
23 Филипа Бо.
24 Варѳоломея ап.
25 Людвика к.

26 14 по С. Д. МБ.
27 Юзефа
28 Августина
29 Усѣк. Гл. І. Кр.
30 Розалій Лим.
31 Раймунда
1 Брониславы

2 15 по С. Д. Стефан.
3 Зинона мч.
4 Розаліи дѣвы
5 Лаврентія Юст.
6 Захаріи пр.
7 Бл. Мольхіора
8 Рождест. ПДМ.

9 16 по С. Д. Петра
10 Николаз
11 Прота
12 Найсв. Им. МБ.
13 Филипа м.

Сентябрь — September

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	П	† Новый Годъ Цер.
2	С	Маманта мч.
3	Н	16 по С. Д. Анеима
4	П	Вавилы смч.
5	В	Захаріи и Елизаветы
6	С	Чудо Арх. Михаила
7	Ч	Созонта мч.
8	П	Рождество Пр. Бог.
9	С	Іоакима и Анны
10	Н	17 по С. Д. Минодоры
11	П	Ѳеодоры прп.
12	В	Автонома
13	С	Обр. Кр., Корнилія
14	Ч	Воздвиженіе Ч. Креста
15	П	Никиты вмч.
16	С	Евфиміи вмчц.
17	Н	18 по С. Д. Софіи, В и Н.
18	П	Евменія прп.
19	В	Трофима и Саввы
20	С	Евст. его жены и дѣтей
21	Ч	Кондрата ап.
22	П	Фокии свмч.
23	С	Зазат. І. Крестителя
24	Н	19 по С. Д. Теклы
25	П	Евфросиніи прп.
26	В	† Св. Ап. Іоанна Бог.
27	С	Калистрата мч.
28	Ч	† Харитона прп.
29	П	Киріяка прп.
30	С	Григорія свмч.

14	Воздв. Ч. Креста
15	7 Стр. ПДМ.
16	17 по Сош. Д.
17	Знаки св. Францишк
18	Іосифа
19	Іануарія еп.
20	Евстахія м.
21	Матѳея ап.
22	Ѳомы изъ Вил.
23	18 по Сош. Д.
24	ПДМ Выкупу
25	Владислава Г.
26	Кипріяна и Хстина
27	Космы и Даміяна
28	Вячеслава кор.
29	Михаила Арх.
30	19 по Сош. Д.
1	Баг. Іоанна
2	Ангел. Ст.
3	Кандида и Горар.
4	МБ. Рожан.
5	Плакида м.
6	Брунона ав.
7	20 по Сош. Д.
8	Бригиды д.
9	Людвика
10	Францишка
11	Емилиана
12	Максимиліана еп.
13	Едварда к.

Октябрь — October

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 Н	20 по С. Д. Покр. П. Б.
2 П	Кипріяна свмч.
3 В	Діонисія А.
4 С	Іероея свмч.
5 Ч	Харитины
6 П	† Оомы апостола
7 С	Сергія и Вакха мч.
8 Н	21 по С. Д. Пелагія прп.
9 П	Якова ап.
10 В	Евлампія и Ев.
11 С	Филипа ап., Теофилія
12 Ч	Прова и др. мч.
13 П	Капа м., Космы прп.
14 С	Ефимія прп., Лукіяна
15 Н	22 по С. Д. Параскевы
16 П	Логина
17 В	Осія пророка
18 С	† Луки ап.
19 Ч	Іоіля Пророка
20 П	Артемія вмч.
21 С	Иляріона Вел. прп.
22 Н	23 по С. Д. Аверкія еп.
23 П	Іакова апостола
24 В	Ареты, Аѳанасія
25 С	Маркіян. и Мартирія
26 Ч	† Димитрія вмч.
27 П	Нестора мч.
28 С	Параскевы вмч.
29 Н	24 по С. Д. Анастасія
30 П	Зиновія мч.
31 В	Стахія, Нарк.

14	21 по Сош. Духа
15	Тересы
16	Герарда
17	Маргареты
18	Луки ев.
19	Петра из Ал.
20	Іоанна Кант.
21	22 по С. Д. Уршули
22	Кордули д.
23	Серванда
24	Рафаила Арх.
25	Криспина
26	Евариста пап.
27	Фльорентія
28	23 по С. Д. Сим.
29	Наркиса еп.
30	Альфонса
31	Вольфганга
1	Всѣхъ Святыхъ
2	День Задушный
3	Губерта еп.
4	24 по С. Д. Кароля
5	Захаріи и Елизавет.
6	Леонарда
7	Бл. Антонія Бал.
8	Гоѳфрида
9	Ѳеодора м.
10	Андрея изъ Авл.
11	25 по С. Д. Мартин
12	Мартина пап.
13	Станислава

Ноябрь — November

Записки

РУССКИЙ СВЯТА

— ЛАТИНСКИЙ СВЯТА

1	С	Космы и Даміана
2	Ч	Акиндина мч.
3	П	Акепсима мч.
4	С	Іоанкія В. прп.
5	Н	25 по С. Д. Галакта
6	П	Павла св.
7	В	Іерона и др. мч.
8	С	Соб. св. Мих. Архист.
9	Ч	Онисифора мч.
10	П	Ераста и др. ап.
11	С	Мины, Викт.
12	Н	26 по С. Д. Іоанна мил.
13	П	† Іоанна Златоустаго
14	В	† Филипа ап.
15	С	Гурія и др. мч.
16	Ч	† Матѳея ап. и ев.
17	П	Григорія еп. чудотв,
18	С	Платона и Романа мч.
19	Н	27 по С. Д. Авдія пр.
20	П	Григорія Д.
21	В	Введеніе въ Храмъ ПБ.
22	С	Филимона ап., Кекиліи
23	Ч	Амфилоха и Григорія еп.
24	П	Екатерины вмч.
25	С	Клмента и Петра свмч.
26	Н	28 по С. Д. Алипія
27	П	Якова свмч.
28	В	Стефана прпмч.
29	С	Парамона и Филимона
30	Ч	† Андрея апостола

14	Іосафаата еп.
15	Гертруды
16	МБ Остробрам.
17	Сальомеи д.
18	26 по С. Д. Романа
19	Елизаветы
20	Феликса
21	Введ. въ Хр. ПБ.
22	Келикіи д и м.
23	Климента пап. м.
24	Іоанна вѣд. Хр.
25	27 по С. Д. Екатер.
26	Леонарда
27	ВВалеріяна
28	Здиславы
29	Сасурнина
30	Андрея ап.
1	Елигія еп.
2	1 Адв. Бибіяны
3	Франца
4	Варвары
5	Саны еп.
6	Николая еп.
7	Амросія еп.
8	Неп. Зач. ПДМ.
9	2 Адв. Леокадіи д.
10	МБ. Лъорет.
11	Дамасія м.
12	Александра м.
13	Лукіи д.

Декабрь — December

Записки

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 П	Наума пророка
2 С	Аввакума пророка
3 Н	29 по С. Д. Софоніи пр.
4 П	Варвары и Іоанна
5 В	† Саввы осв.
6 С	Николая св. чудотворца
7 Ч	Амросія еп.
8 П	Патапія еп.
9 С	Гануля прп.
10 Н	30 по С. Д. Мины и Іер.
11 П	Даніила Столпника прп.
12 В	Спиридона
13 С	† Евстратія и Авкс. мч.
14 Ч	Тирса мч.
15 П	Елевѳерія свмч.
16 С	Аггея пророка
17 Н	Пред. Рожд. Даніила пр.
18 П	Севастіяна
19 В	Бонифатія мч.
20 С	Игнатія свмч.
21 Ч	Юліана мч.
22 П	Анастасіи вчц.
23 С	10 мч. въ Критѣ
24 Н	Навеч. Рожд. Евгениі
25 П	Рождество Христово
26 В	Соборъ Пр. Богородицы
27 С	Прмч. Стефана, Ѳеод.
28 Ч	Просв. Б. Н. по Р. М. Н.
29 П	Прп. Макарія мч.
30 С	Мчц Анисіи, прп. Ѳеод.
31 Н	По Рожд. Меланиі прп.

14	Спиридіона еп.
15	Валеріана еп.
16	3 Адв. Евсевія еп.
17	Лазаря еп.
18	Очикув. МБ.
19	Немесія еп.
20	Ѳеофила м.
21	Ѳомы ап.
22	Зенона м.
23	4 Адв. Викторіи д.
24	Адама и Евы
25	Рождество Хр.
26	Стефана
27	Іоанна
28	14 т. Дѣтей убіен.
29	Ѳомы еп.
30	Нед. по Рожд.
31	Сильвестра
1	Новый Годъ 1935
2	Макарія
3	Геновефы
4	Вмч. Емилиана
5	Телесфора м.
6	Трехъ Царей
7	Лукіяна м.
8	Іоанны д.
9	Северина ав.
10	Юліаны и Васил.
11	Альбойсія
12	Гигина папы рим.
13	1 по 3 Цар. Леонтія

1934

Який будеш, Рочку Новий, Ты Тритцет Четвертый?
Ци Ты будеш Роком Жытя, Прогресса — ци смерти?
Ци Ты будеш Роком Правды, Братства и Свободы,
Ци притиснеш ищы ліпше невольны Народы?
Ци Ты будеш Роком Любви, Світла и Науки,
Ци темноты, войны, морду, ненависти, муки?
Рочку Новий! Што нам несеш? Якы несеш часы?
Ци уж не час, штоб прозріли раз Народны Массы
И руки сой Всі подали невольны Народы
И рушыли вперед разом, в Братстві до Свободы!
Што нам несеш, Рочку Новий, нам, лемкам в Карпатах?
Ци несеш нам Нове Свято, ци лем стары свята?
А ту, у нас в Америкі, ци все нам терпіти,
Ци принесеш Рочку Новий, уж раз “просперити?”

ВАНЬО ГУНЯНКА.

На Лемковині

На Лемковині, в старом краю,
Шумят смереки и ялиці —
Побідну пісню они грают
От Ужгорода до Щавниці!
Бо и в Карпатах днес
Народ Воскрес!

И гремит хор карпатских гор
В далеку даль — гет плыне —
В Карпатах днес Народ Воскрес
И право Ёго не згыне!
Могучий хор карпатских гор
Най вітер несе во всі страны . . .
Най приде час — най скоро в нас
Злоптана Правда встане!
На Лемковині и Талергофі
Невинна кров пролята —
Най в наших сердцах на все остане
Мамятка — вічна и свята!

Треба Нам Науки

Хоц маме кріпкы руки,
Хоц маме добре здрава,
Без школы, без науки,
Мудрійшы нас задавят!

Бо хоц голову маме
И мозок в той голові,
То ВСІ не понимаеме,
Што о нас дакто повіст . . .

Бо хоц и очы маме,
Видиме, як сонце світит,
Лем же всего, як другы,
Мы не годни видіти . . .

Мы лем горе чуеме,
Бо сердце маме в груди,
Лем того горя никто
НИКОЛИ чути не буде!

Кто нам другом, кто врагом?
Мы каждому вірили,
На мотузку нас вели —
Своей не мали мы ціли . . .

И мы все бідны, голы,
Хоц маме кріпкы руки,
Бо ніт в нас своей школы
И бракне нам науки . . .

Русенко.

Познай Себе -- Буде с Тебе

ВЕЛИКА біда з нами от того, што барз мало о собі знаме — а ищы больша зато, што не хочеме о собі ніч знати.

Многым нашим патриотам здаеся, што як они знают дашто из русской истории, як знают дашто о Хмельницком, о козаках, о православню, то уж мают патент на патриотов.

Нашы великаны учат нас, проповідуют нам, што нам старчыт, коли мы будеме звати себе русскими и триматися твердо того имени, други учат нас, што кромі того имени “русский, нам треба триматися ищы восточного обряда, православия и то старчыт нам для нашего народного жытя на світі.

То мае быти ціла наша история, ціла наша віра о собі и ціле наше національне знаня.

Наша география от Сяна по Кавказ, або от Попрада по Камчатку. То вшытко, што нам треба знати. Русскы патриоты учат, штобы нияких имен больше не признавати, лем “русский.” Украинскы патриоты учат, штобы не признавати больше нияких имен, лем “украинский” — всякы други имена, то, престо, выдуманы. Забывають, што вшыткы имена выдуманы и “русске” и “украинске” имено выдумане. Бо ни едно, ни друге имено не упало з неба, лем люде выдумали, як их, тых имен, было им потребно для означыня народа.

З лемковским рухом воюют так, што повідають, же нияких лемков ніт, лем русскы, други повідають, же нияких лемков ніт, лем украинцы. Нашы предкы давно тыж мусіли так сваритися с Нестором, первым русским историком, што нияких русских ніт, лем “славяне,” як и мы сваримеся с украинцами тепер, што нияких украинцев ніт, лем русскы, або, просто, найліпше бы было повісти так, што ніт на світі нияких русских, ани нияких німцев, французов, американцев, англичан, лем попросту, коротко, всі люде. И тым одним словом люде, заступили бы зме всі други имена — але тым самым вернули бы зме ся в науки гет взад, до потопу світа, коли были лем люде и звірята. А раз мы идеме разом з науком,

то ради неради, мусиме учытися больше, бо як будеме стояти на одном місті, то пропадеме. А з розвитьом науки, приходит в людску бесіду и больше слов, больше выразов, больше имен и вшыткы тоты имена добры, лем треба розуміти их значыня и не толкувати их блудно. И коли будеме розуміти значыня наших народных имен: русский, украинец, карпаторосс, лемко, то николи меж нами не може быти спора на тых именах, выяснится нам, што вшыткы имена добры и конечны и едно другому не мішат, а якраз едно помагат розуміти ліпше друге.

И зато, коли слышыте таку фразу:

“Я не лемко, але русский,” або “я не лемко, а украинец,” або “я не русский, а украинец,” то знайте, што тот человек совсем не розуміе значыня тых слов, он лем научылся их, як нерозумна папуга и повтарят, сам не зна, што.

Вшыткы тоты слова добры и конечны и кажде мае свое значыня.

Што Значыт “Русский?”

“Русский,” то имя народа, котрый заселят Восточну Европу, от Татрь — Попрада и Дунайца — Карпаты — Подкарпатску Русь,

РУССКА МУЗЫКА: Великоросс грае прим, украинец на басах, білоросс на кларнеті, лемко на бубні. Самостийники повідають, што украинец може сам грати. И яка то музыка буде лем на самых басах?

Восточну Галичину, Україну, Великороссию, Сибирь, аж по Тихий океан.

Што имя “русский” правильне для той массы народа, то не треба аж по книжках, историях глядати и не старатися совсім тым, ци кто то признат за добре або недобре имя для нашого народа, бо оно ест в народі от тысяч літ и то на всей той території и зато оно мусит быти добре и правильне и для нас лемков, потому што и у нас оно ест сохрaнене в народі и наш народ для означыня своей национальности, при словаках, поляках, чехах, німцах, называт себе русским. Значит, для означыня всей русской территории от Татрь по Тихий океан, наше имя русский, котрого мы употребляме, правильне и добре, оно наше.

Але для сознательного, хоц кус мудрого человека мало знати лем того. Кто чытат, то вычытат, або кто лем слухат, то слышыт такы слова, як Великоросс, малоросс, украинец, білоросс, карпаторосс, лемко и т.д.

Всі тоты имена правильны и маюг свое значыня. Однако сут люде, котры розуміюг того значыня, а сут, котры не розуміюг и сут люде, переважно политики, котры хотят выкорыстат нерозуміня народныма массами того значыня тых слов, того поділу и пропагуюг поділ и ненавист среди русского народа, для своей выгоды.

Мы пробуеме боротися с тым их сепаратизмом так, што прото не хочеме признати имен, котры сут и устрaнити их не можна, бо они маюг значыня.

Мы боронимся, особливо наши патриоты, от тых сепаратизмов так, як “струсь” (такий птах в пустыні ест), што як видит ворога, то сховат маленку головку до піску, а ціле велике туловище выставит на выстрілы врага.

И так, коли мы хочеме боротися с “сепаратизмами” — то мало заперечати имена, то нич не поможе, напротив, то нас побиват. Нам треба розуміти, поняти правильне значыня тых слов, то нас никто не розділит.

Як треба розуміти значыня имен Великоросс, Малоросс (украинец) Білоросс, Лемко и Карпаторосс?

Великоросс.

Великоросс, скоро около сто миллионoв, становит ядро всего русского народа, фун-

дамент русской державы, сегодня Сов. Союза. Кто чытат великорусскы газеты, книжки, або лем слышит великорусску бесіду, дораз познат, што то великорусска газета, великорусска книжка, великорусска бесіда, язык. Того никто заперечыти не може, што тот язык, бесіда, отміннійшы от украинской, білорусской, лемковской. Правда, в книжном языке, попало або сохранилося много из малорусской, білорусской, лемковской бесіды, бо тота великорусска бесіда хоц найліпше розвита, але наймолодша бесіда. Найстарша русска бесіда, то лемковска, о котрой будеме писати дальше. Если ищы тот великорусский язык не перешол в ужитя всего русского народа, то лем зато, што тоты русскы племена не поступили настолько культурно, штобы ся зляти, як приміром злялися німцы. Друге, тоты русскы племена находятся на дуже шырокой території, слабо коммуникуюгся, вели дотепер переважно сельске жытя, а найголовнійше, діло школьне было совсім занедбане старым правительством. Великороссов называюг жартобливо, або прозывково, “москалями,” або “кацапами.”

Заселяюг Великороссы огромну часть Восточной Европы и сіверну Азию, т. з. Сибир, котру покорили своим историчным народным упорством в гляданю и колонізованю новых территорий на Востоки, так што доперли аж на Аляску, в Брит. Колумбию и Калифорнию, ту, в Америкі, але што не перетровили ищы Сибири, вернули назад, за Тихий океан.

Малороссы (украинцы).

Чом имя “малоросс” не принялося, а заступлене именем “украинец?” Повідаюг, што “малоросс,” имя образливе, яко “маленкий” и приняли “украинец.” Имя “украинец” треба розуміти территорияльно (географично) и племенно, (этнографично). Территорияльне имя Украина, походит от “край,” “краина,” окраина,” у краю, “украина,” ясно, што то был край на краю дакой державы. И правда, Украина была на краю польской державы даколи и тепер ест на краю русской державы, ци Сов. Союза и имя Украина тому краю подходит. Тоже не ниякий национальный гріх, называти тот народ и племенно украинцами, яко отмінне племя, по бесіді и типу от велико-

россов и білороссов, по бесіді, типу и характеру. Тоту отміну, велику ци невелику, каждый замітит и она, тота отміна у здорово и правильно думаючого человека, не мішат в единстві національном и державном, русскому народу. Глупо добачатися в том такой отміны, што по причині той отміны мае быти особый народ великорусский и особый украинский и маюти мати и еден и другий свой национальны "самостийны" державы. Больше глупо повідати, што ниякой отміны ніт, што украинців ніт и не признавати ани слова украинец. А галицкы украинці? Галицкы украинці, значыт, жители Восточной Галичины, котры желают называтися украинцями, по той причині, што они едного типа и найблисшой бесіды с украинцями на Україні, най называються, то не шкодит, коли тоту назву розуміют, яко лем тоту невелику отміну, по бесіді и типу, от великороссов — однако тоты, што розуміют тоту назву яко "самостийность" национальну, розуміют блудно, або фальшиво. Значыт, што ту не треба боротися с "именем," а с тым блудным або фальшивым понятъом того имени. С тым понятъом, значыт с самостийностью, треба боротися беспощадно всім. С именами борются лем дурны.

Білоросс.

Білороссы жыют на Западі от великороссов, на Сівері от украинцев, граничат с литвинами и поляками. Сегодня часть білороссов в Сов. Союзі, а часть под Польшей. Білороссы сознают свое единство с великороссами так, што пробы национального сепаратизма выгасли на початку, ищы добри не почалася у них тота пропаганда білорусского национального сепаратизма. Мы встрічаеи и ту, в Америкі білороссов, праві всі емигранты из бывшой России, то білороссы и украинцы, бо великороссы не эмигрировали в Америку — и тоты білороссы всі держат себе русскими, ци они в рабочей партии, ци в яких национальных. Была проба выдавати для них газету, специально для білороссов, однако тота газета печаталася по великорусскы. Значыт, у білороссов уж ніт ниякого потягу до своей национальной самостийности, они зливаются на наших очах с великороссами в один язык и культуру и скоро злиются совсім. Они показуют дорогу украинцам и лемкам.

Карпаторосс.

Коли слова великоросс, украинец, білорос и лемко, кромі територіяльного (географичного) маюти значыня и племенно, значыт означают отміну типа и бесіды — слово карпаторосс мае лем територіяльне значыня, племенного значыня не мае, бо не выражат племенной отміны. Карпатороссом называеи каждого русского жителя Карпат, ци он украинец, ци лемко, называеи го карпатороссом по горах Карпатах и по общой национальности. Раз русский, руснак, русин, украинец, а жые в Карпатах — то правильно для него имя — карпаторосс, ци он в Карпатах по стороні галицкой, ци угорской, ци из Крыниці, ци Орябины лемко, ци он из восточных Карпат, гуцул.

Лемко.

Лемкы, то мы и зато нам треба найліпше розуміти понятя того имени и треба знати найбільше о собі. Треба знати положыня нашего краю и нашего народа, бо от того зависит, яку мы поведеме народну роботу и политику, от того зависит наша будущность, жытя народне, або народна смерть.

Бо коли великороссу не грозит нияке вынародовлене, коли білороссу або украинцу меньше грозит, а даже нашим братьям за Сяном и Ужом приходит лекше боронити своих прав и своего стану посіданя и для них ищы не великий гріх, коли они меньше знают о собі, мы, лемкы, мусиме знати и поставити себе высше в народном сознанию, в народной организации, от других русских, бо лем сознание, организация, може нас вывести из того положения национального и экономичного, котре грозит нам народном смертъом. И зато, не треба нам так старатися Москвом, Киевом, Львовом, Россиом, Украинном, як нам треба старатися своим окравком русской земли, нашем Лемковином.

До того часу мы не старалися своим земльом и своим народом и задоволювалися в национальном ділі самым словом "русский," а як ищы зме додали до того слова "грекокатолик" або "православный," то здавалося нам, што мы уж вшытко знаеме о собі, што под защытом тых слов останеме жыти аж до скончания віка. Экономичне, господарске наше положыня таке, што половина из нас выемигрировала в Аме-

рику за куском хліба, а друга половина тепер вымерат там от голода, в тот час, коли при добром народном сознанию, доброй народной организации и доброй политической ориентации, мы можеме жыти на своей землі так само, як наши сусіде, а може и ліпше.

В той ціли мы організуемєся для себе.

Тоты, што кричат, же “мы не лемкы, а рускы,” люде нерозумны, або фальшивы, люде, котры не розуміют значыня слов, або люде, котры не хотят робити для свого народа и свое лінивство засланяют словами.

Из выше сказаного выходит ясно, што мы: И рускы и карпатороссы и лемкы. Але коли лемко не хоче признатися, што он лемко, то он и не русский на ділі, а на словах, лем віром, а не ділом русский, бо всякий русский не буде хвалитися именем, а робити, каждый на своей najbliżшой территории. Не буде ждати, штобы за него другой зробил, або штобы народ вымер з голоду.

Лемковина.

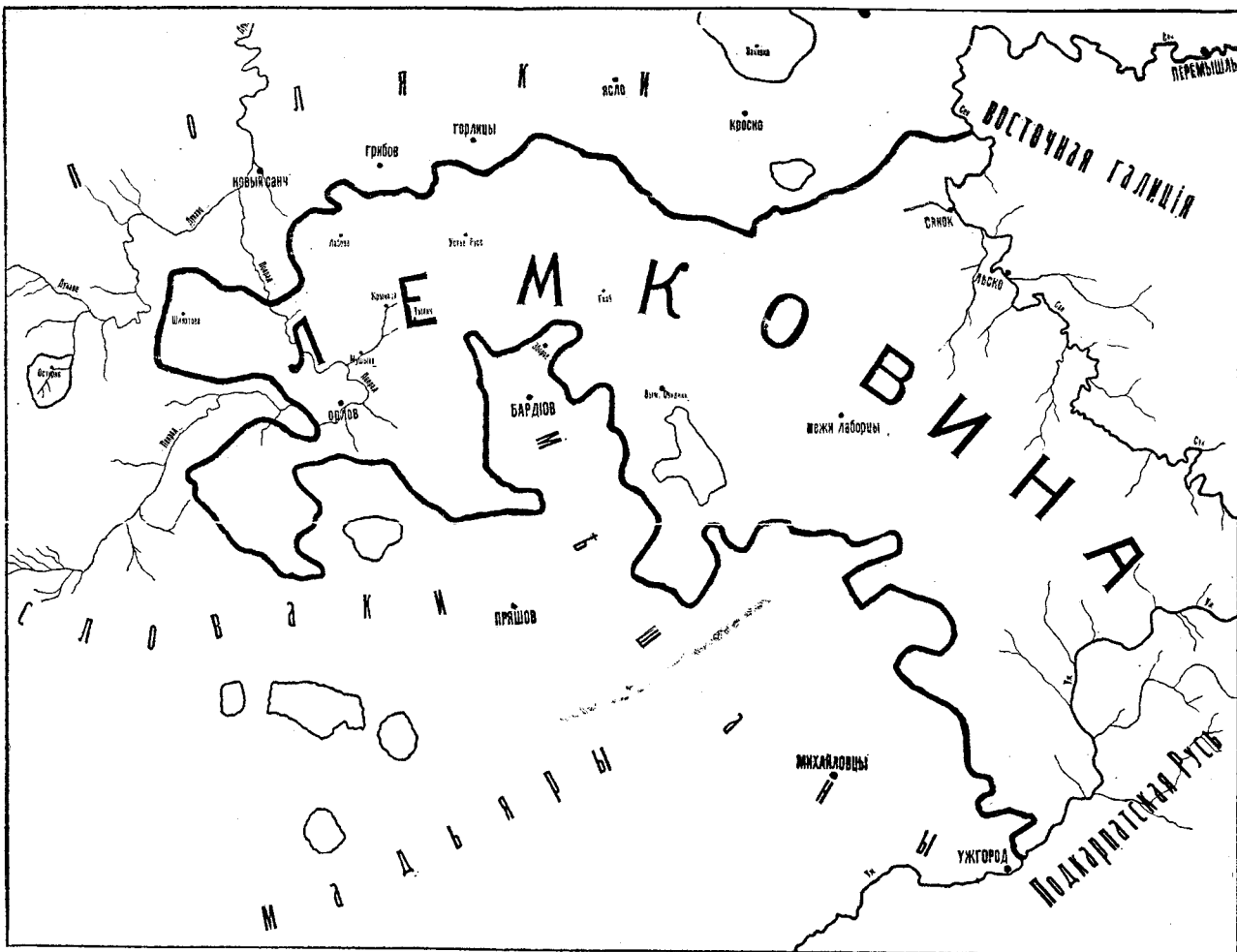
Факт ест фактом, што кусок русской земли, на котрой сохранилася часть русского народа, находится аж за Сяном и Ужом, а на тот кусок русской территории и часть русского народа не звертали увагы сусіде, а коли звертали увагу, то не зато, штобы тому народу помочы, а зато, жебы го як-найбольше выкорыстати и то так наши восточны братя, як и наши сусіде, котры розділили помеж себе нашу территорию и нас самых, политично и старалися через цілу их и нашу историю нас вынародовити. Плоды их работы видно на той карті. Дакколи тото наше племя, котре сегодня отсутне в вершкы гор, занимало землі под Карпатами. Сліды того оставило по угорской стороні аж гет за Кошицами и в Пряшеві. И по польской стороні наше племя сягало дальше на сівер, сліды свои оставило недалеко Тарнова и Ряшова. Але то стары факты. Тото уж сталося давно и тото мы сегодня забудме, а стараймєся звернути всю свою увагу на тот народ и тот край, што ищы остал, а остало его столько, што он може зограти велику ролю в соединеню так русского народа, як и славян. Бо ніт сомніня, што до соединеня славян мусит прити.

Лемкы огниво, котре вяже славян с Русским Востоком.

Лемкы и тот невеликий их край, положены в самой середині славянства и они их тип, бесіда, характер, говорят нам о том старом часі, коли славяне были едно племя. И тота их найстарша бесіда была найподобнійша до днешньої, лемковской. Лемкы припоминают русским своим бесідом и своим положеніем, што русский народ, котрый заселил Восточну Европу и Сіверну Азию, то выходцы из тых Карпат, их предкы, именно лемкы.

Што до того, до научной стороны происхождения славянских народов вообще и русского народа в особенности, то лемкы наша бесіда, тип, характер, богатый материял.

Нам важно знати наше географичне положыня и застосовати нашу организацию народну роботу и политику, до того потиложыня. Бо коли мы будеме хотіти выкрутитися от той работы лем словами фразами о “русскости,” о великой неділі мой Руси, о князях, царях, патрархах, епископах и козаках, то ниякой из нас корысти не буде ни для русского народа, ни для самых себе, зыйдеме попросту нанич будеме лем погноюм для империялистов як зме и дотепер были. Як видиме на той мапкі, так чыстой нашей русской территории осталося уж барз мало. Однако тота территория, тот край русской земли, ограниченный том грубом границом, на западі котру переплывають рікы Попрад и Дунаец на востокі прилягат до Вост. Галичыны и Подк. Руси, от котрых ділит го Сян и Уж — так чысто русский, што ни одного села польского або словацкого на той территории ніт, наших чысто русских сел находится на той территории выше 6 соток котры поділила чехословацко-польска граница помеж польску и чехословацку державу. Тот кусок нашей землі, в воздушной линіи около 80 километров долгий, 40 километро шырокий в найшыршом місті, а около 2 в найушшом. Населения около 500 тысяч. Коли бы мы были разом, значит, коли бы нам была дана справедливост национальна то наш край выглядал бы так и политично админістративно, як он выглядат этнографично, або был бы присоединеный в цілс

сти административно до восточной территории.

Того они не зробили и не зроблять добровольно и потому нас поділили, шtbody скорше перетравити.

Тепер посмотрте на тоту другу мапу, а увидите, як мы поділены:

Найперше мы поділены границом от запада на восток, через половину и уж, нашу маленьку территорию, дуже узку по природі, поділили на дві узку части, так шtbody ни одна, ни друга не мала в той державі ніякого политичного значыня.

Але, тоты империялисты не задоволитисы ищы таким поділом, а поділили ищы на меншы часткы и каждую таку частку, одособнили и присоединили до польского, з другой страны словацкого округа, так, шtbody мы со-всім политично роздроблены розорваны и безпомочны.

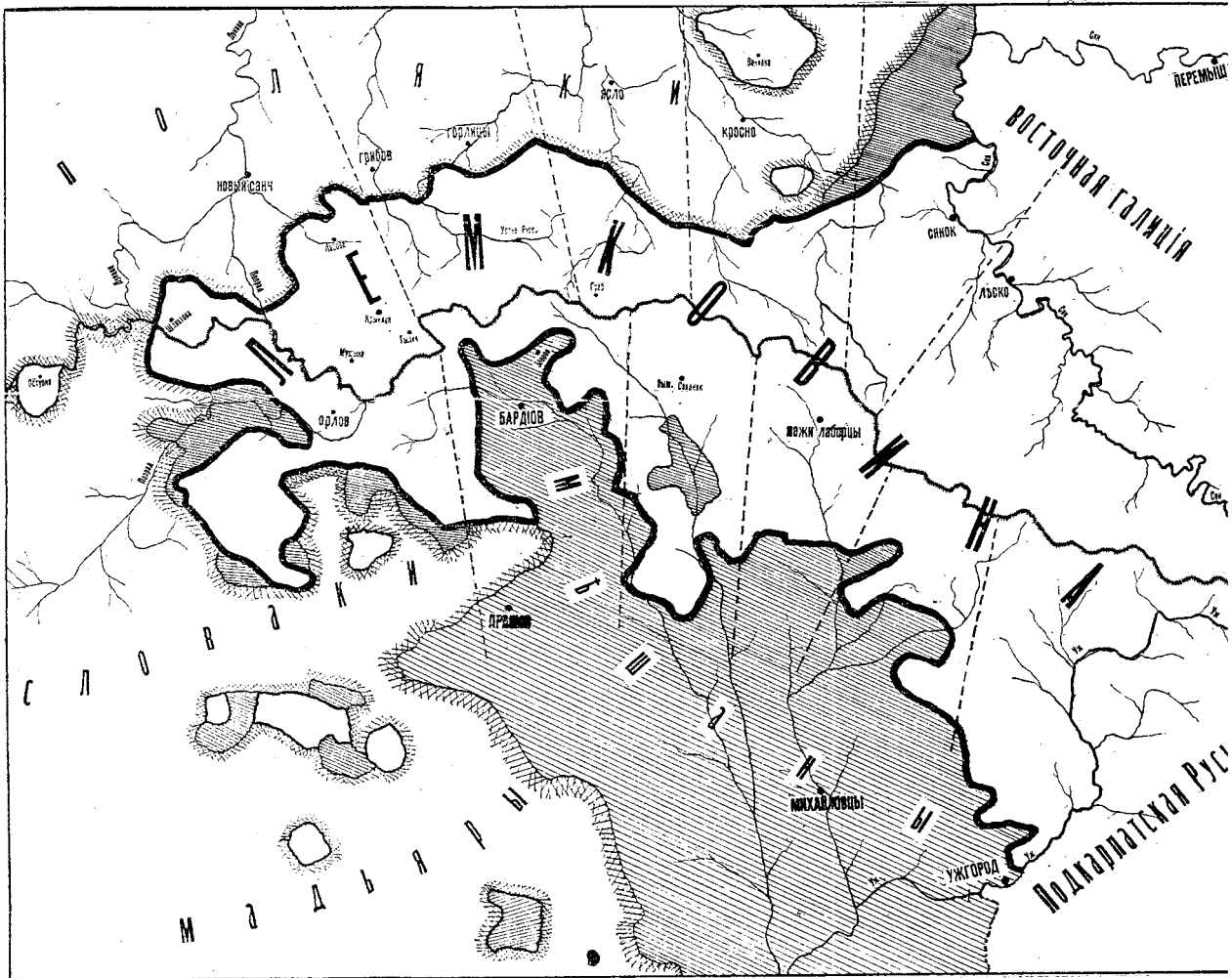
Боротися нам лемкам за Русь, то не значыт боротися за имя "Русь," або за

Россию, а боротися за себе, за свой край, за свои права в том краю.

Посмотрте на тоту другу мапу, от Бардіова по Пряшев, там, где написано "мішаны." Тото мы уж стратили, мимо того, шtbody ищы все кричыме, шtbody вшиткы греко-католики русскы. То нич не поможе, бо діти учатся по словацкы, народ "гутори по словенску" и держытсся за словаков, мимо того, шtbody даколи всі они бесідовали так, як бесідуеме мы и называли себе "русскыма," як мы себе гнескы ищы называеме. Нич им того не помогло, бо помочы лем може народна організація, своя школа, на своей материнской бесіді, чому ся так операют нашы патриоты.

Народна Школа.

Тот рух своей школы, своих школьных книжок для народных школ, почался на польской стороні Лемковины и тот рух за свою народну школу значыт для нас, лемков, перелом в нашей народной обороні

и прогрессі. Своя книжка для наших дітей, має велике значення. Важне, щоб и наши угорскы братя лемкы пошли слідами галицкых, а наш народ спасеный, он останея руский. Што свого родного языка нема што бояться, дали нам найліпший примір и доказ народного пробужденя при помочы родного языка наши братя в Бачкі.

Керестурчане.

Пару сот літ тому переселилося пару тысяч земплинчанов, гр. кат., в южну Угорщину, в Бачку, в сусідство сербов и там они основали пару сел, из котрых найбільше Керестура. Тепер их там около 20,000. И знате, што тоты наши братя, котры по войні досталися под Югославию, зробили? Основали свою культурно-просвітительну організацію ищы в 1921 р., зложыли на первый клич около пол милиона корон, выпустили свою новинку, календари и школьны кни-

жкы и учат свои діти на своєї родной бесіді. Они ей называють руском, хоц она тота сама земплинско-шаришска сотацка бесіда. Они ся ей не встыдят, напротив, пишут на ней, учатся и учат свои діти на той своєї бесіді, ужывають рускых букв. Примір их правописаня, "фонетыкы," подаеме ниже. Перепечатуеме верш, написаный их поетом. Др-ом Костельником. Не переменяме, лем так оставляме, як было напечатано в календарі, изданом в Керестурі, в 1921 року на 1922:

СТАНЬЦЕ, СТАНЬЦЕ, БРАЦА МОЈО!

(Моім братом мојо послание зос давней нашей оцовщини).

Родза поля, роцню зарна
—Нашо поля, нашо зарна!
Привязала нас гу себе

Тота наша жем богата,
Ровна чарна!
Вона то нам шицко дава,
И ми шицко ей даваме,
Цо лем маме:
Труд и дзеку, шерцо, душу,
Себе, дзеци, живот — шицко,
Цо лем маме

Нашо поля, нашо зарна —
Браца мойо, мили браца!
Най вам Бог их благослови,
Най вам щедро плаца!
Але чи то шицко того,
Цо нас людзох, людзми твори?
Чи то жиц нам лем о хлебе?
Чи не иньшак Бог гутори?

И по польох и по лесох
Жвири жию: едза, пию.
А не шею, и не коша,
И не преду и не шию —
Але зато шмати ноша!
Жию, як уж жвири жию:
Шпя, ставаю пию едза . . .
Але цо су? То не знаю,
И другим то не поведза!
Як ше родза, так и гиню —
— През языка и през мена,
През памечи, през спомена!

Станьце, станьце, браца мойо!
З жеми ви ше подзвигніце —
Хто сце? Цо сце? Дзе ваш язык?
Яке мено ви носице?
През языка и през мена
И през шерца и през души
Чи то так нам жиц?
Не жиц — але гніц
През памечи, през спомена!
Станьце, браца, най у каждым
Шерцо ше вам руши!

Нацо красна хижа, кед є
Пуста — кед нет газди?
Розвалї ше и розпадне —
Диждж и витор ю вивраци!
Нацо народ, цо през шерца,
Цо през мена, през языка,
Цо през кнїжки, през науки?
Ша то и вон так препадне,
Як през газди хижа зніка!

Бо моцнейши чловечески
Язык, якцо руки!

Гей Руснаци браца мойо!
Двасто роки сце чекали
На шлебоду! Слава Богу,
Же сце ше ей дочекали!
Свойо мено, свойо школи,
Язык свой и кнїжки — свойо
Яке добро! Уж одтераз
Нашо дзеци — нашо буду!
А не цудзи!
Пак и оцох не забуду!
Яке добро, браца мойо!
Але найше кажди збудзи!

Родза поля рошню зарна
— Нашо польо, нашо зарно! —
Дзеже тоти милиони,
Цо зос жеми їх збераме?
Чи да нам препадно марно?
Зос жеми їх вибераме —
Чи их зашлем чарней жеми
Назад врациц маме?

Хторе дrevко не заквита,
Тото ше вицина —
Народ тот препадне, цо ше
Гу небу не спина!

Гей Руснаци, браца мойо!
Дзеже тоти милиони,
Цо нам за нїх живот купиц —
Живот души, живот мену,
Живот слави и спомену?
Досц би було, кед би еден
Зос вас повед: “Ту су вони!
Полак моеї жеми давам
Нач? — На живот нашей души!
На славу руского мена!
Знам, цо робим; Знам и видзим,
Бо ми душа пребудзена! . . .”

Мог буц Закхей з Єрихону?
А у нас да нет Закхейох?
Попать, Боже, на наш народ,
У богатим дай народзе
Народних даровательох!
Наших рускох зроб Закхейох!

Буду нашо кнїжки — злати,
А ми — о двойне богати:
Нашо дзеци — нашо буду,
Своїх оцох не забуду!

Наша інтелігенція встыдацца свого народнаго языка, хоц нас вышэ пол милиона и наш народный язык далеко блисший обшерусского, як их.

Их ест лем 20,000, закиненых совсім, яко колония, меж другы народности, никто бы и не подумал, што тоты пару сел не пропадут национально. А вот они встают и не хотят пропадати. . Встают не так, як мы тых пару сел зложыло в одном року вышэ пол милиона корон. Просты селяне складали по 5,000 корон для просвітительной работы.

Не придумали они свою фонетику для того, штобы одорватися от русского народа, но, напротив, штобы спастися для русского народа, штобы быти тым маленьким огнивом, котре вяже всіх славян.

Своим пробуждением, своим писмом и языком они доказуют, што и наши шарышакы и земплинчакы, котры говорят так як они, тоже русске племя и приде тот час, што и они оцінят свою бесіду и заведут ей в свои народны школы и схотят быти связующым огнивом славянства.

В интересі славянства и русского народа для того племени в Восточной Словакии своя народна школа и народны издания. Они, тоты шарышакы и земплинчакы, котры “гуторят,” не словакы, чого найліпшым доказом тот язык, литература, пробужденіе и сознание колонистов в Бачкі, в Югославии. Наши діятели, вмiсто сваритися на “языках,” ліпше зробили бы, якбы издавали для того народа популярну, народну литературу и газету на шарышиском диалекті. Мало кричати, што мы русскы, што мы греко-католики, русской віры и русского обряда, бо то нам нич не поможе против словацкой школы. Але тот словацко-русский “сепаратизм” нам дуже поможе. Такий “сепаратизм” не ділит, а соединят, он стае кріпкым огнивом славянских племен и народов, он зближат русских и словаков, через словаков чехов, в славянску родину. Той славянской близкости и об’единения, треба учыти славянскы племена и народы, на той простой, зрозумілој для каждого племени языкі. То буде правильна славянска идея, а не тота, яку тепер проповідуют лидеры того славянского сближения, а творят якраз противны славянскому сближению діла, нищат тоты огнивка, котры припоми-

нают единство славян, нищат всяку связь с русским народом своим национальным шовинизмом. Их “славянство” фальшиве.

Народна школа на Лемковині.

Лемкы по польской стороні отнесли велику побіду. С початком того школьного року заведений в русскы народны школы на Лемковині свой буквар и перва читанка.

Не всі мы розуміеме добри, яке велике значыня мае своя книжка, на материнской бесіді, особливо для дитины. Одны повідят, што то “сепаратизм,” другы, што то не русский литературный язык, а мы, гварит, всі должны мати еден язык от Попрада до Камчаткы, третьи повідают, што ліпше было бы, штобы были тверды знакы, а без тых твердых знаков, то мазепинске и т. д.

Повідают так и выступают против своего материнского языка и писма люде, котры совсім не розуміют народной школы и русской идеи. Они люде уперты, зо застарілыма взглядами, котры уж тепер трудно им выбити з головы. Они не можут поняти того, што приміром, язык нич инше, лем орудие выражения людской мысли. Чым яснійше, понятнійше можна выразити дакому свою мысль на даяком языкі, то он ліпший язык для той задачи. Коли зыйдется с французом, знате по французскы и знате, што француз не знае по русскы, то мусите уступити от своей т. з “национальной гордости” и об’яснитися с французом по французскы, жебы сте ліпше порозумілися. Бо ту перше діло об’яснити діло. Мате, приміром, продати дашто французу и треба захвалити товар, то ся старате захвалити на его языкі, бо як му добри, понятно для него не захвалите своего товару, то захвалит другий свой товар, хоц он и горший товар и будете подкупены.

Так само и наука. При научаню народных масс, треба послуговатися языком масс, бо народ иде найперше за тым, кого ліпше розуміе, мимо того, што тот, котрого народ розуміе, може давати тому народу злу науку.

Мы, приміром, видиме, што в Восточной Галиции, або на т. з. тепер “західной Украині,” наш народ слухат ліпше украинских предводителей, як русских. Ци може зато, што украинці ліпший товар, ліпшу науку,

ліпшу идею дають? Но. Они дають тому народу трутину. Бо ненависть до руского народа инакше назвати не можна, лем трутином. "Самостийность" украинцев инакше назвати не можна, лем самоубийством нашого народа. И то дуже легко об'яснити, што така пропаганда их вредна, трутина. Але нашы "русскы патриоты" того об'яснити народу не в силі, бо не признають украинского языка, котрый народ ліпше розуміє, як великорусский. Правда, нашы галицкы патриоты спохватилися тепер и видають для народа газету по украинскы, об'ясняють як можуть уж и по украинскы, фонетиком, але то все запоздно, уж и не мають сили об'яснити, тым больше, што сами остали при том великорусском языке и для себе мають спеціальну газету, якбы сами народного языка не розуміли. Относятся до него больше с погордом, яко простого, хлопского.

Мы маме тепер плачевный примір той языковой неразберихы в Подкарпатской Руси. До войны в Подкарпатской Руси не было украинця. Народ стоял стихийно за единство руского народа. Розумієся, не розумід, чом он стоит за единство, а так, по души, по традиции, по вірі. Мадьяре не допускали нияких наук на народном языке. Минуло около 15 літ и украинска самостийна пропаганда врзалася так в Подкарпатску Русь, што нашы "русскы патриоты" тратят голову. Борются с том пропагандом "русским лителатурным языком" и "православием," так само, як даколи в Галичині. Всі газеты, книжки, пробують издавати на великорусском языке. Розумієся, книжки и газеты гниют. Самостийники берут позицию за позициом. Им нашы "патриоты" с их ломаным великорусским языком совсім не страшны. Нашы патриоты того не розуміють. Правдивы русскы "патриоты" на Подкарпатской Руси, то коммунисты. То одинока партия, котра гасит тоту украинску пропаганду ненависти к русскому народу. Студенты борются за "русскость" так, што преходят на православие, штобы запротестовати против украинского языка капитулы. Нич то не поможе. Ліпше бы зробили нашы студенты, штобы сами "с'украинщилися" настолько, штобы говорили и писали для народа на его языке, на таком языке, котрый он ліпше розуміє и боролися

за школу на таком языке, а с литературным языком почкали, покаль не приде на тот час. А приде на тот час втоды, коли народ отвернется совсім от украинских самостийников и порозуміє, што ему конечно потребный великорусский язык. А штобы тот час приспішыти, то его треба учыти руского, але на народном языке. Коли мы тепер, не понимающему, больше пхаме того языка, то мы дальше отдаляме тот час и робиме велику прислугу никому другому, лем украинским сепаратистам.

Тото уж поняла часть нашей лемковской интеллигенции по польской страні и добилая школьных учебников, на народном языке, в школы на Лемковині.

Нашы учебники доказуют, што остаточно польске правительство признало нас, што мы истнуеме, бо признало нам перше право, яке належытся каждому народу, а то право на свою народну школу. Организовано, мы выбереме и школьную автономию.

Дальше: Нашы учебники положат конец украинской самостийной пропаганді у нас и пропаганді ненависти к славянству, особливо к русскому народу.

Нашы учебники спасут нас от колонизации.

Пряшевщина.

Далеко больше потребны свои учебники на народном языке по другой, словацкой стороні Лемковины, в т. з. Пряшевщині. Чехословакы презначыли тоту частку нашого краю на ословачыня. И тот частка нашего краю, по причині неприготовления нашего народа к обороні, дуже податный грунт. Крім того, шаришане, котры говорят на переходной бесіді словацко-русской, котрых примір языка, колонистов в Бачкі, мы подали выше, станювят для словакизации знаменитый мост, опоры, бо тоты шаришане и землинчане, котры говорят на том языке, называют себе словаками, а тых, што ищы называют себе руснаками по религии, дуже легко перекопати, што они словакы, особливо, молодеж в словацкой школі. В Польшы такого переходного языка, межы лемками и поляками, ніт и потому по польской страні, етнографична граница межы поляками и русскими преходит ясно, без мішанины.

И потому Пряшевщині ищы больше потребны и конечны свои учебники, на лем-

ковском говорі, як польской стороні. Завести такы учебники не буде трудно, чехословацке правительство уступити мусит хоцбы лем потому, штобы не показати себе горшым от польского правительства. Коли дотепер чехословацкы школьны власти упераются, то находят выкрут, што мы сами не знаме, што хочеме, якого языка, яких учебников. Хочеме едны великорусских, другы украинских и т. д. Тепер пряшевске учительство буде мати уж примір таких учебников и потому должно покончыти с всякими язычянями и “мовами,” а послідовати приміру лемковских учителей по польской стороні Лемковины.

Меж нами положили границу, мы не маме силы знести тоту границу, але маме силу выкинути ей через общу культурно-просвітительну роботу для нашого куска русской землі и русского народа, котрый нашолся закинений межы чужыми народами. При обороні того куска русской землі мы мусиме розуміти, што он один кусок, а не два, што одна сторона мусит ити за другом, одна сторона мусит беронити другу, што обі стороны мусят жыти едном науком и едном идейом. Лем так мы можеме остоятися и кромі великой роботы для свого народа, зробиме велику прислугу русскому народу и славянству.

На автономну Подкарпатску Русь ніт што Пряшевщині оглядатися. Говорити о присоединеню Пряшевщины к Подкарпатской Руси адміністративно и школьно, ніт што говорити и думати в Чехословацкой республикі. Вмісто потішатися такими резолюциями и требованіямы, ліпше махнути на тоты резолюции руком, а робити роботу на місті. Почати ґрунтовно, от школы, от школьных учебников на народном языке. На Подк. Русь ніт чоґо оглядатися и ждати розвязаня “языкового вопроса,” бо он там николи розвязаный не буде. По всей віроятности захватят школу чехы, або украинці, як то сталося в Вост. Галичынi, а нашы патриоты останут на леді, без народа, бо не хотят порозуміти того народа и народ не може порозуміти их.

Коли Пряшевщина буде ориентоватися на них, то буде совсім ословачена. Лем своя народна школа и народны учебники в той школі, народна литература, могут ей спасти.

Ищы о “сепаратизмі.”

Нашы народны предводители на польской стороні позбылися страху от “лемковского сепаратизма.” Порозуміли и робят добру русску роботу на своей территории. В Пряшевщині не могут позбытися того страху, хоц выходило бы, што Др. Жидовский согласен с лемковскими учебниками в русских школах по польской стороні Лемковины, бо выразился в “Народной Газеті,” што добри зробили. Чудно лем, по якой причині Др. Жидовский не переводит той самой идеи в Пряшевщині? Тоты причины было бы дуже интересно знати, раз он уж переконался, што в том ніт ниякого сепаратизма. Ту могут быти лем такы причины:

1. Або русский народ в Пряшевщині уж выше стоит от галицких лемков, так што ему приходит легко розуміти великорусский язык — або

2. Тот народ уж так занебаный, опущеный, што уж ему не поможе нияка книжка, школа и учебники, а тота вся “русскость” триматся лем так, для народных демократов — або

3. Другы патриоты видят в том ищы “сепаратизм” и Др. Жидовский не сміе ангажоватися, яко “сепаратист,” впрочем и не выходит якоси з великой программы сходити на маленку, из территории от Попрада по Тихий океан, сходити на такую маленку, як от Попрада по Уж, для своей деятельности.

Я думам, што ту, найправдоподобніша тота третя причина.

Так “сепаратизма,” в народном языке, ниякого ніт, напротив, на том народном языке найлекше убивати всякы сепаратизмы в народі. Бо не тот сепаратизм страшный, котрым переполненный, дайме нато, пан Панкевич, Брашайко, або Волошин. Тот их сепаратизм не мае ниякого значеня для русского народа, не приносит никому вреда, кромі тых панов, што их робит идиотами. Але сепаратизм, вщеплений в народны массы, уж вредный цілому народу. Сепаратизм я розумію ориентацию на запад, переконаня народных масс украинских, ци карпато-русских, што они мают ненавидіти вшытко, што русске и отділитися от русского народа, ити против него с западом. И тоты Панкевичы и Брашайкы для той своей ціли преконаня масс, употребляют языка тых масс, среди котрых ведут свою пропаганду и мас-

сы розуміют, што то люде их, коли на их языку говорят и пишу́т и иду́т за ними. Ясно, што так само и нам треба робити, переконувати массы на их языку, якраз в противном, а то в единстві русского народа. Наша работа буде далеко лекша, коли ужыеме того орудия, што и они. Лем ту не треба хытрить, часом лем заговорити “по лемковскы,” як по хлопскы — а треба напряду полюбити тот народный язык и оцінити го, яко великий наш скарб, далеко нам дома цінійший, як великорусский, треба издавати на том языкі книжки, газеты и переписоватися.

Ту не в том суть річы, што Др. Мачик, Др. Жидовский и Киндя-Антков русскы, стараються говорити и писати по великорусскы, а в том, кто ліпше знае подойти к народу, ци они, ци Брацайкы, або даякы словацкы Глинкы и котра страна знае ліпше выяснити.

Мы знаме, што тот тип русскых патриотов провалился в В. Галичынi, а народ пошол за пропагандистами сепаратизма. И от той В. Галичины треба нам брати науку и знати, што тото орудие, котрым боролися с сепаратизмом, недобре. Тот “лемковский сепаратизм,” то он ест сепаратизм, але русский сепаратизм от украинских самостийников и тот наш сепаратизм наносит тым украинским сепаратистам тяжкий удар, так тяжкий, як ниякы научны доказы академий и наших почтенных историков и литературников, бо они лем для ученых — а нашы доказы для масс.

Пряшевским діятелям треба было бы тото поняти и пропаговати такой сепаратизм не лем у лемков, котры говорят ищы совсім по русскы, але и другий сепаратизм, для тых, што словакы употребляют их за средство против нас, сепаратизм цотацкый.

Тым они зроблят велику роботу русску и славянску.

Побіда Гитлера и захват ним власти доказуют, што німцы не отказалися от “дранга нах остен” и панования над славянами. Розуміеся, што славяне не маю́т чо́го боятися німцев, коли будут в единстві. Мы видиме, што Гитлер повернул уж Польшу из запада на восток, хо́ц наразі тот поворот Польшы несознательный поворот и так долго буде несознательный, як долго не порозуміют польскы массы, што русска масса им братска, што русскому империализму на этнографичных польских землях пришел конец раз

на все и то не по слабости русской державы, а по новому сознанию русских масс, котрых большевики научили правды братства народов. В России сегодня учат, што угнетати национально другий народ — преступление. Хо́цбы нашы сусіде, полякы и чехословакы, не принимали больше правд от большевиков, лем тоту одну, то славяне соединены и не боятся ниякого нападу германизма. Але тоту справедливость треба впоити в народны массы. Фразы Крамаджа и Дмовского о славянской взаимности, относятся лем до буржуазии, то лем вздохы, котры ниякого славянского соединения не принесут, бо останут лем все фразами, при насильном вынородовленю лемков, украинцев, білороссов.

Розуміеся, што и мы сами причыняе́мся до того недовіря у славян, через наше стремление до единой неділимой Руси от Попрада, ци от Генчанских Мостов по Тихий океан — из другой страны пропагандом “самостийной” Украины от Сяна по Кавказ, в союзи с Германіом. Перша идея страшыт поляков и чехов, бо они знают, што они робят с меншинствами и им здае́ся, што така “едина, неділима Русь” их буде гнести, як угнетала царска Россия поляков, або як они угнетают тепер нас. Они преко́наны, што иначе славяне не могут устроитися, не могут иначе сусідовати, лем коли еден другого дусит, коли еден другому захватит его землю и позбавит жытелей той землі национальных прав.

Так нас дотеперь выховували, учыли тоты, в чьем интересі така наука была.

Така наука не в интересі славянских масс, ниякых масс. Мы должны лічы́тиса сами и лічы́ти славянскы народы от той найтяжшой нашей хоробы, котра стоит на дорози славянскому союзу для обороны и для счастлившого, богатшого жы́тя, на великих, богатых просторах славянских земель. А мы лем так до того славянского союза можеме довести, як будеме робити каждый на своей территории и на той территории воспитовати народ в любви к своему славянскому сусіду, а не о побідах и панованю едны над другыми.

Если мы поведеме тоту работу народную лем на своей землі, на своей территории то мы далеко больше причыниме́ся до обороны “русскости,” як коли ей будеме боронити в России пред большевиками. В

славянском союзі будут мати всі славянскы народы и их языки еднаке право, покаль свободно, в интересі самых жителей, не злиются в еден славянский язык. В истории чеволічества языки розділяються, але и зли-

ПАРУ СЛОВ О НАШОМ ПРАВОПИСАНЮ

Як знаме, изданы и заведены в наших школах в Польшы лемковскы буквари и чытанкы. Коли того пишу, ищы ем не виділ того букваря, але знам, што писаный фонетыком, бо книжка на народной бесіді мусит быти писана фонетыком, то значыт таким писмом, котре переае найправильнйше выговор в даной бесіді.

Неправильно тоты нашы люде думают, што як ест положеный твердый знак (ѣ) або ять (ѣ) в писаню, то уж “этимология.” Но. Твердый знак не мае ниякого звука, значыт он совсім не рішат ни о “этимологии,” ни о “фонетыкі.” Твердый знак лем якбы памятка на конці слова, або выкрутас.

В “этимологии” рішат у нас буква “ять” (ѣ) и тот правильно пише “этимологиом” по русскы, кто знае где поставити букву “ять.”

Але правильно “этимологиом” можна писати на литературном, значыт великорусском языкі, бо тот “этимология,” тот звук букв, приправлений до того языка. До нашего народного языка не приправлена, ани не може быти приправлена и зато, хоц мы кладеме тоту букву в своем писаню по лемковскы, то кладеме блудно и тот, котрый не знае нашего языка, приміром великоросс, чытат того “ять” по своему и выходит му друге. Однако, привыкшы до тых букв лемкы, можут собі писати, зато не шкодит, лем най выразно пишут.

Росходится о нашу школу. А в школі уж мусит быти правило правописаня. Мы, в своих книжках и газетах должны триматися тоже того правила школьного, каждая книжка и газета инакше писана быти не може.

Повідам, што ищы не знам, яке правило писаня приняте в наших школах, бо ищы ем не виділ, дост, што пред принятом того правописаня, учителя звертали в редакцию газеты “Лемко” за порадом и редакция перслала им взорец такого правописаня, на яком изданный тот календар. Правдоподобно, што школьны книжки издаются так.

Розуміеся, што того правописаня можна поправляти, штобы оно было ищы лекше и ліпше приближене до великорусской фонетыкы, поправити все можна, але все ліпше ближе русского, як дальше от него, лем штобы не змінати звука.

Жытя бідных на Лемковині

ваются. Розділят их пространство, брак коммуникации. Зливат коммуникация, индустрия. Пред славянами союз, коммуникация и индустрия и слияние, по приміру Америки, где дальшы собі народы злялися в один, американский.

Мы, лемкы, зограме в той будущей истории славянства роль моста между восточными и западными славянами и мы должны приготовитися для той ролі, через свою школу, книжку и выхованя нашего народа в том духі.

Пряшевщина должна ити с нами, бо мы мусиме мати силу, штобы зме выдержали до того часу, были в силі культурно отперти напор наших западных сусідов, бо коли они претровят нас, то лем ся им аппетит заострит на дальше и отдалит славянску побіду. А выдержати можеме лем при своей народной бесіді, коли ей належыто оцінимо, яко бесіду нашей массы.

Разница наших букв от тех, котрых уживают великороссы в своей фонетыкі, лем тота, што у нас ніт буквы “э,” котра у великороссов читатся твердо: “это” (не ето, як гдєкотры карпатороссы читают). У нас тым твердым “э” остає буква “е,” котра у великороссов читатся мягко — если.” Они читают “если.” Небо — великороссы читают “небо. Зато мы оставили по своему, “е” яко тверде, а “е” яко мягке, а без “э” в лемковском писаню можеме заобыйтися.

Самогласна “ы” у нас, лемков, має тот сам звук, што и у великороссов и потому мы оставяме ей и кладеме там, где чути звук “ы,” хоц великороссы не все кладут в том слові, а то зато, бо у них другий звук того слова. Приміром “читатель” — у них чути звук “и,” “чи” — у нас “ы.” “И” остав-

Лемковске дівча в неділю.

ляме, яко “и” тверде. В великорусском выговорі такого твердого и — ніт, их “и” мягке: “организация,” читают: “організация.” Мы мусиме мягкого “і” ужыти. Буква “і,” то мягке і, котре заступує нам украинске “ї.” Украинці, в своем стремленю одособнити якнайбольше свое писмо от русского, выкинули букву “ы,” за котру подставили “и,” тверде “і,” а за мягке придумали з двома kropками. Мы того робити не потребуєме,

бо нас не страшыт русска буква “ы.” Если мы принимаєме свою правопис, то не для сепаратизма, жебы дальше отдалитися от русского, а напротив, штобы наблизытися, а собі зробити выгоду, лекше писмо для нашего народного языка.

Так памятати, где ставити “ы,” “и” и “і”:
— Ы ставити там, где чуєте твердый звук “ы,” приміром: “Рыба,” “шыба,” “чытам,” “полякы,” “кый.” “И” ставити, где твердый звук “и,” приміром: “низко,” “слизко,” “ходити.” “І,” то мягке: Приміром: діти, істи, сидіти.

Николи не класти само “і” меже словами, наприклад: Зерно “і” сіно, то зле, то украинска фонетыка, а зерно и сіно.

Впрочем, с часом, наше правописаня буде выраблятися, правописаня каждого народа поправляють, приміром полякы, отколи зме ходили до школы, уж два раза поправили свое правописаня.

Одного при тых поправках наши учителя маю триматися, а именно: Штобы николи не вводити такы непотребны поправки, котры бы нас отдаляли от великорусского правописаня, а штобы сближали с ним.

Ваньо Гунянка.

ЗОПСУТА ЛЮБОВ

(Співанка до танцу “потрясана”).

Любил мя муж,
Дост долго уж!
Люде завиділи,
Мужа напоили,
Недобрый муж!

Я гварю так:
“Ты хлоп дурак!
Бо я уж не така,
Полюбила-м дяка
Ты хлопе хам,
Замет сой сам!”

Бил мене муж,
Три разы уж!
Бил мене рукою,
Где пиду постою,
Нич не дбам уж!

Гварил мі дяк,
Же приде пак!
Я зроблю ся хора,
Ты не клич доктора,
Най лічыт дяк!

Гварит мі муж:
“Ноле ся руш!
Ид хыжу замести
И смітя вынести,
Бо уж час, уж!”

Муж крикнул: Гоп,
Таж я твой хлоп!
Ты лем завсе така,
Смієшся до дяка,
Гоп, жено, гоп,
Таж я твой хлоп!

Н. Микулич,
Джерзи Сити.

Лемко-Союз

ТОТ минувший рок, 1933, дал нам первый организованный Лемковский С'їзд, котрый отбылся в половині февраля, в Питтсбургі. Читатели газеты "Лемко" читали о том с'їзді в газеті, в котрой был помещанный цїлый протокол. В календарі нїт міста, штобы помїстити цїлый протокол с'їзда, выстарчыт вспомнуги, што аж от того нашего организованного другого Лемковского С'їзда в Питтсбургі, почалася правди-

Второй Съезд Лемко Союза С.Шт. и Канады. 11-12го Фев. 1933. Питтсбург, Па.

II ЛЕМКОВСКИЙ С'їЗД В ПИТТСБУРГІ

Первый ряд згоры, з лїва на право: — А. Зубаль, Ватервлїт, Н. І. — И. Желяска, Монтессен, Па. — Юс. Корба, Карнеги, Па. — В. Брода, Нью Йорк, Н. І. — С. Трембач, Прайсдейл, Па. — Ив. Малютич, Юнкерс, Н. І. — И. Ванига, Ансонїя, Конн. — Т. Гамбаль, Кливланд, О. — М. Басалыга, Амбридж, Па. — Ст. Гумецкий, Карнеги, Па.

Другий ряд, з лїва: М. Студент, Ансонїя, Конн. — Д. Семанцьо, Сингек, Н. Дж. — Ст. Шкимба, Бруклин, Н. І. — В. Гладик, Нью Йорк, Н. І. — А. Цїсляк, Стамфорд, Конн. — Ст. Геренчак, Джерзи Сити — П. Кидонь, Детройт, Мич. — П. Данюсяр, Юнкерс, Н. І. — Р. Демчак, Амбридж, Па. — И. Евусяк, Чарлерой, Па. — М. Штельма, Кливланд, О.

Третий ряд, з лїва: Др. С. С. Пыж, Филадельфия, Па. — Ив. Галькович, Ньюарк, Н. Дж. — Анна Венгрин, Кливланд, О. — Мих. Баволяк, Кливланд, О. — Варвара Крестинич, Кливланд, О. — Я. Кобан, Клифтон, Н. Дж. — Д. Вислоцкий, Кливланд, О. — Ю. Федак, Кливланд, О. Впереді. Ив. Щерба, Пассайк, Н. Дж. и А. Лабик, Кливланд, О.

ва організація нашого народу, ведена по правилам ведення організації.

Делегати обавлялися, ци організація выдержит материяльно до третього с'їзда при таких організаційных выдатках, но тепер уж видно, што наша організація иде вперед и дойде счастливо до третього с'їзда, котрый буде ищы ліпше організований. Всім читателям сего календаря радиме заинтересоватися нашом народном організації, вступити в ей члени и предплатити собі газету "Лемко," из котрой можна довідатися о ней всего.

Вершы з Маковицы

Маковица, Моковица—носиш шумне мено:
Чом-же ты так невесела, чом ес засмучена?
От Свидника ку Бардову, Мальцовска долина,
Всі Русскыма наречены, як една родина!
Мы русскыма зме названы, а хоц руснаками,
Не можеме быти званы чехословаками!
Мы зме русскы народжены, так хочеме жыти,
Нашто бы нам инше мено на себе пришыти?!
А днес уж ся віры тратят, народност приходит,
И зватися "грек-католик," нияк не выходит...
Лем мы такы добродушны, каждому віриме,
Зато зме всі окламаны, уж тепер видиме...
Не чекайме от никого, кто што обіцуе,
Бо нам никто не даст нич, лем собі рыхтуе...
Уж час ся нам зрозуміти, очы отворити,
Всі до в'єдна працувати, може ліпше быти...

Лемко Маковичан.

Желізный Фонд

Наш Желізный Фонд, то богатство наше,
Богатство народне, так наше як Ваше,
Але нашы лемкы о себе не дбали,
Своём тяжком працом других вспомагали!

Аж тепер начали лемкы говорити,
Бы еден миллион капитал зложити,
Бо всі мы уж знаме, што то річ потрібна,
Наша Лемковина з найбіднійшых бідна.

На Лемковском С'їзді грубо подчеркнено,
Же не сміе быти Фонд тот нарушенный
И никто не сміе тым распоряджати,
Лем Лемковский Союз мае процент брати.

Из того процента школы будовати,
Просвіту, науку народу давати —
Бо лемковскы діти хтят в школу ходити,
Бідный отец не ма чым их приодіти.

Выштыкы, братья лемкы, по дуляру шлийме
И вінец радости Лемковині вийме,
Будуйме Фонд Желізный, ей, на вічны часы,
Най-же раз уж прозрят и народны массы!

Теодор Барановский,
Шелтон, Конн.

Што Я Люблю?

Люблю до газеты зазріти што днину,
Бо люблю Россию, як и Лемковину —
Але не стару — тоту нонашкову,
Але народну, прогрессивну, нову!
Бо за старом ніт чого уж веце плакати,
Отжыла свое — пришол час вмерати . . .
Всіх еднаково нова Русь признае,
Зато у поневоленных приятелей мае
И стоят за Нью, як за маму свою
И в каждую хвилю готовы до бою . . .
Зато и Гитлер смілости не мае,
Бо што го чекат, то он добри знае!
За Россию стойме и мы, лемкы-руснакы,
Не слухайме нонашков и то ледаемых!

Конечнян.

Лемковска Співанка

На высокой гори
Квіток лелийовый,
Зорвій го дівчино,
Дай го фраірови.

Не бойся сыночку,
Та ани ся не тряс,
Бо я ся оженил,
Хоц ем коровы пас!

Хоц бым го зорвала
Комуж бым го дала?
Ищим того рочку
Фраіра не мала.

Не выбирай Янчик
У корчмі на танці,
Лем ты собі выбер
В роботі на сонці.

Ой боюся бою,
Аж ся с того трясу,
Же ся не оженю
Бо коровы пасу.

Бо в корчмі на танці
Кулява подскочит,
В роботі на сонці
Лем ноги волочит.

Лемко-Майнер.

Жытя Лешка Мырны

I.

ЖЫЛ по угорской страні на Маковиці, в селі С., Янко Мырна. Мал дві осмины поля, дві коровы и бычата. Працовитый был Янко Мырна, та и його жена працовита была. Та и діти не дармовали, а мал их уж четверо: Лешко, Марця, Николай и Сидор. Лешко уж ходил з бычатми, Марця пасла тоты дві коровы, а двое были ищы малыны, хоц уж ілі, як великы.

Для шестеро люда треба было и миску и Мырні мало коли старчыло до нового урожаю с тых двох осмин, хоц дораблял по сторонах и каждого року ишол на жнива до мадьярских панов. Бо знате, якто было на двох осминах: Коблина, роковина, порция, тай урожай з одной осмины, якбы го не было.

И в предновкы, втоды, коли найтяжша літня работа, Мырнам приходило барз тяжко.

—Жебы лем Лешко кус подрос, то го вышлеме до Америки, та нам поможе— потішал Мырна Мырниху, як тота грызлася, як дальше буде газдувати и ховати тоты діти.

Зато и Лешкови все дашто ліпше, верхнину, жебы лем скоро рос. Сама приобышлася и меншым дїтьом уняла, лем жебы Лешко рос. И рос Лешко, кріпкий и здоровый, як роснут здоровы и кріпкы діти Карпат. На 17 літ Лешко уж был хлоп и до плуга и до косы, уж Янко не доровнал му, все при косі мусіл зо заду ити.

—Треба го выслати до Америки—рюк раз Янко жені и такой дораз вечером зышол до сельского банкера, жыда корчмаря и взял стовку на дорогу для Лешка. Як знате, з Америком у нас робили раз два и такой той ночи Мырниха pozyчыла хліба, бо так выпало, што дома хліба не было, зрыхтувала мериндю, поплакали тихо дома вшыткы, тай зачым перший раз когут заспівал, то Лешко уж был на другой страні угорской границі, в Ждыні. Бо як бы го хватили, то бы го не пустили. А як уж

в Галиции достался до рук агентов, то уж не было страху.

II.

За два місяці Янко Мырна достал писмо з Америки. Обое полетіли дораз до старого кантора, котрый им прочитал писмо слово в слово. Писмо было словенскыма буквами, але по русскы, з Питтсбурга:

“Слава Иусу Христу! Дорогий Няню и Дорога Мамко! Я, з ласкы Пана Бога здоревый, якого здравя и Вам дай Боже, але біда на мене велика. Цілый місяц ем не робил, аж тепер ем роботу нашол, але барз тяжку. Собі часом плачу и жалую, што я опустил свой край. Жебым заробил на долг и на дорогу, то бы-м вернул дораз до краю. Барз ся мі цне за Вами, за братами и сестром, тай за своим родным селом и за нашыма горами. Гев страшный дым и нич не можу істи, нич в Америкі не смакуе.” . . . и т д.

Уж и дослухати до конца не могла Мырниха, лем горенко заплакала. И плакала часте хоц Янко потішал:

—Бале, не плач! Хлопчыско привыкне. То каждый так пише спочатку. Чужий край, чужий обычай. . . .

Отписал Мырна сынови и потішал го тыж як и жену. Але упоминал, штобы лем дорочка даяк тоты центы за дорогу прислал бо жыд дре великы процента.

Другий лист от Лешка уж не был таки распачливый, уж Лешко помаленкы привык кал. Уж писал, што о місяц два пришло долг. И наравду о два місяці прислал з дорогу и ищы пару доляров для няня. Ищы о пару місяц, то уж ся хвалил, што поводится му добри, пейду мае ліпшу босс го любит. Такой 50 доляров посыла Мырны, якбы на світ вродилися наново, та им того добри пришло. Мырниха аж помолоділа, а жены повідали собі, же и згоня рніла. Переїдеме тепер до задыменот Питтсбурга, посмотриме, ци то правда, што Лешко пише?

III.

Лешко уж 20-рочный паробок, рослый, на Питтсбург виглядат дуже здоровый. И крпкий Лешко, високого роста, округлой твари, стриже и чеше свои густы, чорны волосы по американской моді, старатся, жебы был ліпше одітый в неділю як другы, бо и ліпше зарабят, як много другых. Лешко, як праві всі нашы лемкы, мае таку натуру, што робит вірно, честно, о душу, робит за двох, а ищы и на другых позерат, жебы не оставали от работы. Босс мал око добре и виділ, кто як старатся и дораз Лешка замітил, тай каждому го за примір ставил и пару центов на годину му веще шмарил. Лешко был на тото барз пышный и ищы ліпше робил. Не мог порозуміти, чом-то другы робочы так зло позерают?

—Певно мі завидуют. . . . Ба, та не лем босс за примір ставил Лешка, але и пан превелебный, бо Лешко регулярно ходил до церкви и на катехиз и уж и апостола читал и до сполку належал, котрого члены каждый місяц до сповіди ходили. Лешко, яко секретар сполка, пильновал, штобы дакий член не поминул сповід и на церков заплатил. Словом, не могли Лешка нахвалятися старшы бабы и старшы хлопы и они тыж за примір давали своим дітом. Та и дівчата, што приіхали з краю, позерали на Лешка и каждая вздыхала до него. Сам Лешко попозерал по вшыткых пераз, але лем на одной сперал свои очы, на Ганкі, котру нашы руснакы угорщане звали польочком, бо пришла з польской страны. Але хоц ей и звали так, то всі ей любили, бо раз, была шумна, а друге, барз порядна и побожна, хоц у безбожных жыдов служыла, што ани сабату не обходили и кобасу іли. Зато Гані не боронили ходити до церкви, а ищы будь-коли сама жыдивка помыла начыня за Ганю, жебы лем она не спозднила на вечерню. Не могла Ганка нияк порозуміти, што-то за люде, што в Бога не вірят, а ей кажут вірити, сами своих обрядов не обходят, а ей свои кажут обходити.

Правда, хоц были и богаты, але платили ей вшыткого два доляры на тыжден, а треба было дост наробитися, бо треба было и дітей обыйти, а мали их шестеро, треба было 12 румов вычистити, а ищы и штор każde рано замести и порохы повтерати. Але Ганка была pracowита и знала собі так

роботу розложыти и так коло ней зайти, што все вшытко поробила на час и всяди мала чысто. Так из тых двох доляров отложыла, бо мала таку натуру, што тішылася центам и думала, жебы и надальше было. Бо, видите, никто не може знати, што го може навидіти, все ся треба озерати на задні колеса, а ищы в чужом краю, межы чужыма людми.

И тых двое примірных, ощадных, pracowитых и побожных, молодых робочых, Лешко и Ганка, зышлися и побралися для впольного жытя, для помочы едно другому в том жытю, для устройства родинного жытя.

И всім весільным гостям здавалося, што то буде найсчастлива пара в их колонии, ажы пану превелебному так здавалося, бо пан превелебный тыж были на их свадьбі и ищы раз им дали науку, як треба жыти, штобы быти счастливым:

—Не треба вельо человеку на світі: Простому человеку старчыт, як мае роботу, жебы собі заробил на кусок насущного хліба ту на тым світі. Не треба му богатства и палат, бо тото богатство и палаты чекают го на другом світі, тото богатство и палаты сам Бог уготовал для людей, котры Ему вірно служат и выполняют Его заповіди, Тото, што ту Богу дате, для Его святой церкви, Он сторницею вам отдаст даколи, в своем царстві."

Зараз такой весільны и молодята зложыли, што могли, штобы потом, по смерти, сторницею одобрати.

Але уж ест в натурі людской, што хоче дашто и за жытя мати, бо никто не зна, коли тота година смерти приде. И сам пан превелебный уж мали два гавзы и пару тысяч в банку, хоц до смерти, на око, далеко им ближе было, як Лешкови и Ганкі.

IV.

Коли Лешко оженился, а Ганка выдалася, написали своим родичам до старого краю и послали им остатній раз по пару центов. В листі препросили, што уж тепер не будут в стані посылати им, бо мусят старатися о свое жытя и, як Господь Бог обдаруе их діточками, мусят старатися о свои діточки. Што мали зложене едно и друге зособна, то зложыли разом и купили гавза. Купили, але дали лем половину, а другу полови-

ну мусят сплачати. Родиче внет им отписали и от сердца желали им счестя, діточок и доброго поведжыня и просили, же як уж не можут им помочы, то най памятают, жебы хоц молодшых братов и сестер стягнули до Америки, бо в краю біда, ніт што робити. Праві оба писма, едно з галицкой, друге з угорской страны, были еднако написаны, еднако поздравляли, еднаким языком, лем едно было польскыма, а друге словенскыма буквами написане и тоты писма доказували, што Лешко и Ганка одного народа діти, але жытя того народа таке, як жытя мужа и жены, из котрых едно в Америкі, а друге в старом краю и так и постаріют обое, едно з одной страны моря, а друге з другой страны моря и як судьба позволит, то часом в старости зыйтудся, але уж и по-

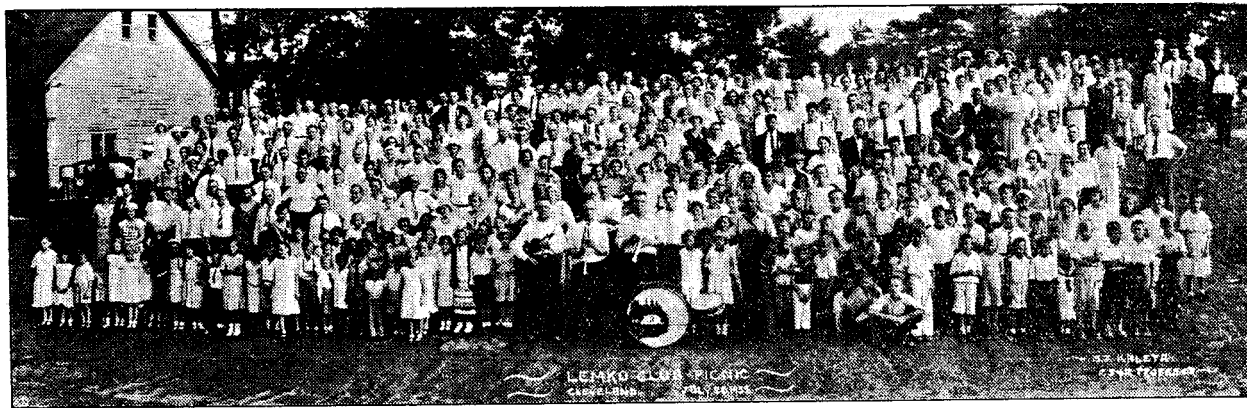
сом им до грубого приходило, бо як знаме, вшыткы бесідовали, што пара добрана. Угорскы лемкы смотріли на Ганку и кывали головами:

—Хоц польочка, а выкаралася.

Галицкы бабы позерали на Лешка и шептали:

—Хоц угоршан, а смотте, який людский.

Спочатку Ганка ходила по билдинках ножами, чыстити офисы, а Лешко все робил в той самой шапі, бо хоц мог найти ліпшу роботу и ліпшу пейду, але босс му выразно повіл, жебы ся тримал, то буде форманом и буде мал кусок хліба аж до смерти, “стеди джяб.” А вы знате, што значыт “стеди джяб.” Ліпше еден “стеди,” хоц мало платный, як пять не “стеди,” хоц добри платных.

Пикник Женского Лемко-Клуба в Кливленді — 1933.

знатися не можут и якоси чуются, якбы чужы люде, хоц они собі муж и жена. Та и діти якоси отчужатся от отца и блисший им сусід, як родный отец, хоц тот сусід нераз их набил, а отец ани раз, бо не мал часу, найстарше мало го памятаат. Ци не так сно з нашим русским народом в Карпатах, з нашыма лемками? Судьба розділила их границом и тота граница так в'ілася в их душу, што чуются чужы, тримаються здалека єдны от других, хоц и зыйдутся разом. Ба, Лешко и Ганка полюбилися, поженилися, але, як то межы мужем и женом, хоцбы и святы были, та все приде даяка прегварка и все едно на друге придумат даяке сварлиме имено. Лешкови и Ганкі не треба было придумувати тых имен, бо обое уж мали. В злости она называла го “мадьаром,” а он ей “польком.” Але то лем ча-

Ганка тых робила, старалася, бо то ищы и на гавзі долг, а ту треба и даякого центу мати. Аж як не могла уж ся зогнути, бо зашла в тяжы, то шмарила роботу.

И дал Бог нашым Мырнам першу дитину дівчатко, таке як ангелик. Радости не было конца. Лешко справил такы крестины, я даяке весіля, самых кумов наспрашал з дватцетеро. Жені повіл, жебы веце до работы не ишла, най пильнуе дитины, бо ей забе, як бы дашто сталося його Мері. Он нато муж, жебы робил и утримал свою фамилию, повіл гордо жені. Але Ганка уж така дбача была, што прешла му през розум и взяла двох бордеров, жебы лем помочы мужови:

—Та знаш, же того, што заробяш, мале буде и на сплату и на такс, та и Мері росне а уж друге гнет буде, та што будеме робити!

И старалися обое, што будут робити и працювали обое. Працювали, што лем сил, сплачали и складали.

V.

Война застала их уж зажиточныма, в среднем віку, солідныма, заможныма американцами. Часто рахували собі в неділю вечером Лешко з Ганком, што они уж прискладали и кельо им приросло и так им уж выходило, што хоцбы до смерти не робили, то можут собі добри жыти и діти вышколовати. А мали их уж четверо и Мери уж другий рок до школы ходила.

Але хоц собі и обраховали так, што уж до смерти им выстарчыт, робили обое и докладали до свого доробку стеди. А коли Америка выступила до войны и робота пустилася так, што аж ей задуже было, Лешко належал до тых, што робили по 12 и 16 годин. Часом и 200 доляров на пейду принюс. Хоц змарніл, постаріл, а не попустил, лем жебы веце. Купили другого и третього гавза и то не яку-нибудь гавзину, а билдинг и цілу половину уж сплатили.

По войні кус пришло слек, але Лешко все ищы выробил на жытя, а што пришло з ренту, то заплатилося проценты, тексы и зато все ищы, якбы втоды продал, то не лем грошы вернули бы ся, але и ищы бы пришло пару тысяч. Тото их тішыло. Долгом ся барз не грызли, бо было добре покриття. Они уж тепер богаты, а як долги сплатят, та будут добри богаты.

И уж собі и ліпше жыли, Лешко мал еден автомобил, што іздил до работы, а другий на неділю выхати з родином.

— Не выходит бідно жыти, коли зме богаты. Треба показатися—повідал нераз Лешко.

Та и Ганка собі подумала:

— Та ци я два світы прежью? Та уж дост той работы и згрызоты. Кто знае, кому тото остане. Призрілася Ганка до зеркала, видит, што ищы не така стара. Пошла, дала собі остричы волосы, решту выкрутити, кус ся побілила, кус поружовіла, ани бы сте ей не познали.

И зачалося нове жытя для наішых Мырнов, жытя по американскы.

VI.

Найліпше знали жыти по американскы

дорослы уж діти. Они и учыли старых Мырнов, яку треба кару купити, Мери, котра уж вышла з гайскул, учыла маму, яку фризуру носити и який павдер купувати, тай якы дрессы мамі до лица и до фигуры.

Бо Мери была шпорт дівча. Не така шумна, не така зграбна, але мала дар такой, што вшитко пофиксувала, вшитко нешумне заліпила, закрыла. И ходити и сидіти и стояти знала по найновшой моді. И по найновшой моді вагу мала, чым веце літ мала то тым лекша и молодша была. За дівчате мала жолты, шумны волосы, як и мама, а потом деси ей збіліли. Не познали бы сте Мери.

Пришла мода на Бродвёю, што акторкы почали пазуры малювати. Мери была третья в Питтсбурку з малюваныма пазурами, але зато почала перша в Америкі малювати пазуры на ногах. Штыри рокы треба было чекати, покаль тота мода росшырилася до Америкі. Треба вам знати, што днес тота мода пошырена уж по Америкі. Думате певно, же нашто на ногах пазуры малювати, коли и так не видно? Неправда, видно! Уж такы "стакінкс" носят и такы черевикы, што на пазуры дзюркы вырізаны, жебы видно было. Лем най вас бог хоронит от такой, з малюваныма пазурами. Они зато остры и моцны, хоц малюваны. Што раз американцам приходит труднійше зо своима женами. Тепер уж и зубы малюют!

В тоты часы, по войні, аж до 1929 року, в час т. з. Кулиджовой проспекиты, почалося тото нове, малюване, американске жытя, котрому барз трудно было опертися, особлизо ту рожденым американцам, але захватило тото жытя и вельо старокраевых людей, меж нима нашого Лешка и Ганку. Хоц робил Лешко, але пейды якбы не было и з ренту грошы росходилися, а рату и проценты, тай тексы не было чым платити.

Обыйтися уж не мож было. Кажду субботу и стара и дівчата мусіли по новом дрессі мати.

Жебы была не церков, то уж и от свого народа были отстаи, але все обавалися, жебы Бог о них не забыл по смерти и не лем ходили до церкви, але и давали щедро на боже.

VII.

Штоси попсулося в американском жытю. Претягли струнну проспекиты, кризис, як бе-

сидували єдны, ци кара божа пришла, як гварили побожны, дост, што вшытко упало надолину з великой высоты. Кто был низко, то и остал низко, но кто драпался выше, ниже упал. Ищы тоты найсильнійшы тримаються там на высоті, але и им уж курч руки и ногы хватат и не знати, як долго утримаються. Але што не утримаються, то певне, они вышли на тоту высоту по плечах масс и головах народа, взбогатіли коштом робочого, а тепер его оставили без роботы и дали ему час думати, познавати правду и фальш и розлучати єдно от другого.

И нашого Лешка и его родину розділ тот

Лешка тот добрый босс сквитовал и замкнул шапу. Пропал "стеди джяб."

Ходили Лешко и Ганка за роботом. Всяди их отправляли з ничым. Пришел час и з гавзу их выпровадили. Пошли до отца духовного, ци бы им дашто не помогли, а пан превелебный лем раменами стисли!

—Не на єдного тепер таке пришло. Не турбуйтєся Лешку, Бог добрый, вам поможе. А тепер идте до "черити," там вам поможут. Я вам дам картку, што вы богобойный человек.

По переводі куроводов достали Мырны помоч з "черити," але горкій то хліб был.

Отділ Лемко-Союза, ч. 29 в Ансоніи, Конні. Фотографія знята на пикнику отділа, 1933.

кризис цілком до гола. Єдного вечера сіли вшыткы и пораховали—не остало им нич. И тот гавз, котрый уж мали за свой, был дачый. И тото што в гавзі не было их. Сталось тото зато, бо вшытко упало в ціні больше як на половину. А упала лем тота Лешкова половинка, котру он вложил. Тота "их" половинка ищы остала и они свою взяли, а Лешкові и Ганкі дали три місяці часу вынестися з их гавзу.

Не знал бідный Лешко, кади ходит и што робит. Ганка престала малюватися, лем єдну Меру нич не обходило. Она зналася якоси вынайти в Америкі, забралася такой на другий день з дому, ани никому "гудбай" не повіла. Та и молодшы збералися гет з дому.

Лешко и Ганка потішали як могли єдно друге, але потішытися не могли. А ищы

Бо Лешко робил и Ганка робила цілы свои молоды рокы и они обраховали, што аж до смерти им буде старчыти, а гепер оставили на "черити." И почал Лешко думати и з Ганком розумовати, же якто на світі? Як оно так Господь Бог тот світ устроил? Таж учат, што он найсправедливший, найліпший наш Отец, а мы Его діти? Та як Он може позволить на тото, жебы так нас кривдили?

—Лем не бесідуй нич против Бога, человек, бо тя може скарати!—рекла зо страхом Ганка.

—Може скарати? Та ци може мя тяжше скарати, як мя скарал? Таж робил ем свои молоды рокы, тішылся своим працом, своим дітми, думал, што буду мал стары рокы спокойны, а ту маш! Не мам што до уст вложыти, по чужых кутах ся поневерам, не лем ниякого приятеля, але и мои діти,

моя кров, мя опустили и не дадут о собі знати. Та то жытя?

—Дай-ле покой, Лешку, мы ся ищы до-робиме, часы поправятся, станеме обое до работы, гнет станеме на ноги—пробувала потішати Ганка.

—О, гей! Другий раз ся вродиме, другий раз до Америки приїдеме. другий раз поженимся и діти будеме мати и будеме уж тепер знати як их выховати. . . . Жебы то так могла-с, Ганко, обіцати, то бы даяк было. Уж бы зме знали, як жыти. Але ту біда, што уж нас старость нашла, што тото уж николи не вернеся.

—Зато там нас чекат ліпше, по смерти. . . . Я бы уж не хотіла другий раз на світі жыти, хоц бы мі як добри было. Я бым не дбала хоцбы и днес мя Бог взял з того світа—вывела смутно Ганка и заплакала.

—Ту ніт што плакати, Ганко, бо плач не помагат нич. Я тых плакал, цілу ноч плакал, але веце уж не буду, бо другу ноч ем предумал. Думал о жытю. И пришол на тото, што люде барз глупо жыют. Вшыткы глупо жыют, и богаты и бідны и панове и просты люде. Жыют глупо, бо их так научыли жыти. Блудну науку дают людьом. Найперше перша блудна наука, што людям кажут на Бога опуцтатися и учат, же то вшытко Бог даст, ци зле, ци добре, а ту учат, што Бог найліпший отец, а мы Его діти, котрыма он спікуеся. То перша неправда. Бо лем подумай, Ганко, ты мама своим дітям. Ци ты бы-с хотіла им зла, жебы они были злы, як бы было в твоей силі зробити их добрыма? Правда, же бы-с не хотіла мати злы діти, лем добры? И я бы хотіл мати добры діти и хотіл бы-м, жебы им добри было. А чом Бог того не хоче, жебы мы были добры и жебы нам добри было? Преця Он може тото зробити? Он лем бы собі подумал, жебы мы были добры, та уж зме вшыткы добры и вшыткы жыеме, як братья. Та ци Бог, коли бы он старался о нас, допустил бы до такого безроботя, до такой біды на світі, або до такой войны, яка взяла миллионы невинных жертв, а тоты, што завинили, то ищы за угодников божых себе тримают и до другой войны прут?

—Лешку, бойся Бога, што ты плетеш?! —крикнула распачливо Ганка.

—Нич не плету, а бесідую тото, што-м

предумал и я стратил того Бога, в котрого я дотепер вірил, коли он взял от мене до-робок молодых літ, взял от мене мои діти, взял вшытко, што мі наймильше было и лишыл мя самого, уж никому непотребного человека, хыбаль ундертейкерови, як мі “ин-сюренс” не пропаде, а як “инсюренс” пропаде, як мя уж зо сполку вышмарили, то и ундертейкер на мене не посмотрит. Думаш, што духовник на мене увагу зверне, або помолится за мою душу задармо? Но! Хоц я и нашу церков ставил и до церкви все найперше давал, але гнескы я вижу, што пан превелебный знати мене не хоче, а найблишы приятелі, коли я дашто мал, тепер преходят на другу страну дороги, коли встрічают мя по дорозі: Та ци я дашто завинил, ци я дакого убил, ци дакого обокрал? А кто их так научыл, як не тоты учителі, котры нас всіх учат, як жыти на землі, жебы ся нам добри поводило и жебы зме заслужыли на царство небесне.” . . . Народ, вмісто любитися, помагати собі, ненавидится, понижат еден другого, мордуе еден другого, цілы народы мордуются за божым “благословением.” . . .

VIII.

Познала Ганка, што з Лешком зле ся што-си водит и пошла найперше до духовника и оповіла вшытко, як и што Лешко повідат.

—Певно, бідак, зблудил в розумі от того несчестя, яке го нашло! Не вытримал. Пречытайте му з библии о “Терпеливом Йові” —порадили пан превелебный и дали ей библию з образками. Читала Ганка Лешкови о “Терпеливом Йові,” але и тото нич не помогло. Молилася сама, просила помолитися и отца духовного, не помогло. Лешко блюзьнил, ображал Бога, сварился з Ним, почал говорити сам до себе и стратил розсудок, бо не мал ниякой опоры, за слабый был против світа. Рвался, а не мал силы. Он лем виділ зло, але сам того зла побороти не мог и пропал Лешко марно.

Коди бы Лешко розуміл силу народной організації в борбі зо злом, Лешко глядал бы такой народной організації. Он не розуміл силы народной організації и не глядал той організації, котра бы его научыла смотріти на світ. Зато Лешко запутался и пропал. . . .

Где Они Нашлись?

НАД ПОТОЧКОМ, под старого Софрона грушком, там, знате, где тот перекладка, пригорнувшись едно до другого, ради сиджували дві сироты и шептали собі любовны слова. Не чули нич, лем глухий шум дерев и шелест листов, котры припоминали им, што добри стережут наших возлюблены.

—Ильку—шепче Марися—як ту добри с тобом, як то жаль же лем раз на тыждень можеме видітися. Знаш, газда мя барз свирит, што ты мі не пара. Повідай дашто, я так ти рада слухам....

притулил до себе и поцімувал так шыр кріпко и солодко, што Марисі аж в оча померкло. Ищы штоси Илько хотіл повісти, але Марися пришла до себе, высмыкала перхла и перескочыла поточок. По наглялася, бо знала, што газда гнівачий не дай Боже....

—Килько раз то я ти повідал, жебы мі з хыжы не ходила?—рявкнул газда.—Уважай собі дівче, бо як ты раз прасну, ты ти свічка буде! И не стопорч тоты цибули на мене так, а рушыя и прирыхтуй мі мериндю, бо ся до Горлиц зберам. Памятай

Отділ Лемко-Союза в Ватервлит, ч. 6.—1933.

—Слухай, Марись—шепче Илько—я не можу ти тото повісти, што я бы ти хотіл повісти, бо як лем зачну, то ся мі горячо робит, стискат штоси за горло и в голові ся мутит. Я волю на тебе призератися, як бесідувати.... Мі барз добри так сидити при тобі и думати....

—Марин! Гыбай до хыж!—закричал газда з другой страны поточка.

—Зараз, зараз!—одозвалася Марися и посмотріла Илькови в очы, якбы дашто важне хотіла му повісти. Илько хватил Марисю,

дозерай статок и уважай, штобым ты дом застал, коли поверну, бо ти горе буде....

Ищы штоси хотіл повісти, але Марисі у не было на дворі, она уж рыхтувала газдо ви мериндю и сніданя, хоц лем ищы полноч была. Але знате, до Горлиц дорог не близка, та и пляц на торговиску не до станеш, як зрана там не будеш. На полсвину з гнівом газда запряг стару кобылу завісил ей на голову торбу, жебы кус овса попахала, зачым сам поспідат. Марис тымчасом приготвила рещту, што потребн

до дорозы. Газда штоси хлипнул, штоси вкусил, тай перекрестился сердечно серед хыжы и рушыл до міста.

Марися заперла двери в стайні, потом ворота до боиска, а на конец вошла до сін и заперла мощно сінны двери на закрутку, бо видите, сама лишылася в цілом обыстю, бо газда был самотный. Хоц му давно уж за рокы зашло, стары давно поумерали, а газда не женился, бо дівча, котре любил замолоду, зрадило го. Деси звязалася з паничом, як пришол на вакации и пропало дівча. Мала дитину и барз шумна дитина была—ба, тота сама Марися, што о ней чытаме. Пару літ ей было, як ей мама померла. И тот газда взял Марисю до себе, але все был такий замосуреный, што Марисі жылося барз тяжко при нім, хоц он доглядал, як лем мог и старался, жебы была сыта и приодіта.

Тепер Марися уж велика дівка до всякой работы, доглядат газдовства як свого, бо газда мало дбат. Нераз такий пяный приде, што ледво привлечеса, а все з горя, же ся му жытя так планно склало. А найбарже боліло го того, што як призрится на Марисю, то зараз припомне собі ей маму, котру так любил, а она го завела и зрадила....

Хоц Акыма—бо Акым му было имено—и рахували добрым газдом, бо грунт мал незгорший. Любил сваритися, але николи не бился, хоц ціпы нераз в руках тримал и выгнался, грозил страшно, але не вдарил.

Але тепер верниймеса до Илька, покаль Акым іде до Горлиц.

* * *

Илько был паробок знаный на ціле село и на цілу околицю, бо был шумный хлопец, хоц уж и старший паробок. Рахували го за "шпорта," бо убералися шумно и николи золюваны скирні не носил. Видите, в часі войны, як козаки утікали з Карпат, то залишыли деси в лісі цілый склад скорен и Илько наховал на ціле жытя. Люде може и не знают, але Илько цілком о керпці не старатся нияк. И, видите, не чудно, што за таким хытрим и шумным паробком дівчата пропадали, а по секрету вам повім, што и не една молодиця, молода жена, зіля бы для мужа зварила, жебы знала напевно,

што Илько пристане на газдовку. Часом и стары бабы шептали:

—Видите, кумо, якого цмока выховала стара Цапина, царство ей небесне.... На-трапилася сердечна за свого віку, ціле жытя людам отрабляла, што старый Цап напил, але зато дал ей Бог сына....

—Кумо, та вы нич не знате?—чудуеся друга кума:

—Таж старый Цап, як умерал, та сам повідал, же Цапиха му сына з Америки привезла, деси з Нью Йорку. Повідал, же здыбалися обое на шыфі, як іхал до краю и позналися з Парасьом на шыфі. Деси му бракло на тикет, як высіли зо шыфу, тай просит Параску, а Параска похвалилася, што мае грошы. Тай Цап гварит: "Дай грсшы мі, тай ся пожениме, купиме грунт и будеме газдувати. Параска рада была, же ся ей таке трафило. И так приіхали до Бортного, як муж и жена. Тай хоц грунту не купили, але старый Цап все рахувал, же то сын не його, хоц он не был ученый рахунков, але му не выходило и все, як зачал рахувати, то ишол до корчмы и так до смерти до корчмы ходил и до смерти з рахунку не вышол, а Парася, што Цап напил, то она отрабляла.

А тым часом сын рос и до войска забрали. Вернул з войска, та ни до женячкы, ни до газдовства даякого ся не брал, гроши не позычал, а сигареткы куриг, шпорта грае, легко жые. Словом, якаси загадка коло Илька, котру никто в селі не годен был розвязати.

* * *

Певна, же закрутила двери кріпко, Марися загасила лямпку и прилегла на припецку. Але где там, спати нияк не може! Мысли за мыслями, а все на Илька сходят и раптом расплакалася Марися, барз ся ей жаль зробило, же так несчастлива на світ пришла. Где лем не покажеса, то люде дораз пальцями показуют: "Найдух!" Барз то кололо бідну сироту. Таке молоде жытя, а так споневеране людским сміхом.

И зато и Илька Марися найбарже любила, бо ей здавалося, што в селі лем он ей розуміл и он уважал ей за ровну другим дівчатам. З Ильком Марися чула себе як в раю, хоц не знала, як тот рай выглядат,

але егомосьць казалі, што в раю найліпше, же там едны другых любяць, а она так бы хотіла, жебы ей любілі, а не посміхуваліся з ней.

В таких мыслях Марися почала зо собом расправляці, як дитина невинна, аж по-маленкы и задримала.

И снится ей, же деси далеко, где лем саме квітя росне, сідит она з Ильком и любуются обое божом красотом. Марися така была втішна, што нияк не боронилася от Илька, як он ей солодко обнімал и цілувал и в душы собі желала, жебы тому счастью николи конца не было.

—Марись, я тебе так люблю—шептаў Илько—же лем так ти могу доказати! Я трачу розум и не знам, што зомном ся робит! Повідаш, же ты мя теж любиш.... И знов тот пекольный поцілуй.

Як блискавка перенеслися мысли в голіві Марисі.... Протягла руку.... Штоси зимне.... трах.... и Илько звалился з припецка на землю. Все ищы не розбераючы, што ся стало Марися механично зорвалася, засвітила лямпочку и: О, каро Боска! Илько, з ножом в карку, окровавленный, лицем до горы, просит, молит очами о помоч.... Раптом очы закрылися и лем жа-

Лемковский Аматорский, Драматичный Кружок, Пассайк—Клифтон. Аматоры в костюмах для представления "Талергоф."

Раптом пробудилася. Штоси страшно ся ей зробило. Ктоси тиснул ей мощно за карк и якбы хотіл задусити. Хотіла кричати, але не могла, бо зышлися уста з устами и долгий поцілуй перешкодил ей вкричати....

—Ильку! То ты?—прошептала Марися. —Бойся Бога, што ты ту рообиш? Чого як ты достался до хыж? Тікай, бо...." Але Илько знов цілувал и то так пекельно, же не было ниякого ратунку.

лостный, тихий стон вырвался з его груди:

—Марисю, та зашто? Сердце, ратуй! Не розуміючы, прошто и як она так зробила, поспішыла Марися з ратунком. Зо стоном и біючым сердцем вытягнула нож з карку, завязала рану ручником, подала Илькови воды и расплакалася голосно, тримаючы голову Илька на колінах....

Поволи Илько открыл очы, набрал трохи сил и з помочом Марисі встал на ноги. И ни слова не рюк, лем хвіючыся, престу-

пил порог и повлюкся до дому.

Марися долго стояла як скаменіла и смо-тріла на кровавы сліды. Слезы потоком лялися из ей заплаканных очей.

Когут збудил Марисю, опамятал ей.

Марися попрятала сліды, змыла кров, попрятала в хыжы, положила вшытко на свое місце.

День. Солнце засвітило. Всім засвітило и грішным и праведным еднако. День респочался едным на радост, другим на мукы и смуток.

Помолилася Марися Богу и гайда в доругу, Где и як, сама не знала—лем бы дальше от своего села, от людей—то знала. Даде далеко сховатися...

* * *

На вечер, коли газда вернул з Горлиц, нашол “маеток” не в порядку. Спочатку розгнівался, потом покликвал з оборо, але Марися не отзывалася. Зараз по сусідах, але никто не зна нич. До поздной ночи Акым глядал Марисю, але где там, ни слыху ни дыху! Засмутился старый. Грызся, же може задуже на ню покричал и сьяк и так собі розмышлял и все чекал, же може приде. Але прешол день, другий, тыждень, ніт тай ніт. И так старый застарался, загрызся, што умер, а Марися не вернула.

З другой страны Илько нич никому не повідал, лем ся грыз, же тилько біды наробил и плакал потихоньку, бо не знал сердечный, што ся з ньом стало.

За який час Илько зобрал гроша и гайда в Америку. Думал, што в чужом краю, во світі, забуде свое горе. Але где там. Хоц як старался забыти, все го суміня грызло, же допровадил через нерозвагу, свою наймильшу, може и—до смерти. Робил и по 15 годин, жебы скоротити день, але вшытко едно выходило. Лем ся зму-чыл, а забыти нияк не може.

Почал пити. Люде едны жаліли, други повідали: “Але то бом!” Никто не знал, што му шкодит. Ходит от сальону до сальону, уж и гроши бракло. Нанял го сальоніста до работы и ту счастья знов Илькови усміхнулося. Виділ Илько нераз, якто паскудно виглядат пьяный человек, почал стримуватися, а нарешті перестал пити совсім. Днем робил, вечером до школы

ходил. Хоц был уж старший, але учыти-ся лем починал. Деси пару зим так потримался и зас другим чловеком стал.

Салуниста взял Илька до партнеркы и так робят оба грошы. Салуниста тішытся, але Илько все потрохы смутный. Роздумал собі сьяк и так, купил гавзину и загаздувался.

Чытал якоси раз деси о лемковской забаві, тай гайда там. Знате, самы свои крайовы люде, може и даякого бортняна увидит, а може от дакого дашто о Марисі... Знате, як то межы своима людми и на душы весело и ноги лекшы. Пустился аж танцувати, хоц уж давно не танцувал, але Илько все был здарный и такой остал. И бортнянов встрітил, чул новин а новин, але не тоту, котру хотіл чути. Позріл на годину, уж по еденастой.—Пиду домив, думал собі, наділ капелюх, тай до двери, а ту чардаша заграли...

—Гей!—думат Илько.—Якбы ты ту, Марисю была, то бы нам весело было. Але што робити... Отворил Илько двери, смотрит и... О, Боже... В дверях уж не наймолодша дівка, усміхатся не сміло и гварит:

—Ци ем не спозднила? Бо лем тилько, што ем з плейзу... Роботу покончыла, тай мя зобрало на лемковску забаву прити, межы крайнов...

—Як позволите, то и я ся верну и обоє затанцуеме—гварит Илько.

—Та чом бы ніт... Але штоси ей уда-рило, гдеси она уж чула тот голос, знае тот голос... и стоят они так в дверях и смстрят едно на друге, як вкопаны, ни взад ни вперед...

—Марись—прошентал перший Илько.—То твои очы!...

—Ильку! Сердце!—заплакала Марися...

Смотрят люде и чудуются, што ся тра-фило? Гдеж кто виділ, цілуются при лю-дьох, при публикі и то долго, никто их не обходит.

—То тот, пекельный поцілунок—шептала Марися, як уж могла дыхати.

А Илько зас голову стратил, але на тот раз тримал Марисю уж кріпко за руки, жебы часами не потягла ножом.

—Джі Дарлинк—гварит Илько уж по а-мериканскы, а Марися в плач. Звычайно жена! Біда, ци радость, то она плаче, все плаче...

И так покончылася наша история на Лемковской Забаві. Бо як бы не Лемковска Забава, то здаеся, што Илько и Марися аж в раю бы ся зышли...
Тепер жыют собі счасливо на світи.

Лемко з Бортного.

Мисс-Лемко --- 1933

На сам Русский Новый Год—1933, на Лемковском Контесті Красоты (Бюти Контест) в Джерзи Сити, была избрана нашом "Мисс Лемко"—Мисс Мария Костик, из Стюартсвилл, Н. Дж., дочка-единочка нашого сознательного лемка краяна, г-на Михаила Костика, родом из Мшанной, кроснянского повіта.

Судьи в том контесті были праві самы американцы. Як видиме из той фотографии, выбор был справедливый. Однако не вшытко можна на фотографии вычитати. Фотография не передаст той живой, внішней, а особливо внутренней красоты нашей Мисс Лемко. Штобы познати и оцінити ей красоту, треба знати Марию Костик, ей натуральну, милу бесіду, рухы, треба познати тоту ей натуральность в бесіді, обыході, яка мало американским дівчатам присуца, тоту скромность дівочу, невинну простоту, котрой в Америкі так мало. Розуміеся, што ту повліяло на нашу Мисс Лемко домашне вихованя. Каждый наш читатель познае Михаила Костика по его дописях в нашей газеті, яко интеллигентного фермера

робочого, котрый правильно и дуже скоро ориентиуеся в наших народных ділах.

Мисс Мария Костик, тип нашого лемковского дівчате, правдива наша лемковска красотка.

Коли наши лемковскы американскы діти дуже мало интересуются нашими народными

ділами и положением нашего народа ту и в старом краю, Мария Костик интересуеся своим народом. И тот интерес к своему народу причынятця до ей интеллигенціи и красоты ей души.

От щырой души желаме нашей Мисс Лемко счастья в ей жытію, ей счастья буде тішыти каждого щырого лемка.

Коли посмотриме на фотографию нашей Мисс Лемко, подумаме собі, што маме діти шумны и способны

але признедбаню народно себе самых, занедбали зме и свои діти. Народна організація може нам их вернути, коли тоту організацію вскрипиме так, штобы она мала силу досягнути тых прав, котры нам природно присуцы.

Стары і Новы Системы Жыця

ДАКОЛИ люде жылі на свіці дико, без системы, без організації. Людей было мало, еден другому не заваджал, бо як виділ, же заваджат, а был слабшый, не мог свого противника выгнати, то усунулся сам, глядал іншого ліса, іншой пещеры. Як не было чловека в той пещеры,

Ольга Вислоцка (из роду Буриков) в оригинальной сельской, лемковской одежде, села Якубяны, Спиш.

в том лісі, то никто не пришол, ниякий шериф, або ржонца не приіхал выгнати го из той пещеры, из того ліса, же то проперти да якого мистра Финкля, або лорда, бея, графа и т. д. Покаль не пришол моцнійшый дикун, котрого выгнал ищы моцнійшый даде з другога ліса и тот выгнал того. Нияких катастральных мап, поділу медж, не было.

Мы можеме найти и сегодня ищы даде в глубині Африки тоту дику систему жытя людского.

Тот дикий чловек жыл с полюваня, на дикого звіря. Коли уж тот чловек змудріл и порозуміл, што в групі все векша сила, як у

самого, хоцбы и на полюваню, почал вязатися в групы. Была то перша організация людей для нападу, для борбы з противником и для обороны пред противниками.

Коли ищы ліпше чловек змудріл, то придумал, што ліпше и выгоднійше присвоити

собі, уласкавити пожиточных звірят, жебы трималися коло него, вмiсто ходити за нима по дебрях и лісах, где дуже часто тратил жытя от дикых звірей. И так пришло до пастырских часов.

Каждая родина, каждая фамилия, старалася якнайбольше розмножити овец, рогатого скота, верблюдов, залежало, в якой страні світа, под яком природом и климатом котра звірина найліпше множилася.

Ту уж треба было цілы землі, долины, пасовиска. Пастухы билися за пасвиска. Преганяли з міста на місто, из граю в край, где думали, што найдут пашу. Штобы выгнати других пастухов, або оборонити свою пашу пред другыма, треба было уж сильнійшой організації. И в такую организацию уж связовалися роды и племена, тай найстаршого и наймудрійшого в той пастушой організації выберали патриархем, котрый командовал тыма пастухами, югасами. Як трафился мудрый и хытрый пастух, то привластил собі всі тоты стада и всіх тых пастухов и зробился их паном жытя и смерти, их неограниченным вождьом, царем и всі свои права передавал своим дітям, звычайно найстаршому сыну. Его слово, то был закон. Звычайно тоты свои законы звязувал з религиом, штобы вмовити в пастухов, што бог такого порядку хоче.

Гдекотры пастушы племена осіли, почали культуру землі, штобы не вандрувати за пашом, а выдобыти ей на місті, тай и для себе вынашли, што земля родит хліб. Ту уж им треба было ищы ліпшой сильнійшой організації, штобы оборонити свою землю пред подорожуючыма народами и пред осілыма організованыма сусідами. Так повстали організованы державы. Во главі такой державы ставляли найсмійейшого вождя, организатора и отдавали ему войско. Тот, коли почув в руках силу, накинуд народу свои законы, свою религию, штобы тоты законы и религия лем йому были выгодны. Розуміеся, што сам еден такой силы мати не мог, треба было даякой шайкы смілых людей. И он оточылся такыма смілыма людми о поробил их рыцарями, котры мали лем

одно ремесло: бити других дома и на войні. Зато цар надавал им шляхецтво, привилегии, землю и невольников на ней, котры, як рабы, мусіли робити на тых панов вояков, а панове шляхта не робили нич, лем ходили з мечами и вели войны с судами, брали их землю и их самых за ра-

ли и повіли собі: “Чом-же я мам быт рабом, а тамтот паном?”

Понове были мудрійшы и на око признали, што вшыткы люде ровны, але затримал царя и в законах затримали привилегии великы поля для себе. Удержати тот порядок помагала им церков.

Отділ Лемко-Союза в Мт.Кармел—Атлас, Па., ч. 9.—1933.

бов. Чым такий король мал вець землі, краєв, рабов, тым мал векшу славу, был богатший, та и шляхта была богатша.

Така система, где цар и бояре посідали землю, але не робили на ней, а тоты што робили, то были лем их рабы, звалася система февдальна. Она заховалася до знесеня панщины. Тоту систему, кус уж лагоднійшу, памятают ищы стары люде.

Тоту систему люде зошмарили, бо змудрі-

Тота февдальна система почала переходити в демократию.

Демократия така система, где каждому человеку дают равне право, равный “ченч” стати “богатым.” Вмісто старого рыцарства, шляхецкых привилеив, пришли привилеи богачам. Маш грошы, маш вшытко, не шаш грошы, богатства, то не черперся. А грошы зароб, як хочеш, маш таке право достати их, як и другий.

Розумієся, што заробити стільки грошей, штобы быти богачом, нікто не може, стільки грошей, маєтку,

можна достати лем шпекуляціом, из труда массы робочых. И так, при демократии почали шпекулювати и кто был ліпший шпекулянт, тот стал векшым богачом, капиталистом, а честны люде лем жертвами их шпекуляции.

Богаче вложили свои грошы в индустрию, але тоту индустрию будували тыж лем на шпекуляцию, для великих зарсбок, а не для цілі задоволення народов.

Если сегодня мы свидками такого кризиса, особливо в демократичных державах, то причина того кризиса в демократичной свободі шпекуляции.

И при такой демократичной свободі тота шпекуляция мусит быти, бо люде не ангелы, в натурі каждого человека жыти лекше, жыти добри, ужыти світа, а так ужыти світа можна лем коштом другого. И мы видиме, што уж и демократия, яко система для жытя мудрых народов на світі, недобра.

И зато глядают народы других систем жытя, справедливых, глядают таких систем, штобы ограничыти волю шпекулантов.

Чуеме дуже о фашизмі. Фашизм родился в Италии, ажи тото слово “фасцизм” походит от староримского слова. Муссолини отец фашизма. Он zorganizовал партию фашистов и захватил власть в Италии при псмочы той партии. Партия тота мае за ціль вскріпити свою державу и шырити тоту державу коштом других народов. Остаточна ціль, силом оружия покорити цілый світ и превернути на свое копыто, диктувати

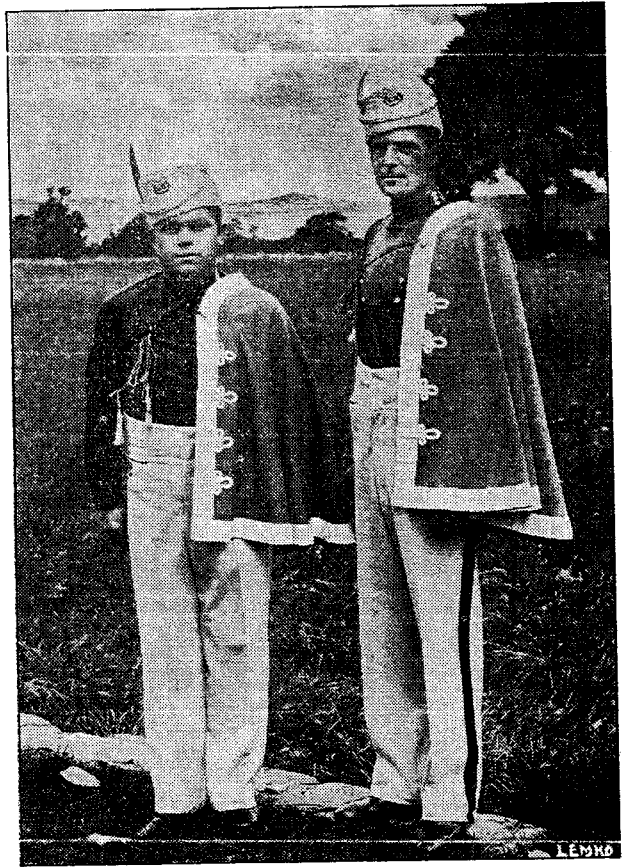
всім народам свою волю, волю италійских, гордых фашистов.

В Германіи мае другой примір фашизма, далеко дикшого от италійского, т. з. гитлеризм. Ясно, што фашисты разных держав николи зыйтися не могут, бо каждая фашистска держава хоче пожертви другу.

Експеримент другой новой системы, коммунистичной, видиме в России. Ленинска партия большевков, старатся доказати, што лем коммунистична система подходяща для теперешнього индустриального світа и лем тота система приближат до найвысшой справедливости. Коммунисты операются на

Николай А. Цісляк, наш лемковскый талант. Николай наймолодший из братьев Цісляков, талантливый маляр и народный писатель. Подписуєся “Родный Лемко.”

ЛЕМКОВСКИ ОРЛЫ:

Г-н П. Тсап из Сингек, высший и г-н Шерба из Пассайк, нисший, в проектованных костюмах для Лемко-Орлов.

народных массах цілого світа, котры найбільше страдают от воен и индустриальных кризисов. Их программа не национальна, а интернациональна, то значыт, што они не

прут до насильных завоеваний, поневоленій других держав и рас, а до союза всіх держав світа. Розумієся, до такого державного союза може дійти лем так, коли в каждой державі захватят власть коммунисты.

До такого переворота в світі може лем так дійти, коли коммунисты в России при своей системі обеспечат и задоволят тоты массы.

Из той системы наше покоління буде так сміятися, як мы сегодня сміємся из тых старых систем и прав людского рабства. Послі старого приходит нове, потом и нове стає старым, а зас нове приходит. Так прогрессує світ. Коли так люде в тых переходах от старого до нового мучатся, то зато, бо привыкли до старого и боятся нового. Але право прогресса на то не уважат, бо без прогресса замерло бы и жытя.

Мария Слота, дочка нашого краяна Андрея Слоты, из Гартсгорн, Оклагома, выграла в "Популярити Контесті," устроеном першыми бизнесменами и редактором газеты и получила даровый билет и всі кошта подорожы на світову выставу в Чикаго.

ГРИГОРИЙ ОНУЩАК

Наш Лемковский, всім знаний бизнесмен, из Катасаквы, Па. Григорий Онушак походит из села Ганчовы, горлицкого повіта. Читатель "Лемка" от первого н-ра.

ПОРАДИЛ

Пациент: — Пане доктор, я так в ночи голосно храплю, што часто сам себе буджу.

Доктор: — Та чом не спите в другом румі?

Никто сегодня не може повісти, яка система найліпша, бо той найліпшой для теперешних часов ищы не мают, однако она буде, бо люде мудріют и все мудрійшу систему жытя принимают. Тота система, в котрой сегодня жыєме, што люде напродукуют всяких добр и палят або топят тоты добра, а другы ходят голодны, голы и босы, уж недобра. Каждый мудрый человек того мусит признати.

Целибат Мучыт Карпатороссов

Помаленки наш карпаторусский наорд от-верат очы и почынат освобождатися от дик-таторства римских агентов. Освобождение почалося в Амери-кі, на эмиграции и оно перейде на родну землю, в Карпатах.

Тота борьба з целибатом причы-нится, бо уж причынилася много до народного пробуждения карпато-русского народа. Дотепер наш на-род свято вірил, што его духовенство постоит разом з ним. Показалося, што кромі двух-трех священников, котры выступили разом з народом в обороні восточного обря-да, всьо духовенство пошло против традиций сво-го карпато-русского народа и попросту поставилося до бор-бы з ним. Народ, котрый платил, жывил свое духо-вентство, поносил великы тягары, штобы лем его по панскы утримати, отнял от уст собі

и своим дітям и платил своим духовникам королевскы пейды, остал ганебно ошуканный и пониженный своим духовенством, як ищы

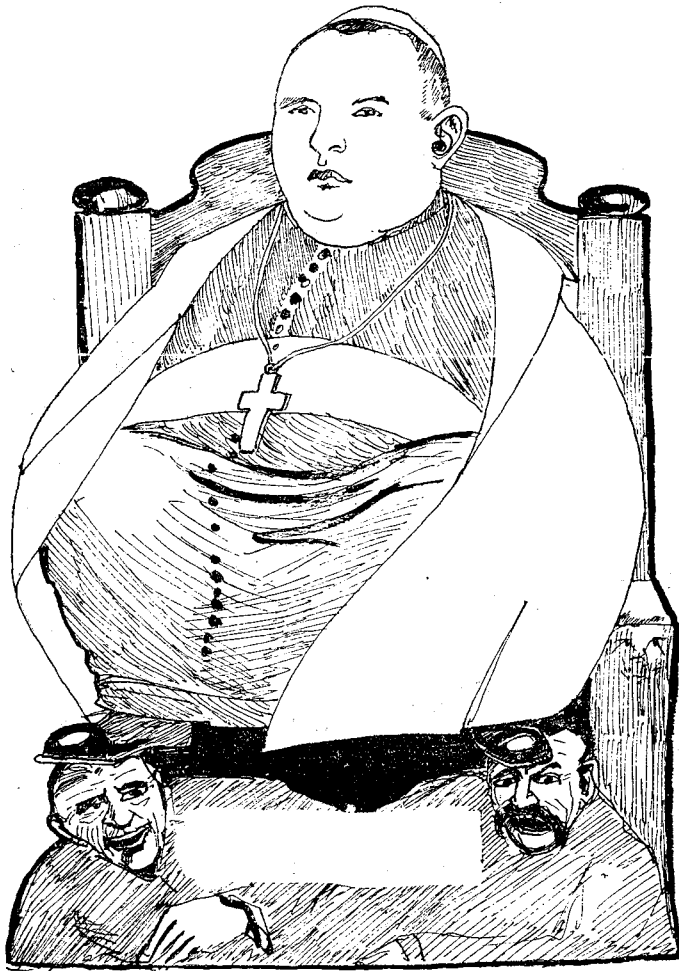
николи ниякий народ в своей истории. Его епископ з духовенством выразно ему заяви-ли, што он не мае ниякого права до своей

церкви, ни до сво-го обряда, што "Голос Народа — голос Божий" — то поганска послови-ця. В католической церкви голос "св. отца" лем мае значыня, а не го-лос "толпы."

Знайте, дорогие братья карпаторос-сы, зашто Вас дер-жали Ваши преве-лебны и зашто Вас держат, за Ваши миллионы крова-вых доляров. Вы у них темна толпа, котру треба пос-кромити и трима-ти в темноті, а че-рез темноту, в раб-ском послушенстві.

Коли бы Вам кто осмілился повісти о том два роки то-му назад, то бы сте го укаменовали. Тепер видите сами, што тот об-разок, поміщенный пару літ тому на-рад в "Лемку," то была правда уж втоды и сн, тот образок буде так

долго правдивый, як долго Вы не зошма-рите зо себе того тягару, котрый лежыт на ваших плечах.

—Куме! Вы ищы тримате того целибата? Мі уж барз тяжко тримати.

—И мі тяжко! Але памятайте, як уж не будете могли утримати, та кричте, жебы зме разом пустили. жебы одного з нас не придусил!

Егомость:

Так Юрку знай, же один Бог истнуе, Все видит, все знае и всяди замешкуе! Так ты, повинен и сам взяти с того науку И не выпасти коровами, на бескиді мою луку! Бо всяди Бог ест и там може мешкати, Як тя там увидит, може тя скарати.

Юрко:

Прошу егомостя, я с того бы взял таку науку, Же про Бога выпас бым до чыста вашу луку: Але егомость хоц на бескиді не мешають, А не раз мя там с палицом вганяют.

Залісян.

Месть Харитины

Было то в самый день кермешу, на Михала. Зима того року заказувалася сильна, уж от пару неділь зачали стискати сильны морозы, а в день перед кермешом, по полудни, затыгнулися хмары и почал падати сніг великими капцями и скоро прикрыл замерзнену землю.

Того року Михала выпало в понеділок, так же кермешу было два дни свят. Рано на кермеш, вылетіли босо по воду на ярк сусідки, Антоха и Параска. Начерпали воды до коновок, поставили, тай една гварит:

— Ей, святыи Михал, на білом коню приіхал.

— “Є, приіхал ищы и новину принюс,” отповіла друга, пообзералася и звідусея тикше:

— “Ци сте уж чули?”

— Ніт, а што таке нове? Кед лем добре?!

— Добре, недобре, лем никому раз кумо не повічте, жебы даякой біды не было! Не надармо то вчера свічка в церкві впала перед иконами на утрни. А то на Филярову Марину ктобы ся сподівал, аж як ишла з церкві, то стара Харитина по ней познала и то уж на девят неділь . . .

— Страх Боский, та от кого? Та як Филяр дознатся, та ей забе! —

— Тит не знати, але повідають, же Мирон з Афтаназовкы каждого вечера плянтался коло хыжы Филяря, бо и стара Харитина виділа, бо ей вшытко видно през выглед, што дієся коло Филяря. —

А зрештом, кто знає, от кого? Гнеска она може буде в церкві, та будеме видіти сами. Лем, Боже заваруй, не повічте никому нич! . . .

При остатних словах кумы подвигали ко-

новкы, тай каждая скрутила до своей хыжы. Антоха была дуже рада, же одной кумі повіла новину, котру не мала способу рознести вчера и ледво дождалася рана, штобы поділити свой секрет з другыма.

“Добри, жем ей заказала дакому повідати, та ищы повім кумі Штефкі и Гані.” Порозливала воду, запалила в пецу и смотрит през выглед, коли буде ити дакотра кума по воду, жебы и ей оповісти. Дві коновкы воды выляла уж на задні двери на землю, лем жебы мати способность ити ищы по воду и оповісти другой, третьей и четвертой кумі новину. До каждой хыжы был лем еден слід босой бабы, а до Антохи была уж добри выдоптана стежка.

Кума Антоха была телеграфом на ціле село, кто лем яку новину знал, а донюс ей Антохі, мог быти уж спокойный, бо тоту новину мусіла чути каждая найменша дитина в селі, ажи стара глуха Марина, што жыла зо два километры за селом и треба ся было добри накричати, жебы почула и порозуміла. Так и стара Харитина, сельска акушерка, ходила до церкві лем на утрни и всенощны. Была и перед Михалом в неділю в церкві и виділа, як перед иконом Матери Божой упала горюща свічка и розбилася. Тото выстарчыло дост, жебы стара Харитина вліпила очы меже дівкы. Молодший хлопец Филяря Долиняка, стоял на самом переді, близко икон. А же еден церковник был в закрестии, а другий старый был глухий и не виділ, же свічка упала, тай хлопец двигнул поламану свічку и положыл на крылосі. Коли стара виділа, што якисый хлопец двигнул тоту свічку, звідусея одной бабы, што стояла коло ей стольця:

“А чый же то нон хлопец, а?”

— Филяря Долиняка, зоза ярку — отповіла друга.

Стара Харитина зачала очами глядати найстаршу Филярову дівку, но зо самой головы не могла нич зауважыти, зато, коли мали гнет люде выходити з церкві, стара Харитина вышла наперед и стала собі на порозі под фиртком. А коли з церкві высунулася весела гурма дівок, стара Харитина хоч не

могла ити, трималася горі цілим селом за пятами дівок.

Службу Божу пересиділа дома, на читаню акафистов. По службі сварилася зо своим сыном одинаком, от котрого одогнала, уж пять літ тому, невісту и больше до хыжы не припустила. Выбралася аж на всенощне перед Михалом, бо по дорозі хотіла вступити, як даякий репортер, до Антохы, а она уж мала пустити в рух вшиткы ей новины. И коли на всеночном увиділа Антоху, кивнула на ню головою. Антоха присунула ухо, до котрого Харитина вшепнула пару слов:

— Мам ти штоси важне повісти, подождеш на мене, та зайду до тебе . . .

По всеночном стара Харитина и Антоха скрутили до выгона в керунку Антохиной хыжы. Спочатку бесідували при світлі, а як бракло нафты, бесідували в потемках до дванадцетой години.

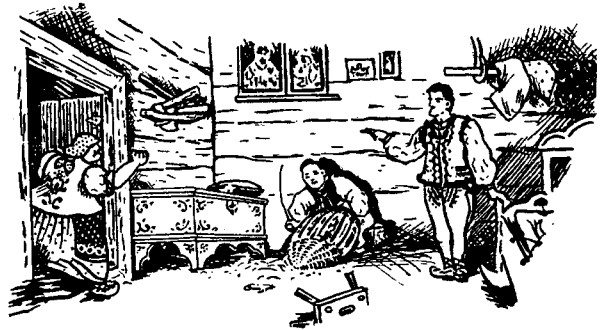
Антоха уж до рана дуже и не спала, лем чекала, коли будут кумы ити рано по воду, штобы заспокоити свое кортіня и выполнити свою ролю, так як бы за найліпшу плацу.

Того самого рана вість о Марині Филярвой была рознесена так, што перед обідом, коли Марина з отцом несли в цебрі з ярку воду поити статок, едны бабы смотріли през шпары от дверей, другы зоза угол и плотов закукували. У самой Антохы было уж пару баб, што зашли до ней, нибы то кликати на утрню, а як Марина вышла з отцом по воду, Антоха отсунула бабы от выгляда, жебы лем здалека призералися. Антохі пришло на мысль, што Марина не была рано по воду, тай звернула увагу бабам, же певно боится о себе и не хочеса показувати, хоц Антоха и вшиткы бабы добри знали о том, же Марина николи не бере воду з ярку, лем иде до Павелчаковой студні, бо Павелчакове дівча, то ей ровесниця. Зато Марина все ходила лем до студні, хоц то было дальше.

Но чья новина, того правда. Якоси бабы познавали и сами и притакували, хоц никотра сама собі не вірила, бо Марина мала на собі мамин кожух. Але бабы потвердили, же нароком вділа. Уж каждый сусід Филяра знал тоту новину. Не было лем кому повісти тоту новину ей отцу и матери, не было кому оповісти и самой Марині, бо была то выдумка старой Харитины з горба.

Она носила себе за наймудрійшу в селі, а кто осмілил бы ся отнести до ней неутрально або высловился о ней неотповідно, тому она потрафила такого збытка зробити, на який здобываються лем подлы богаче або фальшывы люде.

А стара Харитина мала злость на Филяра, бо при попередном положу его жены, он перший в селі прогнал ей зо своей хыжы, бо не мог смотріти на ей роботу, як она пяна до беспамяти, приходила и вымагала горілки, а потом добру заплату и то лем полотном або грошами. Наибольше назлостило Филяра то, же едного разу застал ей в коморі, як газдувала в скрині. Зато Филяр прогнал ей, а она на порозі загрозила му:

— Пожалуеш ты тяжко того.”

От того часу минуло два рокы, але кромі маленьких напастей не могла ничым Филярови кошкодити. Тепер пришла така подходяща хвиля, коли она трафила на добру думку зробити велику колотню, же под напором ей языка Филяр буде мусіл выдати свою дівку за Мирона, бідного сына вдовы, што ма лем хыжку на чужой загороді. Тото могло принести Филярови найперше встыд, потом старунок и сварню дома и в селі. Тоту кость незгоды стара Харитина прагла внести до Филярового дому якнайскорше...

Перед полуднем до села приіхало пару кермешников ищы возами, але з высших Бескидов приіхали уж санками. Приіхали и дзекан на отправу. У Филяра мал быти

кѣрмеш, ба не лем кѣрмеш, але и крестины его тринедільного сынка, бо Филяр отложыл кстины на кѣрмеш. Зато всі у Филяра были заняты, а в церкви был лем еден сынок Филяра. А же бабы не виділи в церкви Марини, ищы голоснійше, переконуючо, загучали о Марині.

Швагер Филяра из третого села припозднил, приіхал аж вечером, бо мал позкладаый воз, тай мусіл го розобрати, а знимати санкы с пода.

В вечер зачалася гостина у Филяра. Стара Харитина приходила ищы якомси свахом Филярови, та выслал и по ню Марину: “Ид, гварит, привед стару сваху з горба!” Як стара почула от Марини, же няньо просят на крестины, почала отгварятися:

— Та чого-ж, мое чадо, я до вас пиду, коли отец и так злый на мене. Два рокы тому мало мя не забил, жем по скрині пеленок глядала. А и тепер я уж му была непотребна до обслуги, та си взял Дуднякову Афию, она молодша, моцнійша и мудрійша от старой, та най ся там чадо веселят сами! Не пиду, чадусю, ніт!

Але Марина не уступила и стара Харитина лем от ока хотіла показати, же не хоче ити, охота ей зберала, она того ждала. Но не зато, жебы повеселитися, або розвеселити других, не зато, жебы выпити, Филярова горілка была для ней барз горька. Ишла лем з тым обрахунком, же гнеска она встроит колючий меч незгоды в спокойне родинне жытя Филяра.

Филяр не знал ищы о роботі старой Харитины, зато як переступила порог его хыжы, привитал ей мило и хотіл попровадити ближе вперед за стол, але стара сваха хватилася клітки и не дала оттягнути себе от дверей, ледво напросил ей сісти собі. Она си сіла, але лем на мостку под сокырником.

Люде подхмелилися, зачали голосно бесідувати, бабы переспівали уж пару співанок, а стара Харитина не пе и не іст, лем очы ей світят з под грубой хусткы, бо она на око не могла скрыти свою жажду мести, котра загніздилася в ей грудях и з уплывом часу, росла. Нарешті вышла зоза стола. Филяр не зауважыл, але люде му повіли, же сваха Харитина втекла. Он вылетіл за ньом до сін, але она уж была на дворі:

— Ей, свахо, та де втічете?”

— Не кстины, а весіля дівці ти уж треба

робити, бо ти дівка добри справилася, о добри! Тас мя запросил на крестины, та под сокырник ес мя посадил и сокыру нарихтувал, жебы на мя упала, хотіл ес мя забити! О, я знам, чогос мя просил на кѣрмеш! Ты, што про твоих кѣрмешников Антохина корова зламала ногу, чекай! чекай! зачнут ся тобі кѣрмешы!” —

Филяр стоял як вкопаний до снігу, бо ничого из того не розуміл и не знал, што отповісти, або звідати, а тым часом стара Харитина, йойкаючы, потягла до хыж.

На Филяра якбы влял студеной воды, постоял хвильку задуманий в снігу и вертат до хыжы, бо му нич не ясно. Марина стояла коло постелі перед печом, весела, румяна, як и все. Филяр лем з под бров шмарил на ню пару раз очами, але ничого не мог зауважыти. Марина была цілком нормальна. Думат собі, який то топор мог упасти на сваху, коли сам забрал топоры рано и склал в сінях, за млинцом? Але призрілся на місце, где сиділа сваха и як раз под стольцом лежал топор. Хоц никто ничого ему не гварил, ани он никому, вшиткы гости, хоц были подпити, зауважыли, же Филяр не сам свой, якісый смутный и аж тепер выпил перший погарик горілки, потом сам заспівал ищы, але якоси несміло и нездарно. Жаль ся му зробил и ани не докончыл співати. Гости кус зауважыли, же певно он довідался о том, што люде бесідуют, тай гнет отспівали “многая літа” газдови, газдыні, крещенятку и дітом и зачали расходитися, ищы не было полночы. Остал лем швагер и пару блисших приятелей Филяра.

Тепер он сіл собі разом з нима, тай зачали бесідувати: Зачали найперше о зимі, о службі божой, як дзьскан зна казаня повідати, який голос мае дяк и т. д. Зышли потом на гостей, які были на крестинах и з якіма швагер познакомился. Повідал, же он з нашим дяком служыл в войску и казал просити го на кѣрмеш, але дяк не мог прити, бо мал кѣрмеш у найбогатшого газды в селі. Аж швагер звідуется, яка то баба сиділа окручена под сокырником, а потом деси пропала. Сусіде оповіли, што стара рознесла новину за его дівку, но люде, котры были на кѣрмешу, позерали на себе и на Марину але не заувижыли ничого, хоц Марина и хыжы была легко зобрана.

Филяр не был хлоп дурный, он знал, што сваха на него зла, то буде певно старатися зробити на злость. Зато уважно думал, не шмарился на Марину, жебы ей бити, як роблят другы при таких плетках, а постановил в дакотрый день побесідувати з ньом и выпытати. Ищы неясно му было с тым топором, кто го внюс под стол и што то мае значыти поламаны ногы Антохиной коровы его кермешниками, але тото довідался аж на другий день по кермешу.

Марина была найстарша дівка Филярова, зато робила с отцом всю хлопску роботу на боиску, на дворі, в стайни, лісі, на поли, и Филяр на другий день мал способность при молочню побесідувати. Бесідувал, як бесідує добрый отец з дитином, без крику:

— Чуеш, Марись, отерлося мі о уха таке и таке, але ся не гнївай, ани не стыдай, лем повіч правду, жебы не прити до векшой ганьбы. Люде бесідуєт хоц-як, але я не можу вшыткым вірити. Та мусиш повісти сама.“

Марина сильно почервоніла, бо ся пре-страшыла, сердце зачало ей живо бити, але з ей слов отец довідался, што то ничому не правда.

— “Я сама знам,” гварит, “же як бы так было, то ліпше было бы повісти зараз, але я о ничом не знам.” Оперлася о ворота и зачала плакати. Отец повірил, бо знал, як виховал дитину и знал, же его дитина в таких випадках николи циганити не може. И уж больше на никого не зважал нич, хоц люде зачали што раз то больше новин доносити.

При полуденку ціла Филярова родина бесідувала о той справі. Отец оповіч ищы

о свасі Харитині, а Марина втрутила, же як ей припровадила, то свасі розспуталася наволока з керця и она собі поправляла на кобици в сінях, коло млинця. И хоц она не зауважыла ничого, всі догадалися, што сваха взяла топор под хустку и внесла до хыж.

По обіді хотіли отнести стол пожыченый от сусіда, але сусід пришол сам, тай оповідат, што по селі бесідуєт, же ктоси у вас пустил ци шмарыл топор на голову Харитині и зробил ей велику рану. Она має свідков, бо вшыткы виділи. А сусід виділ ей сам, як шла селом с перевязаном головою шыроким обрусом, з великым бундзом на верха. Буде подавати в суд. И Антоха подаст вас до суду, бо вчера, як Антохин Ваньо гнал на вечер худобу пойти, ваш швагер перелетіл коло худобы санками и коровы так пострашылися, што една корова скочыла до стайні и перед самым порогом упала и выкрутила ногу, іздили вчера на друге село до хлопа, што направлят ногы, але повіл, же корову зарізати мусят, бо уж больше не встане. Але люде, котры ходили по воду, виділи, же як Ваньо напавал худобу, швагровы санкы уж випряжены стояли на оборі Филяра, лем сама худоба зачала бостися, а же тота вода, што ей рано Антоха выляла перед двери, замерзла и не видно ей было, бо была припорошена снігом и корова заперлася на слизгавици и упала, тай поламала ногы.

О дві неділі пришол Филярови позов, ставитися в суд, на справу Харитини. Як Филяр приїхал, Харитина уж была на корытарі в суді и Антоха, яко свідок. Покликали их и Харитина як зачала оповідати, як то ей Филярова дівка на гвалт тягла на кермеш, як Филяр на примус посадил сидіти под сокырником и сокыру нарыхтувал так, што она упала ей на голову и зробила ей рану, же ей хотіл забити и т. д. Звідуються ей, зашто он ей хотіл забити? Не знала, зашто. Ци ма свідков, котры виділи? Нема, бо всі пяны уж были. Казали розвити и показати рау. Она вхопилася за голову, зачала кричати: “Ой, барз болит, не можу, не можу! . . .” Ци ма докторске посвідчыня? . . . Тото ей так назлостило, што зачала с цілой силы кричати: “А на холеру мі докторского посвідчыня, як я лежала дві

неділі!" Судя розсміявся и казал ей выпроводити. Справа была закончена, бо ясна, ани свідков не кликали.

Справи з Антохиным Ваньом не было, хоц Антоха и Харитина наперали. Ваньо, хоц знал, же корова ногу поломала не про швагра, высланный бабами до Филяра требувал грошей за корову. Но коли Филяр выяснил му, же он ему не може нич зробити, Ваньо дал на чвертку, выпили, перепросил Филяра за напасть и розышлися. Веце Ваньо баб не слухал.

По тых напастях Филяр чулся спокойнійше и думал, же уж буде покой. По селі переставали бесідувати о его Марині, бо переконувалися, же то лем напастлива Харитина робила на злость. Инакше оно было у старой Харитины.

По неудачной справі в суді, постановила шкодити Филярови на каждом кроку. Перевязку з головы не знимала. Коли встрічала Филяра, падала на пути, городила собом дорогу, падала перед его конями, мусіл ей усувати з дороги, штобы переіхати. Коли ей минул, сыпала за ним проклоны, вносила руки до неба о помсту и метала за ним каміньом. Штобы веце клопоту робити, крутилася лем все коло Филярового дому и падала на землю, а потом людям оповідала, як она слаба упала на землю, а Филяр ей виділ и не двигнул, або переіхал. Но справа приходила до грубшого. Раз, додня, Харитина ждала на дорозі, бо знала, же Филяр мал іхати до міста, штобы му застати дорогу. Але не довіділа добри и здалося, што уж Филяровы коні ідут, а тымчасом іхал из другого села учитель до міста. Коні надлетіли, але зауважили штоси на дорозі, тай зачала форкати, а потом цофатися. Фурман злетіл з воза, смотрит перед коні, а там стара баба. Спочатку настрашылся и зачал кричати на учителя. Двигли бабу, обозріли, але не познали, бо сильно себе округтила и очы закрутила. Отпровадили бабу на бок, бо виділи, же здорова. Але не встигли сісти на воз, а баба зас лежить на дорозі. Фурманом шмарило з воза и як протягне свой долгий бич, товды аж опамяталася стара Харитина, **же то** был Филяр, а кто-

си другой. Схопилася и зосунулася в потю. Веце не падала на дорогу, як не была перна, што то іде сам Филяр.

Стара зневага так ей боліла, што нене висть до Филяра и жажда мести росла каждым днем. Плянталася по под ног Филяра, штобы тым способом залячы ем на суміню. Но конец был недалеко, бо ра трафила на свое.

Шла Харитина селом, Филяр іхал зо сыном. Полициянт был того дня в селі и як ра встрітил Филяра на дорозі. Коли коні подлетіли ку Харитині, она бавх собом в сніи аж скурилося. Коні сперли наремно и зломили дышель. Филяр отдал ліцы сынови, сам хотіл усунути Харитину, але она схопилася, сягла до плота по долгу жердь, двинула с криком в гору понад коні. Коні встрашылися, рушыли назад, вывернули санки с сынком и покровавили го. Урвали папы и скочыли перестрашены селом: Едного старика вывернули и покалічыли, потом на закруті еден конь не встигнул себе накерувати и повалился в глубокий поток на пнякы.

Полициянт был свідком цілої трагедии списал протокол и подал в суд. Старой Харитині присуждено повертати кошта, вынагородити кривду и два місяці арешту.

При конці мясниц, Филяр отдавал свою найстаршу дівку за Семана Голубчака, на добре місце, без завады и без сплатков. Три дни перед весільом вернула в село стара Харитина из арешту. Сын ей за тот час привел свою жену до дому. Посплачал судовы кошта за свою маму, але до хыжы ей не принял, а суду она уж боялася як огня.

Коли до того почула, што Филяр робит весіля, отдае Марину за такого паробка як Голубчаков, взяла ей велика злость, што ей проклоны ни робота ничого не помогли. Я виділ, як молодята пришли до церкви, стара Харитина лежала крижом на земли перед иконами, аж почорніла. На ей руки капали каплі воску з горючых свічок, обернених долину поломеньом, из ей грудей тяжко выдобывалися слова проклону: "Най скаплют мои ворогы, як капат тот воск" . . .

З Берега до Воды

ТИМКО был ищы малым хлопцом, як каждый з нас свого часу. Літом пас худобу, драпался по деревах за пташачыма гніздами, нераз вразил руку до гнізда, в котром лежал в колечко звитый гад. Веце прөгаял свои коровы як пас и лем каміньом наверхал. Зато його коровы были без рогов або лем з едным. Нераз пополудни перегнал коровы з одной горы на другую, там где были другы пастухы. Не надармо его коровы не хотіли доитися и мизерны выглядали, як козы.

А в зимі, як го выслали до школы, то книжки шмарил до загати, а сам шол возитися за село разом с цыганьскыма дітми. А як почув крик дітей коло школы, скочыл поза хыжы и перше пришол домив, як другы. Але як ся го звідували дома, што мают задане, то не знал. Звідалися другых дітей, а діти повіли, же Тимко до школы не ходит. По том пришла и кара. Тимка били, але он не слухал, никого ся не боял, ни чужого ни своего. Был щесливый, был смілый, очы бы каждому выдрапал.

Але по ночах мучыли го тяжкы сны. Вшиткы сны забыл, лем еден ся му до днес лишыл в памяти.

Снилось му раз, же сиділ собі на високом берегу над глубочезном водом, а зо всіх сторон окружали его люде незнаны, котры тисли на него, а он на самом краю. З воды выблысковали зубиска страшных потворов. Коли Тимко призрился по людьох, котры го спыхали, то они ся до него усміхали, але таким злорадным усміхом, што за своего жытя ищы таких людей не виділ, в его селі никто таком усмішком ся не подсмішкувал. Такы твари виділ под дзвоницом, на образі, як подсмішкувалися фарисеи, як мучыли Христа. Тых тварей страшно боялся и не мог ни плакати, ни кричати, ни боронити себе, хоц што раз барже и барже тисли на него, што му уж бракувало равновагы. штобы не упасти до воды. Коли пробудился, был цілком мокрый и змученый, блідный, з выкривленом гамбом до плачу. Не заснул уж до рана, але от того часу почал боятися о свое жытя.

Минали рокы и Тимко вырос на здорового

паробка, але дома не было што для него робити, сестер и братов у него было столько, што не могли поміститися дома, не мали де спати. Тимка выслали на службу. Служыл Тимко пару роков, але газда о заплаті не думал, не дал му николи цента на нияку забаву, хоц сам часами шол на весіля, цистины. Раз продали быкы, Газда сховал грошы за рукав от гунькы, гуньку зависил в коморі и пошол спати. Тимко потихы вытяг грошы и сунул зо села. Газда на другой день виділ, же Тимка ніт, думал, же певно выбрался до отца. О грошах аж товды довідался, як в неділю ишол до церкви и хотіл призритися на грошы, а грошей ніт. Пошол до Тимкового отца, але Тимка там не было. Догадался, же деси втюк, до світа, бо уж пару хлопцев так втекло зо села.

Тимко не знал найтиса во світі. Был кадиси по Америці и до Канады якимси способом попал. Грошы, якы взял з газдовой гунькы, скоро вышли, а ту трафил зас на тяжкы часы. Ходил Тимко за роботом, але не мог нигде найти. Пришли на него такы часы, о якых он не думал, ани николи ся му не снило, бо дома, а и на службі такой біды ищы не знал. Так он бідовал долгий час. Не раз обезсиленный упал на улици, не раз почорнілый лежал в парку. Голод го мучыл и обдертый и брудный был. Смотріл он, як богаче розбиваются в каретах, як выбілены пані, окуты в дороги и блестячы перлы, отдыхали и радовалися. И коли смотріл так по тых богатых брѣхачах, пришол му на мысль его сон, тот страшный сон. Зараз их твари робилися фаризейскыма. Коли он просил роботу, а пан усміхнулся до него и отказал, то его усміх представил ся в очах Тимта затаеным, притворным сміхом и ани не мог смотрити на них. Здавалося му, же они го спыхают на край гибелі в пропасть и ани никто зо своих не буде знати, где ся поділ, а ту молодой вік, час росквіту, жыти хочеса. Вся природа усміхатся, а ту жыти не дае, дусит Тимка.

Але он был твердого духа и характера и за тот тяжкий час не тратил надіи, боролся за жытя и біда го научыла бесідувати, чытати и писати, а коли зачалися ліпшы часы, Тимко уж робил ліпшу роботу.

Раз вычитал в газеті, што в уряді требуют чловека, с красным почерком писма. Тимко ся зголосил, бо знал прекрасно

водити пером и там го приняли и так достался на добру посаду.

Тимкови минат тепер сорок літ, зо двадцет и два як ест в Канаді, робит все ищы там на старой роботі, жыєся му добри, ма ускладаный грош, женатый и ма свой дом и пише при великих панах и они го уважают, мае посаду певну и не треба ся му уж о нич старати, але он все на своих и всіх панов смотрит недовірчыво, бо все ся му здає, же они го зопхают назад в воду. А хоц часами хоче ся панам усміхнути, то мимо волі лем гамбу на них выкривит, так што аж ся на него паны озерают.

Он пишєся Тимофтей Павлович Скриня, колышєся все дома на “рокинк чери” и нам новым иммигрантам радо оповідат свою историю. Еден мае гріх, же барз скупый на народне діло, бо хоц мае уж тяжкы тысячы, то все ся боит, же му бракне и зас буде капал.

Родный Лемко.

Хованец

— Знате вы, што то таке “хованец?”

— О! . . . хованец! . . . хованец, то барз рідкий птах, але и барз чударный, хоц барз потребный. Того пташка не каждому ся трафит мати, лем щесливым людом. Але щесливый лем товды буде щесливый и богатый, як найде такого пташка и возьме го за свого домив, то тот хованец поправит цілу газдовку и вытягне вас з біды.

То такой смиренный, мизерный, чорный, з довгым дзюбом и хвостом, все зателепанный, мокрый, з обшпаным пірьом и опущеныма крылами. Барз жалосный, німый, бідный пташок, люде го не люблят, а сколько добра он людом може принести . . .

Хованец на дорозі ся трафит, але хоцкто го обмине, бо он на позор некрасный. Не хоче ся над ним змилосердити и оминат щєстя. А вы як бы сте го взяли и ховали дома, то зерна бы ся вам красны родили, худоба бы ся красна ховала, град бы вам не збил поля, слота и посухы бы вас оминали, воды и фунта земли бы вам не забєрали, телята николи не здыхали, обыстя николи бы не рогіло, ни без дзюравый дах бы вам не ляло, грошы лем вы бы сте мали

найвєце в сєлі, вєце як Берко, были бы сте здоровы, а вашы діти найтлустийшы.

— Не шкода вам, же не матє такого щєсливого пташка? —

— А мы мамє — дома на пєцу. —

Мы были малєнкы діти, бавилися на земли сєред хыжы, слота была долга и воды великы, а мы мали за водом капусту. Няньо вышли зазрїти, бо вода забрала кавалец земли з капустом. Пошли призрїтися, ци ищы дашто остало. Вышли за воду, а там на нашом кавалку под лозинком, стоит бідне, сиротка пташеня, вода з него цяпкат долу перемоклыма перцми и з дзюба и хвоста. Ножкы под ним высокы, сухы, стоит спокойне, трясєся, перемерзнєне.

Няньови жал зробилося такого пташеня-та, взяли, зложыли за пазуху и принєсли домив, жебы ся осушыло, же го слота знищыла. Посадили на пєцу в кутику, насыпали овса и натрущыли адзимкы. Але пташок ищы дальше посунулся до кутика и нич не іл.

Пришли и мамє зо села, тай звідуються, што то за біда на пєцу. А няньо гварят, же нашли за водом. “Та сусідци Ксені вчєра, ци передвчєра, пропало куря, то може оно, кєд не боится людеи. Але кєд до курята не подобне. Зато то нич, то певно лем от слоты так змарніло.

“То нич—най так постоит на пєцу и найся осушит, а потом будєме видїти!”

Пришол вєчер, мы, діти, полігали спати на пєцу, а пташок коло нас в кутику. Рано встали, идут призрїтися на пєц, ци зме в нocy не задусили пташа. Смотрят, а пташок, який был мочар вчєра, такой самый и днеска, не осушылся за полтора дня. Вода цяпкат з него и тєче попод нас, долу пєцом. Мамє призрїлися, зблїдли и зо страхом скричали на няня. Пташок лем кліпнул чорным очком и обернулся. Няньо встали, а мамє гварят: “Забер го гет! Вынес тоту біду от хыжы, откаль єс го принєс, полож го на тото самє мїсце, где был, я ся го бою то штоси небєспєчне.

Няньо спообзєрали, не сподабалося и им Окрутили до рянды, вынесли и поставили на том самом каменю, на пісках, под лозинком.

Але мамє смотрят, а на мїсци, где стоял пташок, жменя пшєницї! Откаль могла пшє

ниця ся взяти, як ани у нас, ани в селі, ани в сусідных селах, пшениці неє? В страсі, мама позгартали пшеницю, але жебы ничего злого ся не стало, закопали на полночну сторону от нашой хыжы, обілили пец, але пролоі остали мокры до ночы.

Лем няньо 'однесли того пташка, нещестя ся почало на нас сыпати: Я збил велику глиняну миску, мамі розсыпалася боденка зо зметанком, брат попюк пальці, лишка взяла гус, корові полова влетіла до ока. То ничего, але хоц самой той біды в хыжы неє, того пташка.

На дургий день мама ищы больше ся перестрашыли: Встанут рано, а тот сам пташок стоить на том самом місці, на пецу в кутику, зосовлений, вода тече ищы барже, насеред хыжы шырока млака. Гнеска рушати того пташка уж ся бояли. Дали му спокой, лем от людей закрыли го клубиком лену.

Деси перед полудньом пришла до нас коморниця Параска. Зауважыла млаку серед хыжы. Зачалася обзерати. Звідуєся, што ся таке стало. Але мама встыдалися и не повіли. Параскі суміня уж не дало спокою. Зачала метати очами на пец.

Мама вышли до коморы, а Параска выскочыла на припечок, сягла руком поза клубик, всунула пташка под хустку и вымкнула с хыжы. На нас не зважала, же мы будеме видіти. Як мама вернули с коморы, старший брат повіл. Мама смотрят, акурат птиці неє . . .

“Слава Тобі Господи,” прошептали, же-смя клопоту позбавила!” Ба, але за пташком двараз больше пшениці як вчера. Забрали мама тоту пшеницю и высыпали за межу на сусідске поле, ищы раз обілили пец, але пролоів было знати ищы зо дві неділі . . .

Ци коморниця Параска знала, што то за пташок, же ся злакомила на него? Не знам. Лем-же зараз на другий тыждень почалося в ней поправляти. Люде виділи на ней нову фарбанку, потом новы керпці. А мои мама певно комуси повіли, же она ма такого пташка, што ся зове “хованец.” Бабы ся ньом брыдили и огваряли, зо завистьом на ню бесідували: “Прибрана, бо ма “хованця.” — Параска ма грошы, бо ей “хованец” приносить!” шептали бабы. Не знам, ци она наравду го тримала, бо я у Параскы не был за свого жытя.

Люде повідали, же такого пташка добри тримати, але го треба шанувати, а он сам поведе цілу господарку. Лем-же в тых людях душа чорніє, што го тримають, бо тому пташкови треба прирікати душу, каждую девяту суботу. А тоту пшеницю, што му выпырскат з носа, то золото, але треба складати цілый рок, аж в страстный четвер переминається на золото. Люде уж виділи, як Параска пересушала на сонці полну опалку золотого зерна.

Але хоц Параска была богачка, люде ся ей брыдили и оминали и Параска о том знала. Ей недобри было, же ся ньом люде брыдят, зато хотіла того пташка позбытися. Пару раз го била и вышмарила, але все ся вертал.

Лем раз, в ночы, вспыхнул у Параскы огень, люде виділи в поломенях когута и зараз такой знали, же то “хованец” зо злости спалил Параскі хыжу, а сам переминался в когута.

У нас на том місці, где мама закопали тоту “хованцову” пшеницю, каждого року росне высоке бодача, а на сусідском полі зробилася солотвина. В страстный вечер люде видят понад солотвину якісы огники.

Не знам, ци и тепер трафляються такы пташкы дакому?

Певно трафляються, лем щесливым людом. Ой, які то щесливы пташкы, шкода, же тепер их ніт. Я жалує, же нам вкрала стара Параска. Мали бы зме дост золота, аж бы зме го пересушали, коровы бы ся нам доили, на полі бы ся родило, през дах бы ся не ляло, телята не здыхали, были бы зме богачами.

Є! але може бы зме мали чорну душу, або остали бы зме без хыжы и без лахов, як и коморниця Параска.

Родный Лемко.

Окуляры

(Подслухане в селі на Лемковині.)

— В чера в селі заложыли “Компдратыв.” Был зо Львова, тот, як ся зове, структур. Ні иструктор и заложыли такий sklep, што ся зове комператыв. До того записалися: Василь Пята, Гриц Гузік, Петро Ватлярка,

Василь Недайбог, Петро Овязаний, Ваньо Поскрипка и Юрко Зацофаный.

Мы лем виділи того пана, зараз зме знали, же нещестя. В нашем селі уж дост было вселяких панов и по войні и перед войном, але вшиткы добри памятают, як перед войном перешол през село якийсь пан в окулярах, а на другой день зараз войска ту. Ничого — як бы был пан, але біда тота, же тот пан зо Львова и мал окуляры. Шлямова Финкля зараз рекла кумі Онізі: “Будете видіти, што с того будут, лем ся не варуйте того склепа, што го пан в окулярах зробит.”

— Буде нещестя, буде нова біда, з перестрашеныма тваряма вздыхнула купа баб, як выслушали свахы Марины, котра продолжала дальше бесіду:

— А я гварила и мому зятьови, варуйся того пана, ани з ним не бесідуй. Ци послушал? Взял и записался му! То увера, не хлоп, не даст собі преречы, ищы біду даку на себе стягне.

— Та бо и егомосьць кричали и наутрны и на службі, жебы не слухал никто того пана, што приде, бо будут людом заберати грунта, хыжы и худобу. Зато вчера по службі отпраляли до вечера акафісты и суплікации, жебы люде там не ишли и го не слухали, а Бог жебы заварувал от того нещестя, што ся мае звалити до села як перейде пан!” — додала една побожна баба.

— А хоц бым жыти не мала, ани ся не призрю на тот склеп!” — розпучливым голосом завела третя.

— Десятому закажу ходити до того кумпуратива” — зо злостью закричала найгрубша баба.

— Шыбы камнями повыбивам першого дня” — пискливым голосом одозвалася суха, высока, як подсохла рокита жена и уж стисла пясти.

И так под высокым церковной огороды муром вынесли цілу резолюцию постановлений, оминати склеп, десятому заказати, шыбы выбити и шкодити, где як ся даст. Бо так повіла Финкля. — Так кричали егомосьць и молилися. Николи за дурно не молилися столькы години. Сам Шляма скрылся за фиранку, жебы го пан без окуляры не зоркнул.

— Буде біда може днес — може заран.” —
— Звалится на наше село нещестя. —

— Варуйтеся! обходте! закауйте! Шкойте! Шкодте на каждом кроці!

Люде ждуть біды. А ей не треба ждати она каждого дня нова, в новой силі! Те плят, як и терпіли всі тоты, што ся варук обходят, закауют и шкодят. Терпіли втот як ищы не переходили през село окуляры

Не смійтеся! Не на сміх я тото пиш лем призриймеся и подумайме, як може таком селі розвитися кооператив?

В члены вступило столько, што ледво уряд выстарчыло. Ищы до того Васильо Недайбог назвиско так допасовалося до е розума и характера, лем якимси чудом, ш ледво притягли го в члены и лем з не выдусили, же казал книговедови записа от себе оден уділ, котрый до днеска не вни Уж з Юрком Зацофаным скорше поради:

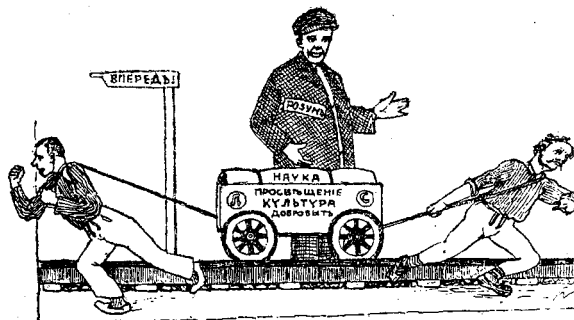
Склеп отворили, бабы свое постановле не зміняють, не призераються на него, не ждуть, страшат и шкодят и дітом заказу боятися нещесных окуляров.

И я боял бы ся окуляров, але не такы котры чловек може надітити и знимати носа, я боял бы ся, як бы было противи як бы окуляры были большы от чловека а мали таку силу, жебы хопили чловека оттаскали в даяку пропасть. А мы боиме звычайных. Нарікають, же біда и новой біды ждуть.

Як долго біда буде?

Покля будеме новой чекати и не зміни свою мысль и не будеме чекати нового добра, а не новой біды, покля не здойме своих тяжкых окуляров темноты, котрых видиме.

Родный Лем!

Розум: Ей, лемкы! Як так будете робити та все будете на місци стояти! Ноле втесея разом, а вперед, то дораз рушыте

Як ся Михал Бурка Хованец Повісил

(3 гуральского на руске переоначыл—Сват)

Бо што было то уж было — а што буде, Памбиг зна! . . . Так гварил Михал Бурка Хованец, а потом сой заспівал:

Ей хлопак я сой шумный —
Ей робю сой, што хочу!
Ей, як собі подпію,
Ей, до горы подскочу!

И подскочыл.

Иде, ціла долина його — бо ест мощно пяный.

Ту завадит о пняка, там зас копне камин, раз на право, раз на ліво — ту ся заточыт, ту хыбне — и так ціла долина його. А місяц смотрит з поза Кычеры — и присягнути мож, же ся посміхат говедо . . .

Гей, добри ти ся оттамаль посміхати! Кебы я тя гев, ближе мал! Высмарувал бым ти блищачу кофу! —

Так гварит Михал Бурка Хованец — и луп боком о смерековый пняк. Утрапены тоты поляны, тельо на них смереков, як чого доброго.

— Ліс! Вера — тыж! Ци-м го сіял або што? — Стал, затримался, поправил калап, поднюс пястук . . .

— Што? Ци я не Михал Бурка Хованец? Што? Може ні? Што? —

Але му ся ник не противил. Послухал хвилю, почекал, як на смілого хлопа виходит — ник ся не отзывал. Та ищы раз поправил калап и ишол дале, посвистуючы. А потом сой прицупнул и заспівал:

Ей, сподабали мі ся, ей та заячы уха,
Ей у оленя рогы — ей у дівчате ногы!

А по хвили зачал сам до себе:

— Впилемся! Нее што гварити! Впилемся!
— Але чом ем ся впил? А през неблаго-
словеніе Боске . . .

А як я сой пою, то мі нич не шкодит!
Пиду горі, долов, Памбиг надгородит!

Я! мі бы та даколи Памбиг нагородил!
Газдувал я, як ем мог — и што-жем при-
газдудвал?

Г—о!

— Гей, нич, лем оне!

— Заорал мі Цідило! — В'орал мі ся! За-
орал мі загором — мало рахувати, половину
морга.— Ей не так то, кебы-м го гев встрі-

тил! Дораз бы впал на землю. В'орал мі ся!
Што-ж му буду робил? Пидеме до права?
Хыбаль ем ся не правувал през полчетверта
року коло того грунта по теті? Што-жем
выправувал?

Штыри дудкы дала, жебы танцувала,
Штыри дудкы взяли, она стоит дале! . . .

Тельо маш!

— А ищы тото нич, же мі ся в'орал, але
з том шопом! Преця, як мі ей вітер при-
нюс, то шопа моя! Сам Памбиг повідат:
Бер Михалю, што я даю! Вітер шмарил шо-
пу на мое, то шопа моя! Но бо як-же было?
Дунул вітер от верхов и принюс шопу з
Цідилового поля на мое. Так мы мінянку:

Йому зостал пляц порожний по шопі — а
мі выросла шопа на порожнім. Ци то я тому
виноватый? Нич я зо шопом не робил,
лем вітер. Што он ма тепер мною нарабляти?
Бил мя так, што ся виділо, же мі жылы вы-
торгат. А я шопы боронил, бо мі Памбиг
шопу так, як з неба спустил. И што жем
выборонил? Г . . . о!

— Заскаржыл ем. Ба. Як! Они бы дашто
коли признали? Ани му за тоту битку нич
не всунули, бо — гварит — свого боронил!
Нибы свого! Ба! Кед на моим грунті стояло!

А най их колька з таком справедливо-
стьом! Давно не было нияких судов, ліпше
было! Най вас колька бетяры!

Ей! Перше я сой співал, тепер плакац мушу,
Же я ся так марні поневерац мушу.

— Хыбаль ся обвісити, або што . . .

— Вшеляко человек прибувал на світі, але
де там! — Ту Михал Бурка Хованец розжа-
лился над собом и слезы му подошли до очы.

Же я ся так марні поневерац мушу . . .
додал жалосно.

Або — баба! Планне сотвориня — завсе
фраса вартат. Зварит ти, опере тя, правда,
але ти тыж даст попря!

Жебым пугарик выпил — уж зна! Такой
нос ма! Приду до хыж — бух мя в леб. —
Жебы то лем пястуком, але што до руки
впаде: — Ты гунцвоте, ты піяку! — А преця
Памбиг так палюнку сотворил, як и свяче-
ну воду. Вшытко Його, Його милосердной
руку, з найвысшой ласкы походит,

Памбиг милосердний, штобы ся нами опікувал до самой смерти, покаль не помреме: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Отче наш, Иже еси на небеси; да святится Имя Твое . . .”

Ту Михал Бурка Хованец заточылся сильно, упал на якисый штырпак и сіл медже коріня. Не довго потом почал прицупкувати, головою притакувати и співати. — Свистнул по югаски, аж залетіло на Кычеру:

Ай—та-рада по французку,
Тримай сой ю на ланцушку!
Фрасы ти ей утримают,
Коли ся так наперают!

Розсміялся и уж зо страшным темпераментом бе обома пястуками о землю, головою киват, як шаленый — співат штораз голоснійше:

Ищы ти ся на што придам
Под-ле ку-мі гамбы ти дам!

Уж не мог вытримати, зорвался, свистнул през зубы, голову перехылил, притиснул калап руком, прицупнул ногом — и гыц — кресати дробного чардаша, пята о пята, в повітря. — И нуту сой добрал под ногу, як мало котрый молодой паробок добере: Креше и креше, аж му камінці з под керпців пырсают! — По мадярскы!

Носится, подскакуе . . . Што подскочят, то руками вытне в пяты, гыц на ліво, гыц на право — лем калап руком натискат, гоп-гоп, гоп-гоп, цілый змок. Цупнул ногом на конец и долоньом вдарил о землю, аж енкло.

— Ци-м не танечник? Перший на світі! Што? Але му ник не отповіл — а гадина згрызоты зас му зачала по грудьох лазити.

Танцуй! танцуй! — думай. — Ты лем танцуй, а там ти ся Цидило в’орал, полови ну морга ти забрал, по теті ґрунту не выпроцесувал — шопу ти вітер з Цидилового на твое перенюс, не то, же ти шопы не присудили — ищы тя Цидило збил и нич му зато не всунули в суді, бо — гварит — своего боронил.

— Танцуй! танцуй! Ты сой лем танцуй ту, коли-ес далеко от хыжы. Жебы тя так баба вздріла! Дала-бы ти! Столец не столец, кыянка не кыянка! А ты дзяду! А ты віселяку! Тото, што ти ся належыт, зборонити не знаш, в суді повісти не знаш, але танцувати, то гей, але пити то гей!

Може ти ся ищы яка молода дівка звиділа! Што? А я уж добри змеркнувала на кова-

льовом весілю, як ти ся дівкы подабаю Ты! Леб ти посивіл, борода уж гнет бу, ти ся трясти! Ей, вера! Ты до діво Паробок, смотте-ле! . . .

Ту Михал Бурка престашился власно мысли, аж ся обыздріл. — Але на щесного никого не было. Сам был на краю ліа што ся тягне от Кычеры, аж до потока.

— Правда, рюк по хвыли, правда ес Виноватый я.

— Марта! сам ти повім, жем, виноваты Хоц коли ся напю. Але ты тому не розміеш, бо то знаш, як повідают: “Хлопски розум — бабске мясо.” Я уж такой. —

Ту змінил голос:

— Што, я ся не мам за свое напیتی, што Цим ти вкрал!? —

Ту хватился за голову и схылился, як б го дакто вдарил. Глядат гуза — нее и болит.

— Ци мя пацнула, ци ніт? — гварит своей души. — Та не чую, а преця мі так виділо — же-м достал?

А ту друга гадина, инакша, зачала лазити по грудьох Михала Буркы Хованца.

— Е, мои милы люде. Бо тыж и дівка той Теклі! И зачалося припоминати Михалови Бурці, як раз Теклю виділ на пол при роботі, в кошелі лем была и в каба а на голові мала хустку. Вітер теплый д коло клубов, што ся схылит, то ей ови — аж очы пече. — Што ся выпростуе, груди под кошельом выстрілят, як пупча весну. То зас ей в танцу видит, то як церкви иде в жолтых керпцях, то як корон пасе под лісом, то як лен рафат, а сміе а співат — крас дівка . . .

Ей, Боже, Боже! Дал я бым ти бобу!

Але што-ж? Старый ест Бурка, уж шестдесят доходит. Сам ма дві дівкы и о уж обстарні, а ник их не хоче взяти. Б чомбы брал? Бідне то, ай брыдота, ай ст ре, цілком на матір подане! Тра то одіт жывити, а тото лем заваджат в хыжы, вымагат, а помстует, а кривдуе сой, часо то и матери бити мя поможе. Фрас по таком газдуваню! И сплюнул: — Тф

На одного то за дуже! Цидило го кривди баба поневерат, діти недобры, ту го шепют, там го бют — правда, же фрас по таком газдуваню! Што-ж я можу выгаздуват Хыбаль смерт — мручыт Михал Бурка Хованец — барз смутный.

— Што я мам ищы на світі робити? Не, жебым уж так не мал што до гамбы взяти, або што на себе вложитьи, то хвала Богу ищы ест. Але што то за жытя таке? Г—о! — не жытя. Дід, што по жебраню ходит, скорше ма спокой и задоволеня, як я, што ем преця з діда, прадіда, газда! Ту в полю добри мі. Напил ем ся в корчмі, співам сой, танцюю, што хочу, то робю, але гын — найлем приду. Згрызота мя хватит, як кот щура. Хоцбы ся не знати як боронил, не даст рады. Буду ся зас перевертал на постели — не спячы, бо уж ани спати, ани істи не годен. Баба буде мамрати, дівкы мамрут. Фрас мі по таким газдуваню! Хыбаль ся обвішу, або што?!

Тота мысль хватилася му головы.

Иде и калькулюе, кываючы пальцями:

— Обвішуся — не обвішуся, обвішуся — не обвішуся.

Ту припадком трутил о рукав завязаний, от чугы, котру мал зашмарену на плечох и почул штоси тверде. Сягнул — фляшка!

Втішылся. Душком вытігат фляшку, ищы ест в ней кропля палюнкы. Забылся.

Хлюст — выпил.

Очутило го, то ест, кус му силы прибыло, але не охоты до жытя.

Перше мя тішыло співаня и граня

Тепер оплакане мое газдуваня! —

Смутно сой заспівал.

Обвішуся — не обвішуся . . . Обвішуся, не обвішуся. Иде, затачатся — ціла долина його, а в мысли сой повтарят. На конец порвала го велика злость на Теклю. Вдарил в камин, шмарил калап и чугу здер зо себе и бух ньом о землю! Така го злость порвала, аж му в горлі заграло.

Бух пястуком в пняк. Скрутил в смечкы ку пустой долині:

— Шытко мі наскучыло! Кто мі прикаже жыти? Кто мі ту ма што приказувати? Ци я не Михал Бурка Хованец? З діда прадіда газда! Ци то я не можу робити што мі ся звидит? Што?! Ци то мі кто ма до розказуваня? Што?! Я не мушу! И завертался по лісі и мручал до себе:

— Обвішуся — не обвішуся — обвішуся — не обвішуся . . .

А злость и ненависть до жытя доідала му што раз барже. Уж ся пінил зо злости.

На конец, станул под смереком, на смерек світил місяц так ясно, же аж ся біліл пняк

от світла. — Михал Бурка зачал вытігати ремин з холашен. Вытягнул, поправил холашні, конец ремня всилил за спрячку и зашмарил на конар.

Смереку! — гварит. Обвішуся на тобі! Чуеш? Але смерек ани слова.

Ни з того ни з сего розжалился Михал Бурка Хованец. Хватил пняк дерева руками варгы притулил до смерека и гварит: — Мое ты дерево кохане . . . потримай ня хоц на хвильку, найся уж потом и одорву. Мы так як братя . . . На тебе бе сніг, дощ, бодай кто о тебе завадит, перун, коли хоче стрілит до тебе, вітер тобом колыше — марне твое жывобытя, так як и мое. — Мой смереку любый! так сой будеме враз бідували лем же ты вершком до горы, а я ку землі пятами. Ажебы-с ня не стрепал аж дойду. То долго не буде тырвати, бо то человек не дерево, знаш. Мало му треба. Кельо то роботы коло тебе буде, чым тя зотнут. Ту треба сокыры, пилы, ту треба хлопов, кто зна, якого знярдя — а при человеку, то не вельо. Ремень с холошень—дост! Приде богынка — буде ся звідувала: — Е, а што то вісит? Ци зас не свинска солонина, або сало, ци бы-с сой не одрізала шматок для діти? То ты ей повіч: “Лем сой отсун тоту червену шапочку на голове, моя ты — бо то не солонина, ани не сало вісит, лем человек набожный и хрещений, Михал Бурка Хованец, З діда прадіда газда . . .

И дзіргнул сой ремень на шыю . . .

Сердце Матери

Была бідна вдова Собуська и сына мала одного, Собка, на котрого нигда инакше не рекла, лем Собусь, и в селі го ник инакше не назвал, лем Собусь — Собусь. А Собусь был горший от пса! Зле было, ищы дитином, а як зачал паробчыти, зробился горший, як пес. А найгорший был для матере. Нигда ей доброго слова не рюк, ба, тягом прозывал, попыхал, поштуркувал, часом збил на квасне ябко, а домагался от ней роботы вшелякой коло себе, сам зас не робил нич. Ледво там поорал, обсіял и обкосил тот кусок поля, што мали, а решту: роб мати!

Не раз ай копнул до ней. А то было уж

обстарне — копу и сім літ уж мала, то уж не годна быти така вартка, бо не даст рады. Але ся нигда не ужалила, лем завсе: “Собусь, Собусь, мой Собусь” — а от роботы уж ся во двое зогнула.

Собко ся не женил, едно, же дівкы ся го бояли и неради го виділи про тоту злость до матери найбільше, по друге, и сам Собусь барз ку дівкам не тягнул. Лем сой кухарку хотіл наняти, жебы го опрала и їсти зварила. И вынашол сой таку едну и она ся згодила. Й так сой втоды подумал:

“Нашто мі тепер мама в хыжы? На сто чортов! Стара уж, ледво лазит, ледво робит. Каська зробит вшытку, ищы не лем ліпше, але и выгода з ньом буде. Пошто мам дармоїда жывити? Выжену матер гет — най сой иде, где хоче!

Який Собко, така и Каська. И она му тыж гварила: “Выжен стару . . . выжен стару . . . Што ти по ней? Лем жре.” Бо хтіла быти сама в хыжы, лем зо Собком, жебы ей никто инший не мамрал, а што сой придбат, жебы лем ей было.

Раз в нocy, в зимі то было, пред Годами, Собко не лігат нич на постіл, лем на лаві сидит. Лем една постіль была в хыжы и спал на ней Собко. Мати сой стелила, як могла, на землю под пецом. Лежыт сой тихонько и молится, бо видит, каганец ся світил, же Собко злый.

“Штоси буде . . . штоси буде” — шепче сой в души, бо ищы тераз горший был, як перше.

А Собко бесідуе з лавы:

— Мамо! встань! —

Збератся небожатко, бо ани ся звідати не сміла, чом встати . . .

— Скорее! —

— Зараз — зараз, Собуську . . . Што хочеш?

— Принесте воды, пити мі ся хоче!

— Та преця в коновці вода ест.

Нее! Засміялся Собко и копнул коновку, же аж на маму вода хлюсла. — Гварит:

— Нема воды! Што?!

Мати запаском загорнулася, бере коновку за ухо.

Зима была на страх, а слизко; по воду тра было ити до потока, дост далеко. Принесла.

Ледво, же поставила коло лавы, Собко

копнул другий раз в коновку и вшытку воду выхлюпал.

Престрашена, посмотріла на него мати.

— Каламутна была, не чыста. Принесте ищы раз! Нич не рекла, принесла, а он третій раз тото само. В хыжы уж полно воды на земли, же Собко на лаву ноги вытягнул, а мати в воді босо стояла.

— И тота была коломутна . . . Ищы идте свіжой принести.

— Собусь, та там зима. Я босо . . .

— То ся матка обуй!

— Як же я ся обую, сынку премильый? Керпців немам нияких, а тоты капці стары, што ем нашла и яко тако посшывала, мокры цілы . . . в воді лежат . . .

Бо Собко не купил ей нигда нич. Што мала, то або от старости летіло з ней, або дакто дарувал, бо му ей жаль было, або нашла, як и тоты капці.

— То ид матка босо — гварит Собко.

— Собусю . . .

— То ся вам уж ани тельо послужыти не хоче? крикнул Собко. — А жерти, то бы сте жерли?! Што? Марш по воду в той хвили!!

— А не розліеш зас?

— А як розлію, но то што? Ци-м ту не пан? Но? И ищы раз пошла старовина по воду и принесла и Собко зас воду вылял на хыжу.

— Сама така як тамта коломутна, Матка идте по воду!

Втоды стара Собуська — трясучыся от морозу, клякла перед ним на коліна, хоц на земли было полно воды, бо уж знала, же до чогоси злого иде. А Собко трутил ей ногом от себе и гварит:

— Идете по воду? Ніт?!

— Собусь . . .

— Я знам, же-м Собко и же ня так зовут! — крикнул Собко. Не мусите мі вшытку бесідувати! — А кед ся вам робити не хоче, то гет с хыжы!

— Собусь! . . .

— На двор — повідам! Мі ту таких лахмандов не тра, што з них ниякой выгоды ніт! Приде Каська от Кураша, то буде. А вы ся заберайте з хыжы прич!

— Собусь — преця ноч — студін!

— На двор!

— Замерзну . . .

— Ищы сте теплы, кед в воді клячыте!

— Дзецко мое! Выкормилам ты . . .

— То штож?

— Тыма грудми. —

— А якыма сте хтілі? На двор!

— То мя уж выганяш?

— Так!

— А завтра мі дозволиш прити?

— Нигда! Приде Каська! — Дармоідов мі не треба.

— То уж ся мам стратити на світі?

— Стратся матка, де хцеш! Хоцбы в г—о!

Хватила го за ногы рукамі и поцілувати хотіла в коліна, але Собусь ей копнул, же аж в тоту зимну воду выляту на плечы упала. Была бы може зомліла, жебы не тота вода.

Познала, же ту шпасу ніт. Позберала, што там мала, а было того вшыткого як п'ястук в бундзику, иде ку Собкови, што тягом на лаві, ногы вытягнувшы сиділ и гварит:

Дай же мі ся погласкати, сыночку мой, хоц мя уж так нерад видиш . . дзецко мое...

Але Собко, як ся сігне в зад, як вересне:

— Мі ту вашого гласканя не тра! Приде гев Каська от Кураша, то ня погласкат, кельо мі ся буде хотіло. Заберайся дзядовино затрачена! Бо як ні?! И хватил за горнец дротованый, што на столі стоял . . .

Вышла Собуська тихонько на двор, лем от двери ищы раз посмотрила на Собка и през слезы усміхнулася до него.

Темно, капці, што обула, мокрусенкы, зимно, не зна, где ити.

— Пиду по халупах, запукам до окна, же мя пустят люде, не ту, то даде инде — мыслит. Баяк! То зас бым мусіла повісти, же мя Собусь выгнал з хыжы, тобы на него помстували, а то преця мое дзецко . . .

— Пиду в світ, страчуся . . .

— Памбиг добрый, то мі ся та долго не даст плянтати медже людми . . .

Иде, ховзне по леді, западат в сніг — иде... А Собкова хыжа стояла на боці, сама една, здалека до ней видно было. Обызрілася Собуська, видит, в хыжы ясно.

— Не спит, не задул каганця — мыслит.

— Не спит дзецко . . . И пити ся му хоче, а воды ниякой нема . . . Сам по ню не пиде, бо зимно и тьма . . . А питися му хце . . . Жебым то я му принесла . . . Ест путня на оборі, выполочу чысто, шумні, поставю при дверьох — двери лем тельо вхылю, жебы му повісти: “Сынку, маш воду, як быс хотіл пити — и пиду гет. Не буду ти уж долго на світі, ні!

И як думат, так робит. Вернула до оборы, тихонько вошла, путню до потока занесла, выполокала и чыстой воды Собкови под двери принесла и упала при дверьох мертва . . .

А ангел, што пришол по ей душу, горько заплакал . . .

✓ Материнский Язык

Материнский язык вельку силу мае, Кто не барз завзятый, тот каждый признае. За нас лемков-руснаков, хоц лем тысяч літ, Никто о нас нич не знал, не чул о нас світ... Мы не мали школы, лем бесідували, За тысячу роков русскыма остали! Материнский язык тримал нас при жытю, Тепер нам помагат в світовом розвитку. За свой язык и матер маме памятати, А не лем на словах русскыма ся звати, Бо нашы родиче тяжко нас ховали, Часто не доіли, за нас ся старали. Мы не памятаме, як ховали нас, Лем просили істи, жебы дали зас! Аж тепер мы знаме, як мы уж доросли— Едны поженили, другы замуж пошли, Што отец и мати при дітях визнают, Як тяжко коло них грызутся старают. Часто мы родичов и занич не мали И погане слово будь-коли достали . . . Тепер мы во світі парудесят літ, Зме ся постаріли и познали світ, Уж час бы был нам ся опамятати, За себе — родину, дружно постояти, Ци с твердыма знаками, ци мягкыма, Бо пропадат наш язык и наша родина! Мы в тверды знакы дотепер вірили, За свой язык и родину мы цілком забыли... На байкы, сварні и биткы, то мы герои, А народне діло все на місци стоит! Я думам, же так дале уж не може быти, Або треба умерти, або нам ожыти!

Осиф Болдыш.

Ой Вершы, Вершы!

Ой, вершы, вершы! Вы мои вершы,
Пишу то я вас для лемков всіх;
Часом заплачу, коли вас тягну,
А часом беру — правду й сміх!
Ци кто вас любить, того я не знам,
Але я пишу и буду так,
Може кто коли по моєй смерти
Спомне: Фльоринчан, то был нам брат!
Так, правда, брате, карпатороссе!
Коли бы сердце мое ты знал,
Ты бы увиділ щыроць и віру
До того люду, з котрого-м встал.
Ты бы увиділ и любов мою,
К тому народу, што я тыж сам,
Ты бы увиділ мой боль пекучий,
Коли очернит где лемка, хам!
Ты бы и почул от мене фразу: —
“Кто терпен-спасен,” то бздуря ест!
Тым “терпен-спасен” мой народ терпит
Голод, недолю, поругу, месть.
Смотри в Карпатах, што там дієся,
Як “терпен-спасен” з голоду мре,
А шляхта гоино гулят и жые
З нашой глупоты и смачно жре:
Посмотри Ліско, брате мой любый,
Як там проклята шляхта их бе,
Сколько то братов там замучено, —
Сваволі шляхты границ неє . . .
Ой, брате любый, думай розумом
И не поддайся покусам тым,
Што тобі чернят людей из чувством,
Котры борются для добра, з злым!
Організуйся в Лемковский Союз,
Товды геройско станеме враз
И с криком нашим мы докажеме,
Цілому світу, тот страшный час! . . .
Гей, ты Нью Йорку, славный городе!
Там Вас сотками лемков и ест,
Ноле Лемковский Клуб там завяжте,
Тым Вы зробите велику честь.
Филадельфію, ах, пробудися!
Там лемков сила велика тыж,
Маш ты ученых лемковских людей . . .
Почнийте діло господин Пыж!
Шамокин! там уж и самый лемко,
Ноле Вы братя за Лемко-Клуб!
Уж досыт наших сварней, за дурно,
Час ся еднати, бо ганьба, встыд!
Смотте, як німці, хоц віром ружны:
Католик, Кальвин, Лютер и так . . .
По народности они всьо — німці

А лемко деси якбы тот рак —
Здаєся иде, уж рушат вперед,
Аж приде “панок” и скричыт — “Гей!”
За нашу “неньку, чорт з Лемковином!”
И сут, што идут напротив ней!
Товды ты брате січеш сам себе
И притом у них сходиш на сміх,
Бо они знают, же ты, як лемко,
Идеш як пьяный по пути их! . . .
Час уж змінятся, а з ним и люде,
Лемкы зыйдутся до една враз;
Нашых ворогов проклятых катов,
Забере з землі лемковской, фрас! . . .
Ой, вершы, вершы! Вы мои вершы!
Ци ест де польза для лемков з вас?
Ци берут люде собі до сердца,
Ци може дармо я трачу час?!

Фльоринча

Лукавому Патриоту

Гей, патриото! Деж ты поділся?
Ты, што так бился за наш народ
И своим “пальцом” хотіл нас вскрыти
От всякой “скверни” и перешкод?
Ты, што дал бы ся за нас распяти,
Готов был душу гет, гет отдать,
Штобы лем місце было при . . . касі,
Тай гонорово на челі стать!
Деж ты поділся в тот важный момент,
Коли тя кличе лемковский люд,
Коли нам помоч конче потребна,
Коли нас топче шляхецкий бут?
О, патриото, деж ты поділся?
Чом ты не идеш со нами враз?
Ци ты тот “грайко,” што товды грає,
Коли достане добри до бас?
Смот-ле лукавый — робота у нас,
Штобы зъеднати лемковский люд,
Штобы отдати прислугу ему
И показати правдивый путь!
Ты скрылся пташку, долярохапе?
Ех, ты облудо, за Юдин грош!
Продал быс маму — але почекай,
То ти не заспит карпаторосс!
Он лучится, хоц и без тебе
В Лемковский Союз — ци видиш ты?
А видиш, видиш, бо ты не сліпый . . .
А доконали без тебе мы!
Видиш лукавый, “Лемка” уж маме,
Але заслуга не твоя в тым;
Не помог ты нам, а радше, шкодил —

), патриото, не буд так злым!
 (ай же ты спокой доброму ділу,
 к не поможеш, то и не свин,
 о лемко того ти не выбачит:
 айде, аж пустиш спол квартиры слин . . .

* * * * *

ы, дорогенькы, братя лемковскы!
 рошу выбачте, што кричу так,
 о то "говедо," шкодит нам в ділі;
 емковский Союз дал бы на гак!
 а мы не дайме! Стережме свого!
 ы в з'єдночню допнеме ціль
 докажеме, што мы зме народ,
 арпатороссы, лемковский стиль.
 риде нам пора крикнеме разом:
 олой шахраї, никчемный хлам!
 олой вы трутні, вы толстопузы,
 Іто кривду, горе робили нам!
 емковский Союз буде великий,
 него поступит лемковский квіт,
 о буде наша твердыня-гранит —
 н нам открые всім новый світ.

Фльоринчан.

Витайте Лемкы!

(Акростих).

итайте братя, лемкы коханы, —
 тава и спокой най буде з нами!
 шмесья собом, як добры люде,
 важно смотме вперед як буде . . .
 ру слов хочу ту надчеркнути,
 што важнійше, всім напомниму, —
 (ор?) — ні, дороги, ту инша справа,
 к само важна, як штотдня страва!
 т нас ту лемков сотні тысячов —
 (А може больше, як я зазначыл).
 Лемковский Сою не всі належат
 (Деж, кед в спік-изах без тямы лежат).
 ниво идут в поступі они—
 , лемкы, лемкы, Боже борони! . . .
 ме мы тепер Лемковский Союз
 ждый най вступит за волю свою!
 ганізуєся, буд разом з нами,
 (Най буде едност поміж лемками).
 айте Вы орлы Карпатской Руси,
 ложте вражду, котра нас дусит!
 как лемковский докаже світу
 што он страдал, горювал вікы.

Фльоринчан.

Карпатский Медвідь

Одного разу встрітил волк лишку
 И на приемность взял ей собі за товаришку:
 Разом собі гуляли в Карпатах по лісі,
 Аж смотрят, а там медвідь лежит на брісі!
 Волк ся облизал и слина му потекла,
 Та и хытра лишка тыж бы ся неодрекла,
 Бо прецяж обое завсе голодны,
 Пазураты, драпежны и крови жадны . . .
 И так обое стали розсуждати,
 Як бы сильного медведя на жер взяти:
 "Даме сой рады, гварит дурный волчыско.
 "Таж то не лев, а старый медведиско!
 "Я узброєный в клывакы, а и ты не слаба,
 "И штож нам може зробити медвежа лаба?
 "Ты хапний за перед, а я за хвист,
 "Розорвеме и част свою кажде собі зіст..."
 —Ид-же, не будь дурак, гварит лишка хы-
 И от дурного волка завсе мудрійша: [трійша
 —Не силом, а взяти го лекше на штуку
 —И так затуманити через нашу науку!
 —А як уж го добри отуманиме,
 —То и сам можеш знати, же го лекше задум-
 —И не буде нам под носом заважати [сиско!
 —А товды будеме в Карпатах панувати . . .
 А медвідь, хоц старый, мал добры уха
 И хоц спал, то вшытко добри выслуhal:
 "Таж я звірь славный на горы Карпаты,
 "Ктож то хоче мои кости обгрызати?"
 Тай хап в лабы желізны лишку и волчыска!
 Кости им стріщали и наверх вышли очыска:
 "Вы прокляты! Як вас морит голодом,
 "Глядайте сой поживы межы своим родом!
 "Вы ту? Ту мои лісы и горы Карпаты!
 "Я сой ту потрафлю и без вас панувати!"
 Така то штука быват не лем межы звірями,
 Але быват также межы цивилизованыма на-
 народами . . .

Залісян.

Коли Будут Лѣпши Часы?

Добры часы минули, спѣвають з Бардіова,
 Же ужъ и кравы нѣтъ, лемъ така ялова!
 Же ужъ ся минули и гадвабны шаты,
 А то вшытко наробил тот кризис проклятый.
 Пыхы и гоноры тыжъ ся забываютъ,
 Цижмы и топанкы гетъ ся выдерають!
 Ба, та ужъ керпцовъ нѣтъ зашто купити,
 Плаче лемко зъ Бардіова, што буде робити?
 Не спѣвайте, лемкы, смутно, весело спѣвайте,

З одной страны и з другой бѣду проганяйте!
Лем всѣм лемкам-руснакам треба въ згодѣ
жыти,

А бѣда проклята мусить насъ лишыти
Зъ одной страны и другой берме за науку,
Шмарме злости до фраса, подайме сой руку
И жыйме сой якъ братя, якъ една родина,
Жебы разъ люде знали за лемка-русина!
Не якъ знали до теперь, же насъ нѣтъ на свѣтѣ,
Ни въ Шаришской, ни Земплинской, ни въ
жадномъ повѣтѣ!

Якъ будеме разомъ ити, мы Вамъ поможеме,
Бо мы нато въ Америкѣ организуеме
Лемко-Союз, нашу силу, для насъ проводира,
Котрый насъ выведе з бѣды, погодит на вѣрах!
Але и Вамъ ужъ не треба долго, твердо спати,
А треба Вамъ народно ся организувати!
Иншого спасенія нема и не буде!

Лем на стары привычки най каждый забуде,
Бо насъ лемковъ не спасуть чудеса чудесны,
Ни надѣи, чеканя, зъ осени до весны,
Бо ужъ для насъ выбила остатня година
З одной страны и другой—для лемка-русина.

Осифъ Болдышъ.

Природа Лемковины

Стоял Дуб уже старый, высокий,
Стоял и бодро боролся в полі
З вітрами, бурьов, сам, одинокий,
Лишений власной судьбі и долі.
Был и он давно крѣпкий, могучий,
Гордый, могучий, якъ лев в пустому,
Стоял на стражы там неугнучо,
И силом своим служыл каждому . . .

Послужыл в спеку и в бурю тыж,
Коли сонечко жарко запекло,
Сідай под дуба, холодком дыш!
Под конарями сохраниял вшитых,
Котры хотіли ходити змерком,
Сіял жолуди знаній правдивых
По Лемковині с шумом и черком.

Насіня-жолудь принялось всюде,
Где його сіял Дуб росохатый
На його різбу смотріли люде,
Темны, учены, бідны, богаты . . .
Листок дубовый и жолудь його
Різбили всяди, то для украсы,
Науки знаня и лем длятого,
Жебы прозріли народны массы.

Стоит и днеска тот Дуб высокий,
Стоит и бодро борется в полі
З вітрами, бурьов, сам одинокий,
Лишений своей судьбі и долі.
И перестоял не одну бурю,
Што на всі страны его згынали
И здавалося, што уж по горю,
Бо лучы сонця хмару продрали . . .

Та сонце вышло хыбаль лем нато,
Штоб посмотрити, ци Дуб, якъ звон
Здоровый стоит, не похылился
И ци поборе гураган-гром? . . .
Захмарилося на ново небо
И загырміло докола: брррр — бом!
С лоскотом певным йому на згубу,
Вдарил до него гураган-гром!

Остался пняк и сильный корень . . .
Гураган с градом перелетіли,
А из-за хмары зас вышло сонце
И пняка Дуба зас освітило . . .
Дубовый пняк и крѣпкий корень,
Маючы вогкость и сонця жар,
На мокрой почві тортур, слез, стогнень
Уберат красу природы — чар . . .

Чаруе своим ростом незломным,
Манит до себе лісы дремучы
Поливат раны соком бездонным,
Штобы сильнійшы были от тучы . . .
А літорослей молодых жвавых,
На місце вбитой тым гураганом,
Десять вырастат одна при другой,
Бы разом в купці дойти до стану,

До стану того, в яком правдиво
Выглядал, якъ ма Дуб выглядати,
Иначе Дубом звать невозможно,
Дуб мусит силу пред бурьов мати!
И не бился лем сам, за свое "Я!"
Бо вколо него лісы дремучы
Неперезрими, рядами стоят,
Отпорны на всякы бури и тучы.

Стоят розлогы лісы дубовы,
Всякий гураган отперти готовы
Стоят незломно, борются в полі . . .
Але, в едности, здоровой волі!

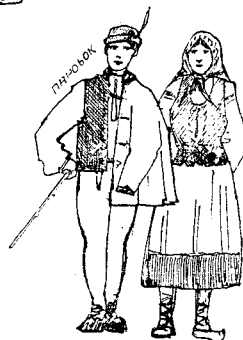
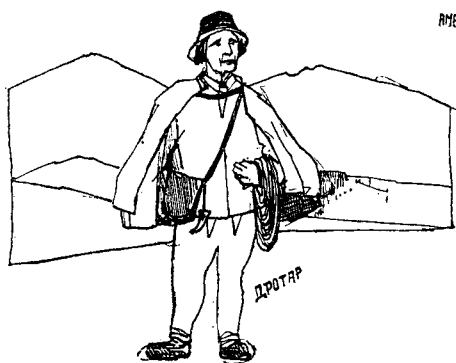
Сидор Кум,

Ванівка, пов. Кросно.

ВЕРТЕП В КАРПАТАХ

(На Лемковині)

Театральна Пьеса в 3-х Актах

Дієся в Карпатах на Лемковині, третя отслона в Вифлеємі.

ОСОБЫ:

Сліпый Дід и малый хлопец
 Бача и три югасы
 Дротар Павлик
 Амроз Ковач
 Старый Лемко и Стара Лемканя
 Два Паробци и дві Дівчата
 Три Цыгане и дві Цыганкы
 Жыд Мошко
 Триє цари: Лев, Роман и Данило
 Святый Йосиф и Марія
 Два Ангеле.

ОТСЛОНА I.

СЦЕНА 1.

Бача, Триє Югасы, потом Ангел.

(Сцена представлят вольну околицу — гористу. На середині сцены, ку переду стоит смерек. Коло смерека камені, на каменях горит ватра. Єден югас в глубині сцены стоит на варті. Два югасы співають, бача помагат. Потом югасы танцюют чардана, пак сідают коло ватры и бесідуют).

Спів 1.

Я до леса, я до леса,
Я до леса не пиду!
Древко рубац, древко рубац
Гей древко рубац не буду!
Древко бы мя, древко бы мя
Древко бы мя забило —
Штож бы мое, штож бы мое
Ей шварне дівча робило.
Горы наши, Горы наши
Нашы Горы Карпаты!
Никто не зна, никто не зна,
Кельо Вы в нас вартате!
Не даме Вас, не даме Вас
Горы наши Бескиды —
Бо Вас дати не казали
Нашы діды прадіды!

Чардаш

Ишол югас, ишол югас до леса,
Лем сой чугом лем сой чугом потреса!
Вшиткы дівкы вшиткы дівкы на него!
Же чуганя, же чуганя не его!

Як я пиду на Мадяр на Мадяр,
Кому ж я то перко дам, перко дам?
Кому-тому за дукат, за дукат,
А милому все лем так, все лем так!

(Два югасы танцуют чардаша, потом сідають коло ватры и бесідують):

Бача: (до третого югаса, на чатах):
Ей, ты там! Смо-ле добри на всі страны,
жебы даякий злодій не закрался до колибы
и уцу нам не вкрал!

3 югас: Но, но, лем ся не старайте, я
стою, уж мі студін — може бы другий при-
шол за ня постояти . . .

Бача: Лем ищы хвильку попильной, пиде
другий, а ты ся огріеш.

2 югас: Та певно пиду я — а гнет?

Бача: За даяких пят отченашов пидеш.

2 югас: То за тот час, бачи, дашто опо-
вічте за стародавны часы, як то вы ищы
югасом были. Барз рад слухам старых и-
сторий о наших Руснаках и о наших горах
Карпатах.

Бача: Правда, же давно то было иначы!
— Што то гнеска за часы? У небощыка
Гаврана бачы — было овец два тысячы! —

1 югас: Два тысячы?! — Дуже значыт!
Я лем до сто порахую, а до двіста не дам
рады . . .

Бача: Ай мы были ищы малы и тыж зме
не рахували. — Гавран Бача рахувал лем
до тысяча — потом зас наново зачал. —
Знам, же было білою волны дватцет штыри-
міхы полны — а и брындзі десят бочок —
полных было каждый рочок! — Было втоды
дост дукатов — а податку ник не платил!
— Дост зме мали цванцигеров — бо ник
грошы так не тратил! А лісы ту были такы
— што в ден люде заблудили — а в них
вшелякого звіря — як смітя або паздіря! —
А гнеска, ліс, моистевы, то интерес дохо-
довый — што крок то “тартак паровы” — або
и “парк народовы?” . . .

2 югас: А ци медведі были тыж в тых
лісах?

Бача: Та як бы ні? Было их дост!

1 югас: А забили сте даколи?

Бача: О, го, го! Ци єдного? Замордувал
єм зо штыри, не с фузии, лем сокыром!
— Мясо было и омаста и дугану дост зме
мали — бо жыди за скору дали! Што то
гнеска (махнул руком) — планны часы! Дав-
но сто раз ліпше было!

1 югас: А сут ищы гнес медведі?

Бача: Ту в нас нее, лем на всході — в
Чорногорских аж Карпатах — але то уж
в днешніх часах называють “резервашы” . . .
А не вольно го забити! — Бо як забеш, дай-
ме нато — то два рокы сід за кратом! —
Так мі гварил стражник финанц!

2 югас: А нашто то тоты финанцы бачи?
Каждый ден ту ходят!

Бача: Таке право тепер — што крок, то
шандар або финанц, а и злодів ся намно-
жыло незмірні. Давно в горах были лем
бачы и югасы — а часом пришли зо села
люде по брындзю — або як дакто хорый
был, то до бачы по пораду. Вшиткы бачы
были докторе — зільом лічыли. (До 2-го
югаса): Але ид злюзувати тамтого — най-
приде кус огрітися, а ты смот добри, жебы
злодій або волк не закрался до кошары.

(2-гий югас бере палицу и иде на місце
третого, тот вертат до ватры).

3 югас: Але-м ся настоял бачи! Прецз
сте ся догадали, же треба мя было зволь-
нити.

Бача: Та лем ся не гнівай! Шытко треба вытримати! Не тот хлоп, што бе — лем тот, што вытримат! Под-же, под, огрійся! Што-с там виділ цікавого?

3 югас: Нич не видно — Барз темна ноч!

Бача: Но то добри! жебы лем злодіе не закралися до кошар!

3 югас: Вам лем все злодіе в голові! Де-бы ту злорій ишол тепер? Ліпше оповідай-те дашто . . .

Бача: Ажек давно было иначе. — Люди не было так дуже, як неска. Як кому было зле, то ишол даде хліба глядати, границ так не пильнували, пашпорту не тра было, ани на Угры, ани до Бассарабы. Кто мал охоту робити, достал роботу и грошы сой заробил — а як был порядный хлоп, то зашпарувал.

3 югас: Ей, бачи, деси горит! (видно червене світло — Бача и два югасы зрываються и смотрят).

Бача: Де? — Може ти ся лем дашто звиділо?

3 югас: Ніт бачи, напевно горит! Червене небо на всході!

2 югас: Вера, смотте як там ясно (показуе).

(Входит ангел з ліва — всі падают на землю).

Ангел: Мир вам! Не бойтеся, добры люде. Благовіст вам приношу. В Вифлеємі, на сіні в стаєнці, народился Мессия, Сын Божий и Спаситель світа. — Идте там и увидите. (Зникат. Бача и югасы встают).

Бача: Виділ ем выразно ангела!

Югасы (разом): И мы виділи!

Бача: И чули сте, што повідал?

Югасы (разом): Чули зме!

1 югас: Повідал, же народился Мессия. —

2 югас: Так, же то в Вифлеємі . . .

Бача: Но так идте югасы до кошар — возте даякы дарункы для новорожденного — позамыкайте вшытко и пидеме поклонитися Мессии. —

(Всі разом заспіваяют).

Народился Исус Христос в Вифлеємі, Ознаймил то Ангел Божий по всей Вселен-Прото радуйтесь, купно весельтесь! [ной: Христос родился.

Заслона спадат.

ОТСЛОНА II.

СЦЕНА 2.

Дід и Хлопец.

(Вид тот самый. Входят з лівой стороны. — хлопец провадит діда за руку).

Хлопец: Ноле, скоро подте діду!

Дід: (поволи). Тит не шарпай, преця иду — я не годен скоро ити! — Ци не видиш стары кости? — Я тыж давно — як ты гопкал! давно, давно в молодости . . . А ту такий край гористый. — Ци ту не мож даде сісти? —

Хлопец: О, там смерек є високий! Ищы подте пару кроков, то сядете и спочнете.

Дід: О, то добри — треба сісти! — А ты, певно уж голоден?

Хлопец: Ледво же дыхати годен!

Дід: А бодай сте люде скысли! — Вам лем завсе хліб на мысли!(дає хліба хлопцу).

Хлопец (бере хліб и кривится): Ой, діду-сю, тяжкы часы! А не мате кус кобасы?

Дід: Ид бортаку, не роб шпасу! Де дзяд коли мал кобасу? Преця кризис тепер всяди и на світі самы дзяди! Лем іч братку, попий воды. — Будеш рос — ищы єс молодый. — И будеш здрав яко рыба! Не буде ти кривды хыба.

(Бере кромку хліба и крестится — хлопец іст):

Во имя отца и сына . . .

Хлопец: Тот хліб твердый, як дубина. —

Дід: И святого духа . . .

Хлопец: Смак подобный до макуха. —

Дід: (іст и цямкат): Твердый, правда — нее рады — але добрый для нас дзядов!

Хлопец: То нам дали на клібані.

Дід: Добра наша імосьць — пані.

Хлопец: Добра, добра, любит дзядов. —

Дід (цямкат): Ты не хцеш такого хліба, ты бы-с воліл чекуляды? Так, не буде добри хыба! — Тот хліб дают и челяди — што зостане, то для пацят — а решту до-стают дзяды . . .

Хлопец: Добра наша імосьць — пані. И хлібови нее ганы. — Але я не годен істи. Най спробуют істи паны (показує хліб до горы).

Дід: Я зас годен хоц ем старый, сліпый, глухий и щербатый . . . Ты маш преця волчы зубы, не выхидит нарікати! **(До хлопця):** Воз-ле горня — принес воды — то попеме — а потом сой шумні . . .

Хлопец: Заколядуеме! (Иде по воду).

Дід (іст и мляскат): Но, так, заколядуеме. —

Хлопец (несе воду): Добра вода и студена.

Дід (бере и не): О, студена — як припустме стара жена. —

Хлопец: Зимна вода — зубы ламае.

Дід: Добра вода, але ищы ліпшу маме в Крыниці и в Жегестові, а найліпшу в Бардіові.

Хлопец: В Бардіові. — А де ест таке село?

Дід: То не село — то ест місто — там на нашой Лемковині — што ся зове Закарпатя. — Там сут такы, як мы лемкы — нашы родны братя. — Там сут рускы села, міста, Бардіов и Пряшев. В давных часах тоты міста оба были **нашы**. — Лем послухай: **В Бардіові — старом місті — квасна вода плыне. — И як долго лем поплыне — русский люд не згыне..** В Бардіові неска сидят жыди и мадьяре. — Забрали нам наше місто, най их Панбог скаре! —

Хлопец: А кельо вы мате літ, діду?

Дід: Не знам, хлопче, бо мі вышло давно из памяти. — Але мыслю, же мі буде осемдесят пятый (думат) так, так, буде осемдесят пят. Уж ем планний — уж ем старый.

Хлопец . . . (голосно): Дзяд!

Дід: Так, добри ес згад!

Хлопец: Але, діду! Уж мало часу маме. Дорога далека. Нее чого ту чекати . . .

Дід: Я мам дост часу двадцет штыри годин на добу.

Хлопец: Но, то хоц дармо не сідме, лем дашто заспівайме — може люде дашто дадут, бо то при дорозі.

Дід: Заспіваме, заспіваме — але ты помагай з я сой басом кус помручу, ты тоньше потягай. —

Хлопец: Добри, діду, лем зачнийте дзядовску!

Дід (зачынат — хлопец помагат):

Спів 3.

Вшыткы дзяды з Зарваниці,
Мают торбы и палиці —

И ходят сой тади-сяди
Без пашпорту — бо сут дзяди!

Хоц их в зимі бе бідуса,
Зато в літі — гуся — сюся!
На отпусті в Кальварии
Вшыткы дзяды кус отжыют!

Не ореме, не сіеме,
Але якоси жьеме
И ходиме — тади-сяди —
Люде дадут — бо зме дзяди. —

(За сценом чути голос: “Гарчкы друтовац”).

СЦЕНА 3.

Дротар и попередны. —

(**Входит дротар и Павлик.**)

Дротар: Гарчкы друтовац!

Дід: Ого, Павлик иде!

Хлопец: Правду гварите — Павлик дротар иде.

Дротар: По голосі-сте мя познали діду? Дротарский мам голос. Правда? Але инший дротар ту не пиде — бо я ту мам монополь! Коли бы ся даколи з’явил, дораз го арештую, бо я плачу податок промысловый. — Добрый ден діду!

Дід: Добре здравя — Павлик. — Уж ем тя не виділ русский місяц. Де ся тыраш? Як ти ся поводит?

Дротар: Гм! Як бы вам ту повісти? Жебы не было зле, то бы добри было — а жебы добри было, то бы не было зле! А до вшыткого мусит ся человек привычаити!

Дід: А роботу маш? Дротуеш?

Дротар: Е! Дротувати мало дротую, бо глиняных горців нее неска, лем з бляхы або з алюміны — але дрот ношу зо собом, прецям дротар. Але сой раду даю — завсе спрытний человек выжые медже глупаками. Кус бабам ворожу, кус дехтьом быдлыта лічу — и так все дашто зароблю, бо треба заробити на жену и шестеро діти.

Дід: Е, то твердый з тебе Руснак, коли сой в біді радиш.

Дротар: Правда, же твердый, як и мой няньо. — Як біда, то співам — а як добри, то тыж не плачу — ай тепер вам заспівам дротарску співанку.

Слів 4.

(На нуту "Ходит дротар по улици").

І сем дротар зо Шляхтовы
Як мой няньо и мой брат —
Зсі роботы знам дротовы
І на руці ношу драт!

Лем дайте горчкы дротувати.

Преця на то ношу драт!

Без стараня, без клопоту

Вшытко буде акурат!

Мало буде коштувати,

Тем вернете мі за драт

І вечерю даку дате

І на дуган центов пят. —

А як млада ест газдыня,

То дротую ей барз рад —

Бо заллатит за начыня,

За роботу и за драт!

Дайте гарчкы друтовац! —

(За сценом чути эхо "друтовац!")

Дротар (слухат): Ого! што за фрас? Ту
е слободно другому дротарьови ходити. —
Юсмотрим, кто то такий!

СЦЕНА 4.

(Входит Амроз и кричит: "друтовац!")

Амроз: Друтовац! (Видит дзядя и дро-
аря). О! сами дзяды и дротаре! Як ищы
ся прилучу, то буде добрана компания!

Дротар: Як рада громадска в Репеді. —
Юткале идеш Амроз?

Амроз: Иду з Бортного до Бодаков! —

Дротар: То не тади дорога! А чом ты
у фрас несеш? —

Амроз: А за тобом мя принюс и казал
и дати с пят палиц (грозит палицом).

Дротар: Аж пят? Та ты лем сам едну
аш! — Чуеш, Амроз! Што нового чути
Бортном?

Амроз: А тото само, што и в Бодаках! —

Дротар: Но, а в Бодаках што чути?

Амроз: А тото само, што в Бортном.

Дротар: Ей, Амроз, але ты философ! где
и гимназию кончил?

Амроз: Философы родятся з розумом —
имназии лем для таких бортаков, як ты!

Дротар: Значыт, я в тебе дурак?

Амроз: Дураков не сіют — сами ся родят.

Дротар: Ты сам дурак. — Але най буде
по твому. —

Амроз: Но, то почкаме, аж ся нас веще
дурнів зыйде — то сой вийта выбереме.

(За сценом чути музыку далеко).

Амроз: Деси грают — чуеш? —

Дротар: То певно тобі, чул-ем, же ся бу-
деш женил с козом.

Амроз: Тебе бы ани коза не хтіла.

Дід: Мали бы сте розум — шкода, же
мате тельо літ — а плетете як діти!

Амроз: О! и дзяды мают неска голос! —
Конституция — планно! (Музыку чути го-
лоснійше).

Дротар: Там грают (показуе), а мі кышкы
марша грают!

Амроз: О! З твоих кышок будут даколи
струны до бас!

Дротар: З моих можут быти — а твои лем
на двир вышмарити, ани ся вороны не хва-
тят.

Амроз: Ты цілый з твоим торбом и
палицом вороны не варташ!

Дротар: Але мой дрот — вартат тритцет
грошы — хоч сой хліба куплю, а ты што —?

Амроз: Шкода дроту — як ти ся істи барз
хоче, то ти пристарам дротарского гуляшчу!

Дротар: Вера! Лем постарай! А як то ты
тот гуляш зробиш?

Амроз: О! то каждый може зробити, на-
вет и такий дротар, як ты!

Дротар: Но — то бесідуй, бо-м голоден!

Амроз: Аджек так: Треба заварити воды
в горнятю, до воды шмарити пару грульок
— а зо три бандуркы, зо штыры компери,
зо дві бульбы, зо три земякы, ай з фунт
картофель, тото вшытко посолити и гуляш
готовый!

Дротар: Ты фрасе! — Сам іч такий гу-
ляш!

(За сценом чути музыку выразно).

СЦЕНА 5.

Три Цыгане и Дві Цыганкы.

Амроз: Ого! музыка! будеме танцувати!

Дротар: О — што там танец?! Машерувати будеме!

Дід: О — так, лекше буде ити. Ех!(стогне).

(Цыгане входять — стають на середині сцени и грають чардыша. Амроз и дротар танцують — каждый особно и смішно, але до такту. — Цыгане переграють и перестанут).

Цыган Янко: Е, баратом, не будеме гра-ти, коли никто не платит. Шкода смыка. —

Цыган Сидор: Гін тут цыгарос, море Янку?

Цыган Янко: Нане ніць. Ме камел пес менкел — техал! Немам нич, лем мам глад!

Цыган Йошка: Я мам папірці и шваблыкы, лем марной річы мі бракуе. —

Цыган Сидор: Певно дугану?

Йошка: Є! дугану!

Янко: Та лем чекайте кус — нашы цыган-кы гнет надыйдут, то штоси лем принесут! Може и дугану, а може и кобасы . . .

Дротар: Ноле, заграйте ищы даку, то я вам дам закурити по едным цыгарю.

Янко: Та лем дай, як маш!

Дротар (дає цыгары): Мате ту лем за-грайте — (цыгане грають вальса). **Входять цыганкы, Марця и Ева, несут бундзыкы зо собом).**

Амроз: Ого! цыганкы идут — хоц буде с кым погуляти!

Цыганка Марця: Хыбаль ты Амроз зда-лый до танцю?

Амроз: Як бы ні? Я давно то на балях з панюсями танцувал чардашы, кадрилі, потрясаны. (Иде ку цыганці и хоче ей брати до танцу).

Марця (боронится): Ид-же, ид, Амроз с таким варияком не хочу танцувати!

Амроз: О! што мі за пані цыганка!

Цыганка Ева: Ход Амроз, воз мене, я пиду з тобом, лем мя мусиш поцілувати.

Амроз: Чом бы ні? Хоц мі ся не пода-баш, але зажмурю очы и поцілую — вера Боже!

Дід: Но, смотте-ле, який Амроз, а бесі-дуют, же глупый . . .

Дротар: Но, цыгане, достали сте цыгары, а не grate — нохамаль!

(Цыгане грають — цыганкы співають, дро-тар и Амроз танцують с цыганками. Раз пе-ретанцують, а потом переспівають всі).

Спів 5.

Мы цыгане, нич не маме,
Лем гушелькы сререковы
И все граме (2)

О млинку, млинку, на столі бринку
Кай ту дилия, кай ля иля
До марцинку (2)

Деманця ловы, деманця пане,
А ме башел гекедуа
До заране. (2)

Деманця ловы, дуї, биш гедеш
А ме башел гекедуа
Цілый кермеш. (2)

(На нуту: "Я сем циган, я нич не мам, та лем тоту цыганочку, што ю ту мам).

Дротар: Но, шумні співате, як з нут!

Цыганка Марця: Та ходте цыгане дашто перекусите. Принесли зме кус солонины и хліба! (Цыгане идут на право).

Цыганка Ева: Але знаш, Амроз, добри танцувати!

Амроз: А правда, же знам! — Хоц танец не робота, а як не зна, то сромота.

Дротар: Ани на своим весілю так ем ся не вытанцувал. (Цыганкы идут на право сідають разом з цыганамы, розвязують бундзыкы и ідят!)

СЦЕНА 6.

Входит старый лемко и лемканя.

Старый Лемко (входит зліва): Што ту весіля, што грають? Вижу, Амроз ту и Пав-лик ту, а деж музыканты?

Дротар: О, там посідали и ідят!

Амроз: Они бы грали, лем им ніт кто платити! Ноле, газдо, вы мате дуже пинязи, шмарте дашто до бас!

Старый Лемко: Амроз! же то тя аж ту принесло?!

Амроз: Я все там ся знайду, де ся мя ник не сподіе! Але што вы ту глядате, а то не сам, лем з гасдыньом?

Старый Лемко: А выбрал ем ся на гости-

ну до кума — кус зме ся змордували, бо далеко, та хочеме кус отпочати под смереком.

Дід: Та подте гев, я ся уж дост насиділ — пиду дальше, а вы сой сядте.

Газдыня: Сідте, сідте діду — мы ту якости сой поради́ме! (до мужа). Ноле старый, принес камин, або што!

Хлопец: Чекайте, газдо, я уж мам такой кльоцок, дораз принесу (Иде за сцену и приносит кльоцок, газда сідат).

Старый Лемко: Шумный хлопец! Маш ту зато (дае му грош). Ай вы, діду, на́те — возте — выгварте “Отченаш” за душами. (Дае дідови. До хлопця): чый же ты, сыну?

Хлопец: Я сирота, не мам ани мамы, ани няня. — Докля старый дідо ходит, то и я з ним, а як умрут, то не знам, што буде зо мною.

Амроз: Нич ся не старай хлопче, зо мною будеш дальше, я тя возму и будеме ходити. Я тыж сирота — не мам нич, але ти половину запишу!

Лемканя: Не бойся хлопче, видно, же-с цікавий, я тя возму до себе, будеш мі гуси пас!

Хлопец: А кто з дідом зостане — сами не годни ходити, бо нич не видят!

Дід: Но, но — хлопче, кед тя возмут, то ид! Я ищы мам родину — пиду вмерти до своих. Лем буд добрый и слухай старших. (Старый Лемко и Лемканя бесідуют по тых з дідом. Амроз зас з дротаром).

СЦЕНА 7.

Паробци и Дівчата.

(Входят на сцену с лівой стороны. Идут тарами, тримаються за руки и співають. Цыгане встают и грают мелодию “Пришол бы и до вас.” Амроз, дротар и цыганкы співають разом с паробками).

Спів.

Пришол бы я до вас каждый вечер,
Кебы сте мі дали, што бы я хцел:
Тото дівча шварне, што ма очка чарне,
То бы я хцел!

Пришол бы я до вас каждый вечер,
Пред вашыми дверми велька мочар:

Прелож мила дручкы, преїдем пома-
Каждый вечер. [лючкы
Зродилися теркы за горами,
Пидеме мы на них з кошкыками:
Будеме таргати, будеме ламати

З конарями.

Чом вы ся паробци не жените

Иде вас на войну два тисіце,

Будете плакати, мы будем скакати

При музыце.

Амроз

Ей, паробци и дівчата!

Ци то гнеска даяке свято,

Же собі лем так ходите —

И дома нич не робите?

1 паробок: Амроз! Мы зме безработны!

паробок: Кризис, нее роботы!

Амроз: А чом не товчете каміня на дорозі.

1 дівча: А ты будеш платити Амроз?

2 дівча: А може нам істи даш?

Амроз: Но, што то, то ні! (до себе в сторону). Сякисть, адем вліз в полетыку — (до всіх): Е, што будеме о кризисі бесідувати, най го фрас поразит! Ліпше повім казаня! Добри?

Всі: Добри, добри! —

(Амроз стае на камени и знимат калап з головы, дае тримати книгу и калап дротарови).

Амроз: Ца, сына и святого духа амин! — Мои парафіяне, православны християне! — В святом писмі стоит, най ся жена мужа боит! істи варит, діти родит, а веце ей не обходит! А де дака политька, там най носа уж не втыкат. — Так ма быти, не иначе — ако реку вам найпаче! А сут бабы, як чорты рогаты — такы треба спацифікувати — Вшиткы кокоткы, штаеркы, што хлопов в Америці мают — а сами в старом краю — гуляют — за другыма уганяют — ищы глядают сой пары — хоц декотры добри стары. А хлопци робят як сомары — дусятся в майнах штильворках и присылают дуляры! —

И вам дівчата тыж повім, же мате планно в голові, же вам бракуе криковці. — Мешты вам треба, сніговці! Лем сте суцы до коханя — до строів, до танцуваня (грози́т палицом). Іштен азаня! — (Говорит сразу помалы, а потом штотраз скорше) лякеркы — футер-

кы, клямеркы, пудеркы, подпинкы — болеркы, плеты; береты, шаликы, кораликы — вышыванкы, шкрабанкы — трррр!

Ей дівчата (**грозит**), земля свята не буде вас носити, як так будете жыти. — А вы паробци, фраіры вы тыж не мате міры — ани в жытю, ани в питю. — Грошы тратите не шпаруете (**грозит**). Зле з того буде! Теремтете! Гетры-Светры, скоряны рукавичкы, бамбусовы паличкы, пудры, помады — обердзяды!

Ей, хлопці — я вас добри знам, бо я был такий сам — за дівчатми фик, мик, по под окна ту и там! — Помалы паничку свенты! бракне вам темпераменту — на старость будете кости гріти, заміст дівчатми ся бавити! Каждый в гамбі зубы золоты, а на ногах скірні-шкоты. На голові помада, а в голові мармуляда!

Страх, публика, што ся діе — в каждом селі сун злодіе! — Што лем можуть вшытко крадут! — За крадены річы пют, а як напют, то ся бют! — Бют ся медже собом сами. — Бют ся руснакы з руснаками. Не мают силы де подіти, за глупство бют ся, як малы діти. — Уж не далекий час — біда буде бити вас — як фрас! Памятайте на страшный суд! Там чорты на вас ждуть. — Бо як ангеле будут трубити, то всі будете тремтіти — зо страху и трепету, віков — а мин! —

(**Амроз** сходит з каменя, бере калап и книгу от дротара).

Дід: Правду Амроз гварит, так тепер на світі ест!

СЦЕНА 8.

Тоты самы и **Жыд**.

(**Жыд** с кошом на руці, входит):

Жыд: Добрый вечер панове!

Дротар: А ты ту зачым?

Жыд: Ну, чую гармидер и думам, же ту ярмак! — Я мам товар (**показуе на кошкы**) и хочу дашто торгувати.

Дротар: Но, а што маш за товар?!

Жыд: Вшытко мам: Патычкы запальничкы, швабликы, сірничкы, шпийкы — гом-

бичкы, зеркала, прозерала, скарпеткы, тыбеткы — вшытко мам . . .

1 Дівча: А перфуны маш?

Жыд: Што значыт — маш? То ся зна, же мам и перфуны мам! (**Показуе фляшечку**) — правдивы французскы, з Варшавы (до дівчате) попахай. — (**Сам цмокат. Обі дівчата пахають.**)

2 Дівча: Е, следзьом смердят — тыж перфуны — Фе!

Жыд: Ну, то лем фляшечка, бо коло следзя лежала!

Дротар: Мі то ліпше пахне следзь, як перфуны.

Амроз: Правда, де дротарови перфуны пахати. До перфуны, то треба мати кус инакший нос . . .

Дротар: Такий, як ты маш Амроз! Але слухай, Мошку, лем дай следзя, бо так мі пахне — але знаш, грошы не мам, то скредытуеш?

Жыд: Кредытую лем ретельным людем, бодай кому ніт!

Дротар (ставят ся до жыда): А я што, можем не ретельный? Жебы-с ты такий был, як я!

Жыд: Но, пан Павлик, што ся гнівате — уж дам, лем не треба зараз гвалт робити! (**Дае сеledця дротарови — дротар пахат, а потом ховат до торбы.**)

Дротар (до себе): Зробю сой мясниці, але аж цыгане отталь пидут, бо бы мі помогли зісти.

Цыган Янко: А цыгары маш, Мошку? Дале пят драмов, але на борг!

Жыд: Планний гандель неска за готовку нич, вшытко на кредит. Што за итерес? —

Цыган Сидор (остро): Но, даш драмы, ци ніт?!

Жыд: Ну, чом бы м не дал, я мам на продай! Лем коли заплатиш?

Цыган Янко: Я заплачу, лем на раты.

Жыд: Сигит — най будут на раты! Але коли будут тоты раты?

Янко: Перша рата в зимі.

Жыд: А друга?

Цыган Янко: Друга — в літі.

Жыд: А третя? . . .

Цыган Янко: Третя аж на тамтом світі!

Жыд: Ну, шляк зол дих трэффен с таким итересом.

Цыган Сидор: Но, Мошку и я хочу закурити!

Жид: Тыж — на раты?

Цыган Сидор: Е, а откаль грошы взяти — кризис!

Жид: Кризис? (Дае му цыгары). На маш, коли будеш раты платити?

Цыган Сидор: Перша рата, як буду мати.

Жид: А друга?

Цыган Сидор: Друга, як мя буде стати...

Жид: А третя?

Цыган Сидор: А Бог знае святы!

Жид: Ну, гандель с цыганами. На такы раты шкода было товар дати. Всьо пропало!

Цыган Йошка: Ищы не пропало, але до-раз з дымом пиде. (Цыгане всі курят).

Дротар (до цыганов): Та дайте и мі едно-го!

Цыган Янко: Чом бы ні, лем мі дай кус ледзя.

Дротар (вынимат следзя и дае цыганови попахати). Маш, попахай, лем не кусай! Ховат).

Цыган Йошка (пушат дым под нос дротарови): И ты попахай дыму — добры драгы! (Дротар кыхат).

Дротар (ищы раз кыхат): Але то дуган, ни бы пес того не курил, хыбаль цыган!

Жид: Паскудны люде тоты цыгане!

Цыган Янко: Волю зато цыганом, як жы-ом быти!

Амроз: Оба фраса вартате. — Єден пол лотого, а другий пядесят грошы.

Жид: Ты, Амроз мішиген!

Дротар: Амроз мудрійший, як ты, бо ни-ого не ошукат, а каждому правду повіст!

СЦЕНА 9.

Попередны и Югас.

Югас (входит на сцену, с правой стороны. Оген штучный червень).

1 югас: Ей люде! на всході горит, небо ервене, ясна звезда світит, ангел божий іст обявил! (Вшиткы окружают югаса здивуваны), же в Вифлеэмі — стаенці наро-ился Мессия, Сын Божий, Спаситель світа. аш бача и югасы уж пошли до Вифлеему. ем мі казали кошар пильнувати, жебы нам годіе овец не поктали.

Старый Лемко: Но, як так, то и нам треба ги, поклон зложыти Мессии.

Дротар: А знате кади ся иде до того Вифлеэму?

Старый Лемко: Но, не знам акурат. Але Амроз по світу ходит, то напевно дорогу зна!

Амроз: О ищы як! Был уж ем нераз, ай печатку мам от тамтейшого постерунку (показуе книгу).

Старый Лемко: Но, то добри! Провад нас всіх!

Амроз: О, я не буду провадити!

Дротар: А то чом?

Амроз: Преця видите, же не мам добри в голові, одной криковці мі бракуе. На коменданта ем не суций — не пасуе — На такий уряд треба старшого, мудрійшого и ретельного газду, жебы малъ повагу и послух в люди — Амроз може даке глупство зробити, а то преця не выходит в таку хвилю. Я голосую на вас, газдо! Кто за мною, рука до горы!

Всі (подносят руки): На газду вшиткы!

Старый Лемко: Дякую за честь! и прий-мую. Але тепер мусят вшиткы слухати, што розкажу и впорядку ся заховати, жебы мы руснакам встыду не зробили (комендеруе). Ставайте в порядку, в ряды. (Стают в ряды по штыри).

Жид: Ну, пан комендант, а я што мам робити? —

Старый Лемко: Можеш ити з нами, як хочеш, але на самым остатку.

Жид: Си-гит, може в Вифлеэмі дашто вторгую.

Старый Лемко: А тепер цыгане грайте марша!

Цыгане грают: Во Вифлеэмі ныні новина, пречыста Діва породила Сына. В яслах сповитый помеж быдляти — там спочывае Бог необнятый. (Отходят).

Дід: О нас, хлопче, забыли. Пидеме сами помалы! Дзяды все остатні.

ЗАСЛОНА СПАДАТ.

ОТСЛОНА III.

СЦЕНА 10.

(В Вифлеэмі в стаенці Матер Божа, св. Іосиф, два ангеле и всі попередны).

Декорация тота сама, лем смерека на середині неє.

На середині ясла: Матер Божа клячт при яслах. Дітятко лежыт на сінї. Св. Іосиф стоит справа, опертый на палиці. Бача и югасы клячат перед яслом, с правой стороны. Старый Лемко и Лемканя клячат с лівой стороны, за ними дівчата и паробци. Дальше дротар и Амроз. Дід и хлопец за пастырями, клячат и молятся. Жыд стоит за ними. Цыгане стоят з боку на ліво, а цыганки клячат за паробками.

Бача: Боже Дітятко — Мессіо Святый,
Пришли мы Тобі поклон отдати!
И приносиме ти подарунки,
На якы бідных пастухов стати.
Бараню скору ти офірую,
Жебы Ти было тепло лежати (дає).

2 югас: А я несу заголовок з заячого пуху.

3 югас: Я зас покрывало з білой волны.

Старый Лемко: Я, на першы выдатки даю нову десятку!

Лемканя: Я дам льняну загортку на пеленки.

1 паробок: Я керпчыкы с червеной скоры.

1 дівчына: А я нову тыбетку.

Цыган Янко: Мы цыгане, нич не маме, хыбаль як позволиш, то заграме.

Жыд: Я мам на продай чачка, свіставкы, тыржавкы, што маленке дітятко схоче, то може выбрати.—(Цыгане грают: “Бог предвѣчный.” Всі співають).

Лемковскы Приповідкы

1. Не глядай правды у другого — як ей сам не маш.

2. Слово, як пташок — вылетит, не зімаш.

3. Легко воду сколомутити — але долго треба ждати, покаль ся счыстит.

4. Єден грїх — цілу душу спаскудит.

5. Не плюй выше носа — бо себе оплюєш!

6. Перед Богом богатство великий грїх — бідность пред людьми.

7. Молься, надійся — але роб и ближе берега тримайся.

8. Муж голова — а жена душа.

9. Муж и жена, то вода и мука — змішати даст, а розмішати — пропало!

10. З добром женом біда наполовину — а радость дубельтова.

Як скончат співати, всі, што были на лівой стороні, идут на право и стоят всі с правой стороны тоже встают. Стоячо співають “Вселенная веселися”).

СЦЕНА 11.

Триє цари, князь Лев, князь Роман и король Данило Галицкий.

(По словах коляды: “Царие, царие приходят,” входят три цари и клякают перед яслами).

Король Данило: Мы, князі рускы, з Галицкой Руси! Поклон складаме Богу Дитяти.

Князь Роман: Злато, кадило и миро в дары. Несеме Тобі Господи Святый!

Князь Лев: И всі просиме и всі віриме, же не отмовиш нам благодати!

(Цари встают, цыгане грают нуту: “Ой не дивуйтесь добрии люде”).

Спів.

Глянь Боже оком на Лемковину,
Помож Русскому Народу,
Просиме вшыткы о Божий Сыну,
О вічный мир и свободу!

ЗАСЛОНА СПАДАТ.

КОНЕЦ.

11. Зла жена зведе мужа з розума.

12. Як гус без воды — так хлоп без жены.

13. Дітям треба дати — але и собі на дорогу треба кус лишыти.

14. Вдовец дітям не отец — бо сам сирота.

15. Приймеш зятя в дом — сам заберайся вон!

16. Дитя, хоц и криве — а все отцу и матери миле.

17. Жена не гуслі — як пограш, то на стїну не завісиш.

18. Не каждую правду — повідаме жені.

19. Як ти двоє повіст, жес пьяный — кладся до постели и спий.

20. Голова без розуму — як літарня без світла.

Талергоф

ПАМ'ЯТИ

МУЧЕНИКОВЪ

ТАЛЕРГОФА

РУСЕНКО
1932

ТАЛЕРГОФ — то была втоды пуста поляна, ровнина, среди гор Альп, в Штаермарку, в Австрійско-німецькой ровинци. Коли пришли в воєнне ужыты еропланы, то на той долині австриякы угроили собі базу для воздушного флота. Ли сегодня тота поляна заселена, змилитариувана ліпше, не знати. Дост, што в одном уті той поляны лежат кости наших крайнов, од т. з. "соснами."

Где они там взялися тоты кости наших райанов? Так с початком войны арестували іпшых, мудрїйшых людей в Галичынї, котры мали смїлость признаватися до русской народности. Спочатку брали по большой асти интеллигенцію и передовых селян, диниці, котры розумїли причину, зашто их зрут. Потом брали за порядком каждого, а кого донюс корчмар, даякий українец, бо попросту сусїд, котрому был невыгодный другий сусїд. Брали тысячы людей, котры совсім не знали причины, зашто их зрут.

Найбольше потерпіли лемкы, бо лемкы признавали себе всі до русской народности. > из одной страны страшно бісило украин-

ців, котры были розметаны по наших селах, яко попы и учителї и мстили лемкам доносами. Из другой страны, мы сами собі мстили, яко темный народ, без організації, без народного сознания, без народного встыда и солидарности. Мстила нам наша темнота и наше душевне рабство. Сусїд радовался, коли его сусїда брали в тюрму. Ищы една причина была:

Коли австрійска армия была в Галичынї русскими розбита, австрійска команда старалася усправедливити себе чым-нибудь и старалася звалити всю вину на галицко-русские населене, котре будыто-бы зрадило Австрию и помагало русским войскам. Много тогда німцы и мадыаре повїшали и рострыляли нашего народа, тысячы загнали в лагеры-тюрмы.

Нїмецький национализм-милитаризм — знанный был все из своей дикости, звірства, найліпше видиме по поступках нїмецьких фашистов тепер, о котрых пишут газеты. О нас не писали товды, бо о нас не знали, а хочбы и знали, то не интересовалися нами, бо зме не были організованы. И тепер, як видиме, нами свїт не интересуеся, мимо того, што з нами нич ліпше не обходяться, як в часї войны. Виновата тому наша неорганизованность и недбалость о себе. Як можут другы интересоватися нами, заступатися за нас, коли мы сами не интересуемєся собом и сами за себе не заступимєся, не постоимє за себе? В том недбальствї за свой народ, в нашем рабствї, крыються Талергофы для нас.

И коли мы ставляме кресты, обходимє памятку того Талергофа, то нич не поможе, нас ждуть новы Талергофы, як лем будеме старє вспомянати, стары памятки обходити, а не будеме смотрїти пред себе, думати и приготавливатися, через организацию, до обороны пред новыма Талергофами. Тот старый Талергоф мы николи не должны забыти, але лем, яко добру школу, яко примір, же што жде наш народ при дальшом недбальствї о себе.

Лемко-Союз учит нас, як треба обходити тоту память Талергофа: Менше панахидами и крестами, а больше ділом, жертвом

для науки, просвіты, організації, борбом за своє право, автономію, штобы в нашом краю не роспоряжали ни німцы, ни польскы, ни чешскы фашисты, котры все нас будут гнати в Талергофы, а штобы зме были сами собі газдами.

Помаленкы наш народ почынат розуміти тото, почынат розуміти причину Талергофов, уготованых лем для рабов, котры неспособны боротися за своє право.

Нижє подаєме статью нашого краяна, фармера, Михаила Костика, котрый належит до тых наших людей, котры розуміют, чом нас гнали в Талергоф и што треба робити, штобы раз навсе покончыти с всякыма Талергофами. В той его дописи щыра правда, правдивый образ темноты нашого народа, котра гнала его в німецкий Талергоф.

Кто Гналъ Народъ въ Талергофъ?

ПЕРЕДЪ войномъ, на Лемковинѣ, въ селѣ М., жылъ богатый господарь, Лешко Г. Тотъ Лешко Г. войтоваль въ селѣ долги роки, бо, поправдѣ, вартъ былъ того: Помагалъ бѣднѣйшымъ селянамъ, то въ грошахъ, то въ даякой доброй порадѣ — былъ якбы сельскій банкеръ. Бывало, бѣднѣйшій газда не могъ му долгъ вернути, то му отробилъ, а зъ никымъ николи ся въ селѣ не правотилъ.

Хоць ѣздилъ и до Львова на собранія о—ва им. М. Качковского и належалъ до повѣтовой рады, то зато не былъ николи гордый, ѣлъ тото, што челядь и разомъ съ челядьомъ, однимъ словомъ, не рѣзалъ ни якого пана.

Другій сознательный газда былъ Лешко Б. Онъ першій въ селѣ зачалъ чытати книжечкы О—ва Качковского, всѣмъ интересовался и любилъ науку.

Третій былъ дуже мудрый и живой газда, Яцко Дз. Тотъ ужъ молодшого поколѣня, былъ въ Америкѣ, видѣлъ, якъ другы народы жыють и при помочы нового, молодого іегомосця, почаль в селѣ въ добромъ порядку кооперативъ.

И тота пройца зачала село выдвигати съ темноты и двигати до культуры и лѣпшой будущности. А притомъ новый іегомосць зачалъ спроваджати селянамъ нове насѣня травъ, здаєся “Алфа-алфа,” котре можна

косити три-разы, бо то росне скоро и добрый кормъ для худобы.

Та тоты люде зачали нищыти всякы забобоны и темноту. Ажъ тѹ, якъ громъ зъ неба, выбухла война! Сельскы хруні порушались, якъ чмелі и на тыхъ найлѣпшыхъ людей полетѣли доносы. Тыма доносчыками въ томъ селѣ не были ни украинці, ни москвофилы, а попросту панско-лизунска, темна, неграмотна голота. Старый “москвофилъ” іегомосць учылъ, же цисарь, тѹ якбы и самъ Богъ, а папа то само, што Христоръ. А каждый бѣднѣйшій газда былъ у него дурень або осель.

И не дивно, што съ такой школы были донощыки на своихъ односельчанъ: Першымъ сельскимъ хрунемъ былъ Стефанъ Б. Тотъ человекъ былъ вѣчный сельскій процессовичъ, процессовался о якій-нибудь кусокъ межы, што то не вартало ничего. Свого власного брата зогналъ крутарствомъ съ куска поля, хоць самъ былъ неграмотный, але зато зналъ добри лизатися коло пановъ.

Другымъ лизунскимъ панскимъ хрунемъ былъ Лукачъ Б. Тотъ Лукачъ былъ цѣлкомъ шляхецкой формы, онъ николи не ѣлъ разомъ съ челядьомъ, не ѣлъ николи свою капусту, найпершій въ селѣ почаль курити сигареткы, найпершій въ селѣ зошмарилъ зо себе чугу, гуньку и керпці, а ходилъ по панскы. Коли панъ грабя полювалъ по лѣсу, то Лукачъ за нимъ носилъ кресло и обѣдъ, а коли панъ грабя лишылъ капусты, то Лукачъ за нимъ вшытко вылизалъ.

Въ селѣ страшный рухъ, дѣти невеселы, жены прєстрашены, ани когуты не спѣвають, такъ якъ другимъ разомъ. До села пришолъ жандармъ, просто до Стефана Б. хыжы. Стефанъ Б. якъ разъ наметоваль гной и гноѣвка му цвѣркала помежы пальці. Але онъ нато не зважалъ, поклонился низко жандарму, а съ подѣ его заключаченого носа видно было дикій усмѣхъ.

На другій день Стефанъ приказалъ женѣ Доркѣ, абы му выдерла зъ льняного оплѣчате онучы, а хлопчыска Ваня выслалъ на рѣку, жебы му вымылъ керпці отъ гною, бо онъ иде до староства.

Въ староствѣ Штефана зробили войтомъ. Лешко Г. ужъ давно зошмареный. Лукача Б. зробили помочникомъ.

Штефанъ зогналъ раду, котрой заявилъ, што онъ теперь голова села и муситъ вы-полняти “найяснѣйшого” цисаря приказы — “а тыхъ, гваритъ, мудрагелівъ, мусиме вшиткыхъ учыти розума! Перше въ селѣ, гваритъ, былъ порядокъ, а теперь пару мудрагелівъ зъ молодыма смаркачами заводятъ новомодны порядкы, чытальни, склепы, хоць наши предкы и безъ того жыли! — Тому дуже виноватый теперишній іегомосцуньо — втрутилъ Лукачъ. — Мы мусиме іегомосця на крупкы посадити! За старенького іегомосця, якъ даяка служанка, або бѣдна дѣвка стала незаконновъ матерью, то наши предкы протягли таку на жыдовску лаву и всунули ей парунадцетъ палиць, тай выпили зме на ей заслуженину пару гарци палюнкы, жыдовка расплела косу, подбила до волосовъ химлю, заложила чепецъ и такомъ невѣстомъ зме ей выпендили съ корчмы, што тото попомятала на цѣле жытя, а синякы гоила цѣлы три мѣсяці. И порядокъ въ селѣ былъ. —

— Такъ, такъ! А теперишній іегомосць ажи весѣльны “покладины” касуе — втрутилъ старый, до ничого ужъ нездалый Гнатъ В. и поправилъ на собѣ ногавкы, котры зъ него падали, бо были лемъ мотузкомъ привязаны — тоты дуракы хотятъ намъ вшиткы отцовскы законы понищити . . .

— Та они и такъ идутъ вшиткы на смерть — крикнулъ гнѣвно Штефанъ Б. — то преступникы, зрадникы найяснѣйшого пана цисаря! И посмотрѣлъ Штефанъ Б. ѣдко по людяхъ, тай повтералъ долоньовъ свой заклюбаченый носъ, а Лукачъ Б. дико зареготался и опустилъ вору, якъ стара кобыла, тай закрутилъ сигаретку до дуганового папера.

— “Зрадникы” ясного цисаря?—Та чомъ? — думали люде. — Якъ и въ чомъ они могли зробити такой страшный проступокъ?

— Та Лешко ищы на балканску войну — гварятъ — посылалъ грошы безбожнымъ сербамъ на войну съ турками, а Яцко Дз. и Лешко Б. чытають москальскы книжки — выголосилъ торжественно новый “начельникъ,” Штефанъ Б.

— И тоты люде, котрыхъ народъ въ селѣ любить, пидуть на “смерть?!

Заплакали жены и дѣти:

— Йой, йой, Боже нашъ! “Смерть,” та зашто “смерть?”

Жены тыхъ газдовъ, якъ чули, што ихъ мужы идутъ на смерть, падають въ обмо-рокъ, дѣти верещатъ и туляться коло своихъ несчастныхъ мамъ . . .

И такъ сталося: Тоты люде ишли на “смерть,” бо хоць имъ заразы смерть австриякы не зробили, але ихъ талергофска тюрма домучыла на смерть, што ужъ не дочекалися увидѣти свои пусты стѣны. Лемъ іегомосць вышолъ живой, але вынось ревматизмъ отъ замерзлой земли и мокроты, въ котрой спалъ.

Хрунь Штефанъ казалъ сой робити панщину въ часѣ войны, бо кто не хотѣлъ, то страшилъ Талергофомъ. Рабовалъ кышені убитымъ воякамъ, съ убитыхъ офицеровъ стѣгалъ чоботы, лахы и такъ ся богатѣлъ. Но по войнѣ люде такъ зненавидѣли того “спая,” доносчыка, што молодежь плювала му попросту въ лице, якъ звычайно плюгавому зрадникови.

Штефана помочникъ, Лукачъ, не хотѣлъ жыти меже хамами, бо боялся мести хамской, то продалъ поле и выносься на Подо-ля, але же му ся и тамъ не счестило.

То лемъ малый, але правдивый примѣръ одного села, а то дѣялося правѣ въ каждомъ нашомъ селѣ въ часѣ войны. То не была нияка партійна окраска, ани про твердый знакъ, але, зъ выимковъ интеллигенціи, гнали въ Талергофъ бѣдныхъ селянь неграмотны темнякы, котры не мали понятия о Украинѣ, ни о москвофильствѣ, ни соціализмѣ.

Талергофскы “свята” и “торжества” треба робити, але противъ темноты, абы чымъ скорше темнотѣ заспѣвати “вѣчную память,” а не такъ, якъ дотеперь, што лемъ робочій одинъ противъ другого ѣжытся. А штобы тоту темноту чымъ скорше похоронити, то треба намъ вшиткымъ чымъ скорше до Лемко-Союза вступити. А ниякы проводыре отъ имени лемко-карпатороссовъ най ся сами не представляютъ, если ихъ никто о то не просить, бо всякы царскы изгнанникы съ такихъ представителей поза плечы лемъ высмѣваються, а они сами на Русь повели бы и чорта, лемъ абы свои стары, царскы, теплы гнѣздочка достали. Они “темноту” барзы люблятъ и имъ треба лемъ такихъ Штефановъ и Лукачовъ, по котрыхъ хырбетѣ бы ся достали тамъ, где прагнуть.

Михайль Костикъ.

СПИСОКЪ ТАЛЕРГОФЦЕВЪ ИЗЪ
ЛЕМКОВИНЫ

Висова. — Сивакъ Григорій, Демянчикъ Θεодосій, ум. 24. 3, 1915. Демянчикъ Андрей, ум. 5. 3, 1915. Бабаракъ Стефанъ, Курилло Мефодій, ум. 22. 1., 1915. Курилло Яковъ, ум. 18. 2., 1915. Ференць Іоаннъ, Вариха Григорій, Касперъ Лука, Коваль Алексѣй, ум. 27, 1, 1915. Яцевичъ Симеонъ, Дулина Михаилъ, Дрекслеръ Захарія, Гатала Іоаннъ, ум. 24, 2, 1915. Кристиничъ Яковъ, Ясьонскій, Петришинъ Алексѣй, Васильчакъ Георгій, Коблошъ Павелъ, Лабашъ Θεодоръ, Куликъ Георгій, ум. 27. 1. 1915. Сѣменовскій Іоаннъ, ум. 13,2, 1915.

Регетовъ-Выжній. Павчакъ Θεодоръ Дзюбакъ Василій, Курылякъ Симеонъ, Лабуда Кириллъ, Газда Іоаннъ, Шелецкій Климентій, Морохъ Михаилъ, Забавскій Николай, Барновичъ Макарій, Тезбиръ Михаилъ, Морохъ Алексѣй, Гайдошъ Константинъ, ум. 5, 2, 1915. Морохъ Кондрать, Морохъ Матвій, Тезбиръ Симеонъ.

Регетовъ-Нижній. Кода Несторъ, Сысакъ Эмилианъ, Билянскій Іоаннъ, Дзендранъ Константинъ, Корѣнь Симеонъ, Дзендранъ Петр, Подлипчакъ Спиридонъ, Корѣнь Іоаннъ, Обухъ Іоаннъ, Соколичъ Михаилъ, Тутко Θεодоръ, Фецяшко Онуфрій, Обухъ Захарій, Дудычъ Левъ, Вѣльха Григорій, Пеньковичъ Θεодоръ, Пеньковичъ Лука, Тутко Симеонъ, ум. 3. 2. 1915. Губякъ Димитрій, ум. 22. 2. 1915.

Сквиртне. Гибей Іоаннъ, Тыта Іоаннъ, Станчакъ Павелъ, Дзембулякъ Іосифъ, Обухъ Марко, Лазорко Павелъ, Крайнякъ Авксентій, Клапъ Даніилъ, Катроничъ Климентій, Суличъ Миронъ, Сапко Θεодоръ, Дуда Григорій, Кода Іоаннъ.

Бѣлянка. Забавскій Лука, ум. 3. 2. 1915. Зарето Антоній, ум. 3. 2. 1915. Тыма Даніилъ, ум. 5. 2. 1915. Лабовскій Іоаннъ, Лабовскій Никодимъ, Лабовскій Самуилъ, Лабовскій Іоаннъ, Стефановскій Григорій, Дутка Іоаннъ, Дутка Александръ, Руссинякъ Михаилъ, Руссинякъ Іоаннъ, Шпакъ Марко, Дзвончикъ Петръ, Чупикъ Петръ, Руссинякъ Іоаннъ.

Чорне. Ванько Лука, Ванько Іоаннъ, Кигчакъ Θεодоръ, Байса Петръ, Прислопскій Петръ, Гривна Эмилианъ, Байса Михаилъ, Валько Лука, Розделскій Іосифъ, Байса Даніилъ, Ванько Лука, Шевчикъ Іоаннъ, Ги-

ба Петръ, Лыпакъ Іоаннъ, Баволяль Іоаннъ, Барна Іоаннъ, Прислопскій Лука, Хованецъ Θεодоръ, ум. 4. 3. 1915.

Долге. Сабатовичъ Θεодоръ, Шута Θεодоръ, Яцовичъ Θεодоръ, Ксеничъ Константинъ, Копча Іоаннъ, Васенько Димитрій, Кусайло Іоаннъ, Зеленякъ Георгій, Чуликъ Андрей, Зеленякъ Михаилъ, Соховицкій Іоаннъ, ум. 9. 1. 1915. Васенько Θεодоръ, ум. 19. 2. 1915. Васенько Михаилъ, Сынъ Даніилъ.

Липна. Пелешъ Іоаннъ, Пелешъ Адамъ, Яцевичъ Андрей, Пелешъ Николай, Пелешъ Исидоръ, Гащиць Николай, Котанскій, Лука, ум. 12. 12. 1914. Гащиць Симеонъ, ум. 27. 1. 1915. Галенко Василій, ум. 23. 1. 1915. Стасякъ Діонисій.

Радоцина. Кравчицкій Іоаннъ, Юрковскій Николай, Петрилякъ Илія, Турко Василій, Курыловичъ Терентій, Костикъ Павелъ, Костыкъ Іоаннъ, Павелчакъ Симеонъ, Гелета Андрей, Павелчакъ Іоаннъ, Добровольскій Илія, Павелчакъ Максимъ.

Незнаева. Хомиць Илія, Сенчакъ Лука, Слота Михаилъ, Пыртко Ева, Сенчакъ Василій, ум. 12. 1. 1915. Дмитрикъ Θεодоръ, 5. 1. 1915.

Маластовъ. Дзубанъ Петръ, Ротко Михаилъ, Адамъ Андрей, Баюсъ Симеонъ, Баюсъ Петръ, Ротко Андрей, Баюсъ Θεодоръ, Виссовскій Илія, Шкирпанъ Павелъ, Желемъ Петр, Кардашъ Антоній Іоаннъ, Кикила Алексѣй, Гривна Θεодоръ, ум. 3. 2. 1915. Шкирпанъ Онуфрій.

Ждыня. Спіякъ Кондрать, о. Дуркотъ Θεодосій, Дуркотъ Іоанна Спіякъ Димитрій, Спіякъ Николай, Потоцкій Діонисій, Хованскій Эмилианъ, Млинарикъ Андрей, Одомырко Петръ, Сандовичъ Тимофей, Сандовичъ Николай, Сандовичъ Целагія, Сандовичъ Максимъ, Канищакъ Петръ, Капитула Александръ, Пакла Максимъ, Филякъ Стефанъ, Вариха Θεодоръ, Шевчикъ Θεодоръ, Перунъ Василій, Вислоцкій Александръ, Усцкій Симеонъ, Чухта Симеонъ, Чухта Ананія, ум. 18. 1. 1915. Филякъ Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915.

Конечна. Лызакъ Андрей, Урбанъ Алексѣй, Спіякъ Адамъ Шевчикъ Іосифъ, Млинарикъ Пантелеймонъ, Дзямба Павелъ, Шевчикъ Матфей, Томащикъ Марко, ум. 19. 1. 1915.

Грабъ. Святко Андрей, Котырга Михаилъ, Урамъ Димитрій, Урамъ Іоаннъ, Пѣгошъ Андрей, Валько Михаилъ, Лызакъ Іоаннъ, Пахъ Марія, Павелчакъ Сильвестеръ, ум. 25.

2. 1914. Романчакъ Григорій, ум. 3. 1. 1915. Давидъ Григорій, ум. 23. 12. 1914. Сидорякъ Стефанъ, Гончакъ Георгій, Ясѣнска Пелагія, Гомашикъ Марія, Курилко Марія, Нацикъ Марія.

Вышоватка. Коцко Лука, ум. 2. 1. 1915. Байса Феодоръ, ум. 16. 1. 1915. Китчакъ Іоаннъ, Симъ Димитрій, ум. 19. 12. 1914.

Смерековецъ. Ядловскій Іоаннъ, Ядловскій Феодосій, о. Волянскій Стефанъ, Ковальчикъ Зикторъ, Врона Феодоръ, Шмайда Іоаннъ, Лавчикъ Іоаннъ, Лукачинъ Андрей, Цюрикъ Стефанъ, Васичко Андрей, Станчакъ Симеонъ, Дутко Іоаннъ, Пупчикъ Прокопъ, ум. 25. 12. 1914.

Лосье. Галь Григорій, Дудра Іоакимъ, Шлянта Григорій, Телехъ Александръ стар., Гелехъ Александръ, мл., Павлякъ Стефанъ, Рекула Назарій, Дудра Григорій, Галь Мисаилъ, Галь Іоаннъ, Дудыкъ Михаилъ, Гирникъ Павелъ, Крѣль Василій, Трембачъ Григорій, Кундратикъ Эмануилъ, отравился. Гелехъ Михаилъ Спольникъ Іоаннъ, Малецкій Феодоръ, Кроль Іосафатъ, Хома Даніилъ, Дутка Симеонъ, Евусякъ Николай, Олесевичъ Іоаннъ, Спольникъ Николай, Кароль Андрей, Карель Павелъ, Палюхъ Іоаннъ, Сивакъ Яковъ, Гирникъ Николай, Параничъ Григорій, Спольникъ Григорій, Новакъ Іоаннъ, Галь Николай.

Гладышевъ. Вислоцкій Яковъ, Михалякъ Осифъ, Сиротякъ Юстинъ, Вислоцкій Іоаннъ, Вислоцкій Іоаннъ, ум. 24. 2. 1915. Дзюбина Ілиппъ, Дзюбина Діонисій, Федорко Гавриилъ, Басалига Петръ, Павелчакъ Ілія, Цмайда Юліанъ, Вирхнянскій Василій, Подясковичъ Кондратъ, Подясковичъ Григорій, Сиротякъ Симеонъ, Сиротякъ Михаилъ, Федорко Михаилъ, Федорко Антоній, Бонъ Іоаннъ, ум. 22. 1. 1915. Штокля Исидор, м. 5. 3. 1915. Спинка Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915.

Вѣрхня. Пелехачъ Симеонъ.

Устье Русское. Цѣслякъ Андрей, о. Калиовичъ Григорій, Войтовичъ Василій, Гуецкій Антоній, Криницькій Григорій, Маровичъ Каетанъ, Габоръ Симеонъ, ум. 16. 1. 1915. Андрейчинъ Симеонъ, ум. 9. 2. 1915. ованскій Іоакимъ, ум. 21. 2. 1915. Марковичъ Юстина.

Квятонъ. Крыницькій Михаилъ, Цимбала Григорій, Вислоцкій Стефанъ.

Климковка. Демчакъ Димитрій, Демчакъ Сифъ, Базилевичъ Василій, Дець Григорій,

Барна Павелъ, Карпякъ Максимъ, Хомякъ Кондратъ, Гудакъ Лаврентій, Демай Николай, Матусько Іосифъ, Микулякъ Петръ.

Вышеватка. Павелчакъ Лука, Коцко Феодор, Гаврилякъ Евстахій, Роздѣльскій Анд.

Святкова. Колдра Андрей, Колдра Григорій Лабикъ Михаилъ.

Святковка. Констанкевичъ Василій, Констанкевичъ Іоаннъ.

Кремпа. Федакъ Алексѣй, Поповчакъ Ст.

Розстайне. о. Мышковскій Маріанъ, Мышковска Августа, Прокопчакъ Андрей.

Дошница. о. Сѣлецкій Александръ, ум. 4. 1. 1915.

Брезова. Владыка (трехъ), Кутякъ.

Боднарка. Сокачъ Іоаннъ, Сокачъ Іоаннъ, Дзяма Петръ, Романъ Фома, Клапачъ Іоаннъ, Сембратъ Григорій, Валевскій Антоній, Смаржъ Даніилъ, Поповчакъ Димитрій, ум. 20. 1. 1915.

Мацина Великая. Цуцура Матвей.

Роздѣлье. Бубнякъ Василій, Бубнякъ Павелъ, Пыжъ Андрей, ум. 22. 12. 1914. Бодакъ Константинъ Драганъ Георгій, Коцуръ Константинъ, Ванца Іоаннъ, Тылявскій Петръ.

Бортне. о. Калужняцкій Владимиръ, Собинъ Димитрій Собинъ Михаилъ, ум. 10. 9. 1915. Подбережнякъ Михаилъ, Подбережнякъ Василій, Горбаль Михаилъ, Дутканичъ Косма, ум. 1. 2. 1915. Горбаль Іоаннъ, Нецьо Фома, Перунъ Даніилъ, Горбаль Феодоръ, ум. 15. 1. 1915. Горбаль Косма, ум. 20. 2. 1915. Феленчакъ Петръ Годьо Даніил, Пелешъ Теофилъ, Журавъ Іоаннъ, Богачикъ Титъ, Богачикъ Іоаннъ.

Перегонина-Бодаки. Шпакъ Іоаннъ, Качоръ Димитрій.

Вапенне. Бубнякъ Василій, Бубнякъ Даміанъ, Бубнякъ Димитрій, Пыжъ Симеонъ, Бодакъ Василій, Прокопчакъ Даніилъ, Присташъ Феодоръ, Бодакъ Іоаннъ, Тymoць Алексѣй.

Ропки. Цикотъ Харитонъ, Дошна Василій, Лаврентій Анастасія.

Ганчова. Руссинякъ Владимиръ, ум. 1. 2. 1915. Дѣдикъ Григорій, Соколь Антоній, Лукачинъ Димитрій, Микулякъ Стефанъ, Пирогъ Григорій, Вандзѣлякъ Фома, ум. 6. 2. 1915.

Ропица Русская. Куликъ Василій, Ющакъ Петръ, Драганъ Іоаннъ, Рахель Діонисій, Желемъ Петръ, ум. 29. 1. 1915. Баратко Игнатій, ум. 2. 2. 1915. Мацко Ілія, ум.

2. 2. 1915. Пероганичъ Петръ, Пероганичъ Андрей, Рахель Василій, Куликъ Михаилъ, Козакъ Петръ, Спѣвакъ Ѳеодоръ, Варанъ Алексѣй, Варанъ Косма, Желемъ Іоаннъ, Желемъ Іоаннъ, Баюсъ Василій, Желемъ Григорій, Пыжь Іоаннъ.

Пантна. Шкирпанъ Антоній, Михалѣкъ Яковъ, Ванцко Николай, Баюсъ Стефанъ.

Баница. Смѣй Іоаннъ, Сайфертъ, ум. 26. 1. 1915. Журавъ Ѳеодоръ, ум. 14. 2. 1915. Бѣгунякъ Ѳеодоръ, ум. 19. 1. 1915.

Крива. Урда Михаилъ, Урда Іоаннъ, Кичей Николай, Вислоцкій Симеонъ.

Воловецъ. Измей Іоаннъ, Лаховскій Кароль, Быбей Василій, Сидоракъ Исидоръ.

Новица. Сембратовичъ, Стефанъ, Сембратовичъ Василій, о. Городецкій, Городецкій Надежда, Ячичакъ Стефанъ, Бреня Лука, Карлякъ Стефанъ, ум. 18. 1. 1915.

Прислопъ. Пелехачъ Іоаннъ, Зватиканичъ Константинъ, Крайнякъ Марко, ум. 23. 1. 1915.

Лугъ. Демяничъ, Дзямба Георгій, Кроль **Свержова Русская.** Кобанъ Юстинъ, Петр, ум. 25. 1. 1915.

Долины. Рьдзай Кириллъ.

Блѣхнарка. Дзюбинъ.

Лѣщины. Королевскій Іосафатъ, Корба П.

Горлицы. Слюзаръ

Поляны. Трохановскій.

Камянна. Н. Н.

Блѣхнарка. Деміянъ Алексѣй, Дзюбинъ Миронъ, Патрошъ Яковъ, Бацюкъ Макарій, Швець Романъ.

Флоринка. о. Курилло Василій, Курилло Ѳеофилъ, Максимчакъ Михаилъ, Воргачъ Юстинъ, Мерена Марія.

Берестъ. Гопей Марія.

Бѣлцарева. о. Качмарчикъ Ѳеофилъ, Качмарчикъ Владимиръ, Качмарчикъ Любомир, Троханская Марія.

Богуша. Кузякъ Симеонъ, Плетенякъ Стефанъ, Горошакъ Василій.

Королева Русская. о. Руссинякъ Іоаннъ, Чирнянска Анна, Дроздякъ Іосифъ, Бубернякъ Ѳеодоръ, Стецикъ Ілія, Тудей Исидоръ, Кукула Миронъ, Тарасъ Гавріиль.

Брунары Выжніе. Михневичъ Іосифъ, о. Сандовичъ Петръ разстр. 28. 9. 1914, Сандовичъ Антоній, разстр. 28. 9. 1914, Кирда Василій, Кузмичъ Павель.

Чарна. Перегримъ Константинъ, Береховскій Іоаннъ.

Снѣтница. Ставискій Захарій, Хомякъ Іо-

аннъ, Сивакъ Даніиль, Москва Тимоѳей.

Ставиша. Басалига Василій, Ваврикъ Романъ.

Избы. о. Хилѣкъ Димитрій, Кобанъ Василій, Дуда Петръ, Кунцикъ Петръ, ум. 16.

4. 1915. Ванько Юліанъ, ум. 21. 3. 1915. Цимбалакъ Іоаннъ, ум. 25. 12. 1914.

Чирна. о. Мохнацкій Владиміръ, Папачъ Ѳеодоръ, Поруцѣдло Іосифъ.

Перунка. Кузьмякъ Петръ, Русинко Павел, Единакъ Герасимъ, Дзядикъ Іосифъ, Гопей Петръ, Слюсарчикъ Іоаннъ, Бураничъ Атанасій, Щипникъ Ѳеодоръ, ум. 22. 3. 1915.

Зборовичи. Стабрило Алек., ум. 19. 1. 1915.

Мушинка. Нестеракъ Онуфрій, Михаилъ, и Владиміръ. Нѣмчикъ Андрей.

Ростока Великая. Вильчакъ І. Репела Іос.

Тыличъ. о. Венгриновичъ Емилианъ, Андрейко І., Джуганъ Ст. и Марія. Сенько Ілія и Михаилъ. Гарбера А., Пастернякъ Ѳ., Брунарскій П. Дзядыкъ Д., Бреня Л., Цолка І., Бабей С., Гамерникъ А., Бадарикъ Діон., Копачъ Іоак., Чеканикъ Ѳ., Крыницкій Василій, Андрейко Антоній.

Мохначка. Мохнацкій Ѳ. и Діон., Гарбера Я., Гавранъ Лук., Поручникъ О., ум. 23. 1. 1915. Единакъ Ѳ., Гойнякъ М., ум. 28. 3. 1915. Гойнякъ П., Святковскій П., ум. 24. 2. 1915. Сивецъ Никита, Цимбалакъ Я., Витякъ Наз.

Крыница. о. Гнатышакъ Гав., ум. Ѳеодоръ, ум., Александръ и Орестъ. Гнатышакъ Ольга, Гнатышакъ Марія, Малинякъ Климентій и Михаилъ. Урбанъ І. и Іоаннъ. Крайнякъ І. Телишакъ М., Петрикъ Г. Крыницкій Мак. Стефанъ и Петръ. Лаврикъ П. Ждынякъ К. и Симеонъ. Крыницкій Соф., Петришакъ А. Громосякъ Н., Савчакъ Авкс. и Стефанія. Цѣханскій Алек., Трохановскій Мефодій.

Солотвина. Копыстьянскій Іосифъ.

Андреевка. Головачъ Василій.

Щавникъ. Дзюбинскій Т., Милянничъ Ев. и Василій, Ляшеникъ Ѳ. Щавинскій Ігнатій, Гойдичъ Іоаннъ.

Злотске. Дзюбинскій Антонъ.

Жегестовъ. Семанякъ М. Венгринъ П., ум. 5. 2. 1915. и Іоаннъ, ум. 1. 2. 1915. Стеранка Елена и Гонората.

Шляхтова. Матіяшъ Ан. Гриндзакъ Григ.

Поворозникъ: Пирогъ Алек., Стефанцо К., Коцуръ П., ум. 30. 1. 1915. Криштофикъ І., ум. 11. 2. 1915., Колѣчко И., ум. 12. 2. 1915. Драбѣкъ Ст., ум. 3. 2. 1915. Куликъ Ѳ., Ми-

ляничъ А., Колѣчко Конд., Патлявскій Іон., Коцуръ Матрена.

Ястребикъ. Слота І., Телищакъ Гр., Ковальчикъ Онуфрій.

Новая Весь. Мастюхъ М. Стеранка Г., Пласконъ Л., о. Соболевскій М., Соболевская Ю., Марковичъ П., Масыра Кл., Кореча Ф., Жиличъ Симеонъ.

Лабова. о. Дуркотъ Іоаннь, Хр. Феодосій, въ 1915. и Сергій. Вислоцкій Георгій Феодоръ, Марія и Димитрій (Гунянка). Кулянда Конс., Полинякъ Евсеvій, Козьоль Ѳ., Кулунда С., Коцуръ А., Ззйя А., Л., Руссинякъ, С. и Исифъ. Заграй Илія, Червинскій Каз. и Юліанъ. Полинякъ Іоак., Маслей Лав., Швайка Ксенія.

Лабовець. Шаршонъ П., Шептакъ Ст., Птахъ Аф., Новакъ Ѳ. Осникъ Вен., Хованецъ Я., ум. 22. 2. 1915. Врона Георгій, Шептакъ Алекс., ум. 9. 2. 1915. и Лука, ум. 24. 2. 1915. Гбуръ Захарія.

Котовъ. Пелякъ Т., Салпашъ Ан., Тырличъ Петръ.

Мушина. Турко Ан., Савка І., Янковичъ Арсеній, ум. 16. 2. 1915.

Верхомля. Русинякъ М. и Дзюбинскій. Дзюба Василій, ум. 26. 2. 1915.

Зубринъ. Стеранка Стефанія и Юліанъ.

Новый Санчъ. Кириловъ, М., Шеремета, Юречко Дим., Масцюхъ, Клокъ Юзефа, Бандровскій Павелъ.

Кростенко. Морочко Еліашъ, Карпякъ Е.

Зиндранова. о. Копыстанскій Корн. и о. Копыстьянскій Стефанъ.

Тылява. о. Коцьоловскій Кирилль, Копчакъ М., Кирпанъ Іоаким и николай, ум. 24. 1. 1915.

Мшанна. о. Дутковскій Каз., Дзюрій Каз., Шевчукъ М., Кушвара М., Хилякъ Миросл.

Ольховець. о. Дуркотъ Максимилянъ, Кулявчикъ Іоаннь.

Ропянка. Бугель.

Поляны. о. Феленчакъ Ни. Яценикъ Аф., Федакъ Н., Мышковскій Ѳ., Дутко Даніилъ.

Смеречне. Репакъ Іоаннь.

Терстяна. Фучила Владиміръ.

Мысцова. о. Дуркотъ Вл. и Юліанъ. Фринч Он., Гайда Павелъ.

Гирова. о. Чеснокъ Захарій, Бѣдникъ І.

Тыханя. о. Пирогъ Даніилъ уб. банд. в 1929.

Красна. о. Прислопскій Александръ, Вархоликъ С., Газдайка П., Яблонскій Алекс., Вознякъ П., Налисникъ Эм., ум. 19. 1. 1915.

Воробликъ Королевскій. Драганъ М., Лянда А., Геляхъ Ѳ., Струсь Іоаннь.

Чорнорѣки. о. Войтовичъ, Сенчакъ Гр. и Ѳадей. Вознякъ Дим. и Стефанъ, Вознякъ Михаилъ, ум. 4. 1. 1915.

Рѣпникъ. о. Мерена Ѳ., Помайба М., Камѣнскій І., Яскилка В., Макухъ К., † 27. 1. 1915

Ванчовка. о. Тустановскій Кир., Шуфлятъ Гр. ст. и Гр мл. Мотовилякъ П., и Григорій.

Братковка. Яскилка Стефанъ.

Кросно. Косъ, Дяковъ Вал. Стефанія и Богданъ. Струсь Дим., Н. Ольга, Генсецкій Василій.

Дукля. Котельницкій В. Смулка І., Кардаш Илія.

Корчина. Прислопскій Я., Приходко П.

Сянокъ. Бугера А., Николай. и Василій, о. Москаликъ Іосифъ и Юліанъ. Подолинскій Іос., Ивашко Іос., Рудакъ І., Кирилль и Эм. Волянскій Петръ, Волянскій Мецьо, Орищакъ Конст., Райтаръ Іос., Рочанъ Н., Смажецкій І., Мазуръ Іос., Кущакъ Ф., Савчакъ Ан., ум. 2. 3. 1915. Савчакъ І., Гавдякъ М., Филипчакъ Конст., Герболка Ѳадей, Кульчицкій І., Стрычикъ Анастасія, ум. 14. 12. 1914. Переломъ Михаилъ, ум. 23. 2. 1914.

Дудровка. Мазуръ Анд., Гривнякъ Н., ум. 2. 2. 1915. Задорожный І. и Василій ум. 1915.

Ольховцы. Когутъ Н., Бедзикъ М., Поливка Ан., Стапчакъ Захарій и Іоаннь, Мыхновскій Гр. и Василій, Ялечко Дим. и Іоаннь. Гнѣздусъ Дим., ум. 12. 1. 1915. Бедзикъ І., ум. 21. 2. 1915. Гнилицкій П., ум. 6. 1. 1915. Банюга І., ум. 13. 2. 1915. Бобякъ Клим., ум. 18. 1. 1915. Лѣсовскій М., Скобельскій А. и Александръ. Соханя Ил., ум. 13. 2. 1915. Кець Николай, Галицкій Максимъ.

Межибродье. о. Бугера Константинъ.

Дудынцы. Дмитрикъ, Колодѣй, ум. 1915.

Пелня. о. Сембратовичъ Ю., Колодѣй І., Дзядыкъ Іос., Кочанъ Антоній, ум. 7. 2. 1915.

Полонна. Кутепъ, Гринякъ Романъ.

Лишня. Филипчакъ Димитрій.

Залужъ. Срамикъ І., Гамерскій Іосифъ, Баликъ Людвикъ, ум. 24. 1. 1915.

Тырава Сольная. о. Шатынскій Михаилъ иЕвгенъ. Лазука Мих., ум. 23, 3. 1915. Банить Николай, Сибыдло Петръ.

Тырава Волошская. о. Сливинскій Мих.

Голучковъ. Зубыкъ І., Мельникъ Іосифъ, Андреечко Марія, Рыбицка Станислава.

Щавне. о. Полошиновичъ Влад., ум. 6. 10. 1914. Полошиновичъ Георгій.

Войске. Вайда Михайль.

Быковцы. Цапъ Юс. Павлов Юс. ум. 1914.

Загорье. Кишка Ник. и Владиміръ. Кавалевичъ В. и Юсифъ. Бубнякъ М., Хомищакъ Гр., Щеноцкій І., Брехунъ М., Боловскій Юс. и Василій. Горнякъ І., Канцьо М., Гливякъ М., Жубрыдъ І., Баловска Анна, Мандолякъ Екатерина, Щинецка Розалія, Кишка Ан., Сехъ І., Бѣликъ Люд., ум. 29. 1. 1915.

Липовець. Волошиновичъ Алекс., Кирпанъ Михайль Гирила Михайль.

Даліева. о. Вахнянинъ Владиміръ, Ядловскій Симеонъ.

Посада Яслиска. Волошиновичъ Василій, ум. 15. 15. 3. 1915, Волошиновичъ Феодоръ, Волошиновичъ Андрей.

Суrowица. о. Жубрыдъ Михайль Стецко Іоаннь.

Дошно. Петровскій Петръ.

Вороблькь. Розенбейгеръ Андрей и Бурка Андрей.

Боско. Купина Михайль, ум. 10. 1. 1915. Боякъ Феодоръ, Боякъ Андрей, Андрець Іоаннь Андрець Михайль, Романъ Василій и Войнаръ Юсифъ.

Синява. Вацлавскій Михайль М., Бедзикъ Петръ, Вацлавска Анастасія, Бекъ Іоаннь, ум. 7. 2. 1915. и Сырко Александръ.

Новосѣльцы: Твардонъ Георгій, Плешъ Павелъ, Плешъ Константинъ, ум. 13. 1. 1915 и Вашишинъ Іоаннь.

Костаровцы: Соболевскій Винкентій, Соболевскіѣ Ева, Масляна Анна и Звѣрикъ Феодоръ.

Сугоровъ Долѣшній: Фута Александръ, Давидъ Онуфрій, Домбровскій Петръ, Лопчакъ Іоаннь, Федакъ Андрей, ум. 22. 3. 1915, Хома Михайль Давида Феодоръ и Вацькь Михайль.

Юровцы: Хома Михайль, ум. 13. 1. 1915.

Команча: о. Венгриновичъ Гилярій, Терлецкій Василій и Пышнякъ Параскева.

Сянокъ: Романъ Григорій, ум. 11. 1. 1915, Романъ Іоаннь и Цапъ Іоаннь.

Прусикъ: Амбицкій Яковъ, ум. 13. 1. 1915, Стрычокъ Анна, Рудый Іоаннь и Гешко Іоаннь, ум. 31. 12. 1914.

Кулешне: Хвастякъ Адамъ.

Чертежь: о. Полянскій Константинъ, Шурготъ Романъ, Волянскій Романъ и Рейтаръ Василій, ум. 13. 1. 1915.

Трепча: о. Полянскій Владиміръ и Дробикъ Владиміръ.

Карликовъ: Темчинъ Никита, ум. 29. 12. 1914.

Кросценко: Новакъ Іоаннь, ум. 3. 1. 1915.

Поляны, в. Сянока: Кромка Яковъ, ум. 12. 1. 1915.

Чистогоръ в. Сянока: Павзельчинъ Лазаръ, ум. 19. 1. 1915.

Поповцы: Назарчукъ Василій, ум. 10. 2. 1915.

Вислокъ Великій: Сопынка Феодоръ, ум. 12. 2. 1915.

Улючъ: Костенкій Василій, ум. 21. 2. 1915.

Марковцы: Норякъ Антоній, ум. 13. 3. 1915.

Радошицы: Гривко Василій, ум. 3. 4. 1915.

Составилъ о. В. О. Курилло.

Всѣхъ 1915, изъ нихъ умерло въ Талергофѣ 168 человекъ. Розумѣется, что тотъ списокъ еще не полный.

Лемковино Моя Мила!

Лемковино, Лемковино, краю мой коханий,
 Хоц колыска-с русскихъ людей, ними занедбаный!

Лемковино моя мила, Вы, Горы Карпаты,
 Яку грозу Вы прожили, аж страх вспомянати!
 Талергофы, Терезины, тюрьмы та и раны,
 Як долга ты и широка—горем спльондрувана!
 Тоты верхы чародійны, штоб знали сказати,
 Сколько разов от ударов мусіли пукати —
 Яки несла вража сила, кулями арматов,
 Пулиметов, рукострілов, гнобителей-катов!
 Зашто Тебе так гонено и масакровано,
 Тевтонами, мадярами на смерт засуджано!
 Хыбаль зато, же ты русска и тверда як скала,
 Жебы твоя віра в свое на віки пропала . . .

* * * * *

Не дождете вражи сыны так нас придусити,
 Бо мы народ, як и другий, маме право жыти!
 Хоц вы нас не признаете, яко Руси сынов,
 Но мы жывы и здоровы, в світі не загинем!
 Так як и наши Карпаты не уляжут зміні
 Под бурями и громами, не зогнеме спины
 “Естесьце на польскей земі и польски хліб іце!”

Мы то знаме, же хліб іме, та лем свой, овсяный,

Выдобытый з родной землі, моистевы паны!
 Мы не знаме марципанов, ани винограда,
 Бо не маме нато місця, едного загона.

То, што маме, то ест наше и тым ся хваліме,
Маме віру и надію, же не отступіме . . .

Прешли страшны, грозны часы войны світо-
вой,

Тепер, гварят, уж спокойны, та зас кризисовы.
И то прейде, припомнеся и зас ся забуде,
Лем сой едно памятайме, лемкы русскы лю-

де. . . .

Не смотме на перешкоды, горы и границі,
Океаны и подшепты подлой единиці . . .

Лем в Союзі ся громадме, в нем ся позна-
вайме,

През границі, океаны—рукы сой подайме!
И тримаймеся, як еден, не пустме никого

В нашы родны Карпаты краю Лемковского
Ни культуры, ни освіти тых добрых сусідов,

Лем тримайме свое твердо, як нашы прадіды.
До работы и освіти дорога пред нами,

А як дойти нам до цілі, то уж знаме сами!
Познай себе буде с тебе, гварит пословица,

Не обзерайся на Мацька, Пепичка и Фрица.

Сидор Кум,
Ванівка, 1933.

Што то ест Культура?

У Лемко-Союза Што то ест культура?
Ест работа велька: Хотіл бы я знати:
Хоче притягнути Ци то в чужом клубі
До культуры лемка. Грошы пропивати?

Што то ест культура, Што то ест культура?
То я того не знал, То мі ест на мысли:
Бо я в курной хыжы Повіч, брате лемку,
Все на пецу лежал. Коли зме ся зышли!

А ту в Америці Бо мі ся так здае,
Зас в курной фабрыці Же то такы лемкы
Аж в неділю облюк До культуры зайти
Чысты ногавиці. Ищы замаленкы.

Чысты ногавиці Бо культурны люде
И “таю” дорогу Не так собі жыют
И пишол до церкви В чужом клубі грошы
Молитися Богу. Свои не марніют . . .

А з церкви до клубу Як мы за Союзом
И то до чужого, Всі разом пидеме,
Бо то втоды лемкы То мы выроснеме
Не мали свойого . . . И велькы будеме.

Чытатель “Лемка.”

Не Встыдаймеся Свого

А кто жывый, най ся тримат
Надіі не тратит,
Докля, сут нашы руснакы
И Русь наша мати.

Треба лем все памятати,
Же мы и Карпаты —
То душа и тіло!
Не даме их, присям Богу,
Не одбере нам ник того,
Не одбере силом!

Бо я завсе в того вірю,
Же на своем мы подвірю
* * *

А на своем мы обыстю
Зробиме порядок
Сами — самисенкы . . .
Не помогут нам бискупы
Ни “татичек,” ани “дзядок,”
Ни “Кобзарь Шевченків.”
* * *

Бо всі хотят нас знищыти,
Жывцем нас пожерти!

Не дамеса им стравити,
Най ждуть, скоре смерти!
Лем шануйме вшытко свое,
Бо свое — то святе:
Свою віру и бесіду,
Хоц и небогату.

Хоц проста наша бесіда,
То для нас дорога:
Молимеся том бесідом
До Господа Бога —
Отец, мати бесідуют
До своих діточок
И дитина до родичов,
Як уж ма лем рочок.
Бо бесіда всьо выповіст
И радост на души,
Вшыткы болі и недолі,
Аж ся сердце крушыт!
Она нас оборонила
Пред вражом загладом —
Она тепер борбу веде
З мазепинским ядом!
Шануйме русскы звычай
Лемковску одержу,
Жебы от нашого краю
Знати было между! —

СМІХ и ПРАВДА

На 1934

Но, уж прешол старый рік!
Планный был, не вартал нич!
Не жалує го тыж ник,
Хвала Богу, же есть прич!

Але тепер прошу вас;
Я таке предчутя мам,
Же тот Новый Рочок зас
Певно буде такий сам!

Хоць так зле на світі ест,
Преця мы привыкли кус;
Хоц нам докучыло фест,
Але вытримати мус!

Прешло уж сім тлустыя літ,
Тепер худы роки сут . . .
Єден складал, другий ніт,
Як лем можеш, світом крут!

Худы роки минут тыж,
“Просперити” буде пак
Буде сало, буде кныш,
Буде ліпше — так ци сяк!

РАДА НА КРИЗИС

Прейдеш Дунаец, ци прейдеш Тису,
Ци пидеш дале за Тихе море,
Всяди дост біды — доста кризису
И всяди планно и всяди горе!

На цілом Світі самы банкроты;
Полно злодіів, полно бандытов:
Не дают людям честной роботы
И як же може раз ліпше быти?

Хоц дуже мудрых людей на світі,
Але всі разом, як и мы, дзяды!
Кед не потрафят світа змінити
И кризисови не дадут рады?

Што нам помогут вшиткы машыны,
Мало з них маюот люде корысти?
Вшитко то разом не вартат бздины,
Коль народ нема до сыта істи!

Всі диктаторы — то идиоты!
То егоисты, без сердца люде . . .
Народ не хоче нич, лем роботы,
А кризис мине и добри буде!

Сват.

Чом Кризис?

Давно

Тепер

ЧОМ НАС КРИЗИС ДУСИТ?

В давных часах не лем в Дошні,
Не лем в Ріпках, ци в Зубрику,

Носили люде холошні
 Чугы, гунькы и брусликы,
 Але всядыль в наших горах
 В каждом нашом, русском селі,
 Полотно сой сами ткали
 На гачы и на кошелі.
 И сами сой волну пряли,
 Ткач был всядыль — де ся рушыл,
 И добри ся вшыткы мали,
 Ци в Тыляві, ци в Богушы.
 Неска кризис, брак роботы,
 Цента не ма ник при души;
 А бетяре и гунцовоты
 Сут сядываль, де ся рушыт.
 Неска хоц-кто “ріже пана”
 И гунькы ся, реку, встыдат:
 Носит лем купче убраня,
 Але взяте на борг в жыда.

Сват.

Петро Зяйка

Зяйка Петро был хлоп бідный,
 Але за то был солідный —
 Робил завсе, што мал силы
 И якосик му старчыло.

Хоц мал діти девятеро
 На никого не позерал:
 Вшыткы были завсе сыты
 И порядні приодіты.

Бо-и Петриха — баба здала
 Завсе хлопку помагала:
 И не лем, же всі выжыли,
 Але-й дашто отложили.

Діти росли — а хоц малы
 Все родичам помагали.
 И быlobы орайт дале,
 Лем же часы злы настали.

Кризис, знате, най фрас влапит,
 Уж каждого неска трапит
 А найвеце, знате, бідных,
 А ретельных и солідных!

Петро Зяйка ищы робит,
 Але меньше уж заробит!
 Для родины то замало,
 Конче больше бы ся здало . . .

“Істи мамо!” — кричат діти,
 А ту и рент тра платити,
 Електрику, едно, друге,
 Здало бы ся и на дуган.

“Планно!” Петро сой подумал:
 “Тра просити о долг кума;
 Бо уж пейда не выдолят,
 Бо гнет бракне хліба, соли!”

В конці Петро и дзяб стратил,
 Але не хтіл ся поддати!
 Бо Зяйка был хлоп здоровый,
 А и розум мал в голові.

Як был ищы на Донорі,
 То виділ голодомора,
 Што нич не ід, лем пил воду
 И брал за то нагороду.

“А што-ж-то я, Боже святыи,
 Ци не можу пробувати?”
 Навчуся жыти без іды,
 Не буде мі нигде біды.”

Постановил и кончено!
 Потом повіл так до жены:
 “Замкну ся днес сам в бедрумі,
 Най не ходит никто ку мі!”

Минул ден, минуло три дни —
 Триматся наш Петро бідный
 И лем воду пе, як жаба —
 Але му ся робит слабо.

Семого дня жена гварит:
 “Но якже там? дыхаш старый?
 —Дыхам — дыхам, але планно
 —Оле отвор двери — Анно!”

“Не мам ключа, та ты го маш
 “Скоре ход, бо не вытримаш!
 “Чловек не годен без хліба,
 —А ты воду пеш, як рыба!”

Але Петро был завзятыи
 Хтіл науки доконати —
 И то правда, же доконал —
 Научился — але сконал. —

Сват.

БАЙКЫ

СОБАКИ

Горі село — самым змерком
Идут два сусіды:
Бесідуют — комбинуют —
Як ту выйти з біды . . .

Аж ту нагло с поза плота
Быскачыла псов голота
Обступила наших сватов
И давай брехати:

Rrrrr . . . гав! гав!
Rrrrr . . . тяв! тяв!
Еден сусід бере колик —
Ближе ку псам иде . . .
Але другий го втримуе:
— Дай спокій, сусіде!
— Та я уж знам псю натуру,
— Шкода зачынати —
— Ци маш колик, або не маш,
— Все будут гавкати!
— Ліпше ити в свою страну,
— Спокойно, по пути —
— Одыйдеме пару кроков
— Псов не буде чути!

И одышли . . . А за хвилю
Псы велькы и малы
Уж не брешут и не лают,
Вшыткы перестали . . .

* * ** * *

И медже людми трафляты такы —
Злы и завистны — як псы-собаки:
Вшыткы их знате и я их знаю,
На бодай кого варчат и лают . . .
А человек мудрый на них не зважат,
Ни ся не гніват, ни не ображат —
Лем свое робит — все, ведля пляну,
А псы побрешут и перестанут!

Сват.

ОСЕЛ И СОЛОВІЙ

Не еден з вас може слышал
О Репеді, о Ганчові,
А не зна де ест Гладышов,
Бо му таке не в голові.

А люде там доста вольны
Рідко встрітиш там пняка,
Зато вшыткы музыкальны —
Всі, повідам — окрем дяка.

Як нароком, в Гладышові —
Звил сой гніздо птах — соловій —
И співал сой пречудово . . .

Зо вшыткых стран ся сходили
Послухати того півця;

Навет еден осел пришол,
Здаеся, зо Смерекивця . . .

И гнет в кряках над парийом
Встрітил осел соловія,

Тай му сварит: “Соловію,
Ты маш гарду мелодію!

Хочу я ся прекопати
Ци акурат знаш співати?”

А соловій, як дитина,
Нич не гварит, лем зачынат,
Чудну пісню о недоли . . .

Як то кого сердце болит . . .
Смутно, ленто, модерато
И аллегро и штакато,
Як Шаляпин — дайме нато . . .
Осел слухал — спустил главу
И скубал сой злегка траву . . .

* * ** * *

Отмінил му наш пташына
И весело зас зачынат:
Як бы на клярнеті пискал
Иде нута звонка, чыста
И веселы, звучны трелі,
Якбы з цыганской капелі! . . .
Чути гуслі и цымбалы.

Присіл вітер на конарах
Вшыткы пташкы замолчали . . .
Кто жыл — слухал; младый, старый—
А и глухы тых слухали.
И наш осел — слухал, слухал —
Наконец опустил уха —
И повідат: “Соловію — я спів добри
Співаш не зле—але нута [розумію
Ищы не ест цілком чыста!
Ид до нашого когута,
Та тя навчыт — то артыста!
И як выйдеш з його школы,
Ліпше будеш співал коли!

Нич не рюк соловій на ослячы слова,
Лем забрал манаткы и втюк з Гладышов!

ВОЛК И ЯГНЯ

Право мают лем богаты,
 А бідак все виноватый . . .
 Най там гварит, як хце дакто,
 Але факт все буде фактом!
 Же то правда, а не лож —
 Легко прекопати мож!
 Лем тра байку послухати,
 О волку и о ягнати:
 Сталося то в нашом краю,
 В наших горах—гев, в Карпатах:
 (Стары люде памятают,
 Аджек и я тыж памятам!)
 Меж лісами, на поляні —
 Ту, як Угрин и Лабовец —
 Старый бача — Гриц Заспанный —
 Пас громадске стадо овец.
 Два псы стада пильнували
 Єден велький, другий малый. —
 Старый бача завсе дримал,
 Ай оба псы ради спали . . .
 Горяч была — солнце гріло —
 Ягня воды захотіло —
 И одышло до потока,
 Где вода барз не глубока.
 И воды бы ся напило,
 Преця воды доста было . . .
 Але біда завсе близко
 Откальси взялся волчыско!
 Треба было ся стеречы,
 Бо біда по світу ходит —
 А ягнятко бідне бечыт . . .
 Бо ся уж не напе воды!
 Тераз стоит близко смерти:
 Волк бо схоче го пожрти . . .
 Хоц и нема на то права!
 Але от чого устава?
 Мают люде “свод законов,”
 Ма тыж и волк право волче —
 Шкода — реку — обороны,
 Як волк схоче — то затовче . . .
 Волк зачынат:

“По тых стежках
 Не спацеруй, пане сьвьенты!
 Ту мой грунт — от крулья Лешка,
 Я мам на то документи!”
 “Зачым мі ся тади крутиш?
 И воду мі каламутиш . . .?
 Знай, же я за таку справу,
 Можу ти зорвати главу?!”
 На то ягня застрахане:
 “Велькоможный волку, пане!
 Я лем ниже все пю воду —

То мутити ей не годен!”

А волк на то:

“Ищы мі ты

Будеш в очы цыганити?!
 Што я повім — то мам раций,
 Так само, як Ліга Наций!
 “Знам тя добри, зо всіх овец,
 Же-с большевик — вьвротовец!
 Преця-с мі тамтого року
 Змутил воду в том потоку!”
 — Я ся лем на весну вродил,
 В лони ищы ем не ходил!”
 “То твой брат!”
 — “Не мам брата!”
 “Но то сват!”
 — “Не мам свата!”
 “Не буду я часу дармо тратил —
 Бо цілый род ваш ест проклятый! —
 Псякреф — стуль пыск бараня сволоч
 И травы мі не толоч!!
 Я хочу жерты — маш то знати
 И зато ес уж виноватый!” . . .
 И загрыз волк ягнятко мале —
 * * * * *
 Бача и псы спали — дале . . .

Сват.

МУЗЫКАНТЫ

Было то раз в Пассайку —
 (Уж буде тому пару літ,
 Як ем чул тоту байку,
 Може то правда, може ніт):

Пес, осел, кот и цап
 И дві цицковы телята,
 Звычайны собі звірята,
 Зышлися на митинк в гали
 И задумали
 Заложыти музыку
 В Пасса-ику . . .

Порадили,
 Ухвалили,
 О ноты ся постарали,
 Двои гушлі и цымбалы,
 Бубен, клярнет но и бас
 И оркестра ест як фрас!
 Настроили инструменты
 Бодай як, панічу сьвьенты;
 Посідали вшыткы рядом,
 Тот передом, а тот задом
 И заграли як гудаки;
 Але вышло им нияко.
 “Гальт! понове! вшытко кляп!

“Перестанте!” — гварит цап.

Зле сидите, неє ладу:

“Я сой ту с клярнетом сяду!

“Ты зас, осле, при ми сид,

“А за тобом сяде кит.

“Ты секунд за котом сяд!

“Єдно теля най ту грат,

“А ты Сукин с цымбалами

“Сунся гев и сяд за нами!”

Посідали и заграли

Але планно зас выпало . . .

—“Стап!” — пан осел крикнул зас —

—Не так буде: вперед бас,

—Бубен сяде за гушлями

—Цап с клярнетом за басами,

—И так буде ліпше — реку —

—Перше гушлі, а пак секунд!”

Посідали и заграли

И зас планно им выпало.

Такий вышол знате крам,

Же аж зглупіл осел сам!

Всі зачали ся сварити,

И кричати и радити

Уж вшыткого мали дос!

На то вшытко влетіл кос;

А гудаки ся встрашыли,

Бо думали, же то бос!

Але ся гнет спохватили

И гварят му: “Косе милый,

“Порад дашто бо-с грамотный,

“Жебы зме ся погодили. —

“Инструменты маме, ноты,

“Не бракує нам охоты —

“Як сам видиш, вшытко маме,

А заграли, не заграме! —

А кос гварит : — “Вы гудаки?

—Ніт, вы вшыткы сте бортакты!

—Не може быти музыки,

—Где сут самы капельники:

—Каждый глупый и затятый,

—Каждый хце диригувати.

—И хоц не зна одной нуты,

—То як дурак світом крутит!

—Жебы добри шла капеля

—Тра єдного учителя!

—Тра навчыти вас азбуку,

—Инструменты брати в руки

—Настроити и так дале . . .

—Жебы сте як посідали,

—Не суцы сте до музыки

—Не помогут жадны крикы!”

Сват.

Треба Нам Школы

Ваньо Березина — наш лемко — повідат:

Же світ то єст школа, а учитель біда!

Я зас на то повім, Березино, друже,

Же той “бідной школы” маме уж задуже!

Преця тота біда — долший час нас учыт

И своим науком мало не замучыт! —

Хоц нас долго вчыла — все зме самы такы,

Якы пред віками — руснакы-бідакы . . .

Русскы школы нам потрібны

В нашом родном краю —

Маме преця людей здібных,

Най нас навчают!

Треба нам народной школы,

Треба и гимназий,

Бо и мы тыж європейці,

Не Калмуку з Азії!

Біда лем нас все учыла

Робити — як волов —

Боже хрять от той науки

И от такой школы!

Мы хочеме працювати,

Але лем на себе!

Най и лемко, уж раз преця,

На верх ся выгребе.

Не будеме завсе темны и мусиме мати школы,

Бо нам нашы суверены на головах тешут
колы!

Сват.

Лемковскы Приповідкы

21. Не роб языком — а руками!

22. Не тота газдыня, што гварит — а
тота, што істи варит.

23. Не провадте осла до жерела мудрости
— бо и так го розума не научыте, а ищы
вас може подорозі копнути.

24. Тот, што нич не зна — вшыткому
вірит — або ничому.

25. И дурак ма кус розума — як зна, же
дурный.

Нухимова Молитва

(Правдивый образок из сельського жытя)

В самборском-повіті, межы другыма нашыма русскыма селами, лежыт и наше село П. Село невелике, так около двіста хыж.- В середині села величава церков, богато украшена. Єст и школа, тай была и чытальня им. М. Качковского, богата в библиотеку, але война зни-

литвы знал на память, ліпше, як другы діти.

Коли Нухим покончыл сельску школу, Сруль выслал го до міста, робити у єдного богатого жыда склепника — а коли вернул в село, то уж зачал ходити по селі и скуповати яйця, клоча, потом телята, зерно. Уж и старому Срульови, почало ліпше ити, так што наполнил склеп товарами; поправил хыжу, прибудовал велику комнату, где зачал продавати горілку, табак — купил от сусіда великий огород, в котром побудовал господарскы будынки. Нухим престал уж ходити по селі за телятами, але куповал уж коровы и волы у панов по пару сот ринских.

За пару літ так ся Срульови подвіря змінило, што не мож го было познати, а газдовство поднесло, што аж ся люде чудували.

Коли уж старый Сруль так збогатіл, та гварит до Нухима, своего найстаршого сына:

— Ну, Нухим, женся! Але як во вшытком отец с сыном годилися, на женячкі якоси не могли погодитися, бо старый хотіл, штобы Нухим женился у богатого жыда, на другом селі, котрый тримал корчму и панский фольварк в аренді, на котром робили наняты робочы, а Нухим хотіл женитися в своем селі.

На краю села жыл жыд Лейба, котрый не занимался торговльом, а жыл из газдовства, як и русскы люде. Лейбовы діти знали всі орати, сіяти, косити, грабати, ани им руснакы не могли доровнати в газдовской роботі. Одна Лейбова дівчына, Сура, была правдива красавица. Як ишла в поле жати, або грабати, то як зачала співати по русскы, то был бы никто не повіл, што Сура жыдивка. Нухим, коли ишол за заяцами, то нераз на роком заходил до Лейбового сусіда и пресиділ годинами, жебы лем хоц здалека, на окно Суру видіти. Але Сура цілком на Нухима увагы не звертала, а гуляла з русскыма хлопцями, ци то на весілю, ци на музыкі. Коли Нухим тото виділ, то нераз пейсы рвал з жалю. Але потішался, што може, як бы поговорил з Лейбом, то Лейба даяк розгварит Сурі и постановил поговорити з Лейбом и так зробил. Но Сура и так от

щыла чытальню.

Населеня того села руске, называт себе русинами. Из других народностей был всего еден поляк, коваль и штыри жыдовскы родины, котры торгували горілком и міщаныма товарами, котры для села потребны.

Еден жыд, Сруль, был дуже бідный, як я запамятал. Мал хыжыну похылену до рікы, морг поля коло ней, єдну корову и коло пол дозина потомков израиля. Держал склеп, як у нас называють, але в том склепі мал заледво яких 10 топок соли, пару фунтов цвьяков, три штыри гальоны нафты, бляшаночку попряю, другу цукерков, кус цукру и других дробязгов и то был цілый их маеток.

Найстарший Срульов сын звался Нухим (зме го звали "Мухим"). Был то жыдоқ высокого росту, чорнявый, тонкой твари, мал гроха кульбаковатый нос, кучеряве волося и пейсы, а коли му почала рости борода, то и кучеряву бороду, веселы чорны очы, котры быстро оберталися в голові, усміхался завсе тем єдном стороном лица.

От маленка почал Нухим ходити до школы разом з русскыма дітми и учылся дуже добри. Учитель не мог ему такого пытаня задати, штобы Нухим не отповіл, або таку задачу задати, штобы Нухим не выробил. Своим товаришам Нухим хвалился, што тота книжка, з якої училися, для него замала и не ма што робити в школі. Пожычал библию, катехизм у других дітей и чытал нашы молитвы и скоро вшыткы нашы мо-

него сторонила, хоц Нухим накупил ей дарунков, купил ей таку сукню, як носят богаты пані в місті, но и то нич не помагало.

Нараз рознеслася віст по селі, што Сура любит Мельникового Ивана и хоче з ним іхати в Америку, где маюцца побрати. Коли тото донеслося до Нухима, то Нухим ходил як струтый, плакал, йойкал, не іл ничего, высох як дранка, повідал, што собі смерт зробіт, як Сура поїде до Америки. Виділ тото старый Сруль, што сын сходит нанич и хоц то для него не было барз гонорово, выбраля до Лейбы и почал Лейбі и Срульови представляти и просити и нагваряти и прекуновати, што ей не треба Америки, бо он, Сруль, а и Нухим, уж богаты.

— На што Сурі поневератися по світу, коли ей може и ту добри быти и нам и вам може ліпше быти, бо Нухим добра голова, знае гешефт. И Сура далася намовити, роздумала, што Сруль мае правду, на што ся ей мучыти ци ту, ци в Америці, коли Нухим мае маеток, робити не треба, бо будуг роботники робити? И вышла за Нухима . . .

Коли Нухим оженился на Сурі, то был такой счесливый и веселый, што ани познати го немож было! Здавалося му, што цілый світ его. А Сурі купил и принюс, што лем захотіла. И Нухим и Сура жыли счесливо и богатіли.

* * * * *

В том селі, в котром жыл Нухим зо Суром, люде жыют так, як жыют и по других селах. Коли на весну природа зачынат будитися, жабы по мочарах зачынают рахкатати, то люде починаят тыж выходити зо своих хыж и начинаят так як и жабы сваритися, найперше на межах, потом на сіножатях, в садах за ябка, всяди живо. А як подходит осін, то люде помалы утихають, не сварятся, а начинаят едны з другыма помалійше и ласкавійше говорити, якбы не тоты люде, што в літі. А коли сніг покрыве землю, природа засыпят, люде сходятся до купы из цілого села, якбы една родина. Стары сходятся до корчмы, або до даякого склепу, а молодеж знов до чытальні, або на вечирки, до такой хыжы, где не жалуют нафты, бо нераз так было, што и нафты жалували. Тай стары як зачнут оповідати о страхах, то нечыстых духах, чаревницях, о тых, што по смерти ходят, што ся повісили або утопили, так, што аж нераз лысому во-

лося на голові стае. Як бы так німецкий солдат почул, то кто знае, ци бы не утік з машыновым гвером, а може бы лишыл и велику армату зо страху.

Так преходили зимовы вечеры в тых селах, где не было ищы "украинства," того рака, котрый точыт русского дуба. Коли пришло тото "украинство," то люде не мают спокою и в зимову пору, бо мусят розбивати собі геловы, часом и родны братя.

До Нухимовой корчмы сходилися вечерами старшы и паробкы, бо там можна было выпити и закурити, кто мал грошы, а кто не мал, то ся призріл на других, як пили и курили, послушал даякой байкы и пишол спати. Нухим и Сура мали такой звычай, што обходили каждого еднаково и не гніввалися. Мали уж дас пол дозина дітей, всі были здоровы и красивы, лем же ни одно не было подано з лица ни на Нухима, ни на Суру. Не раз газдове жартували:

— Мухим, што то таке, што ваши діти на вас не поданы? —

А Нухим сміеся и гварит:

— Ну, вы мене не пытайте, а Суру, она знае, якто оно ест. Лем най она здорова и діти здоровы и добри ся учыли, то буде вшытко гит . . .

И добри учылися тоты Нухимовы діти: Трое старшых уж в Самборі до гимназии ходили . . . Сура барз рада была с паробками жартувати, але Нухим ся зато на ню не гніввал, бо Сура пильнувала вшыткого газдовства. До помочы тримала паробка и дівку, а до худобы пастуха. Служба Суру тоже любила, бо Сура давала им тоту страву и хліб, што сама іла и не боронила им в неділю до церкви, ци на музыку:

— Зробте свою роботу и идте и гуляйте, як будете стары, то не будете гуляти — повідала им Сура.

Нухим знов, мало коли был дома, бо купил ліс у пана на другом селі. Ліс роботники рубали на материял до будовы, котрый не придатный до будовы, кололи и складали в сягы.

Едного осінного дня, коли Нухим доглядал работы, зачал падати сильный дощ и такой мерзнути. Роботники, едны поутікали до дому, другы мали в лісі колибу, то ся схоронили там, а Нухим пустился до дому. Но дощ почал што раз ліпше ляти и коли Нухим пришол уж коло цисарской дороги,

хоронился под смерека, бо думал, што дакто поїде, та го возме до его села. Но не іхал никто, а ту дощ уж и смерека премочыл, так што не было другого виходу, лем ити піше. А ту до дому была добра миля, дул зимный вітер, сїк водом, котра такой мерзла, ноч темна. А ту собі Нухим пригада готы страхы, о котрых оповїдали стары газдове в корчмі, то аж мороз по скорі пішо. Але пустился Нухим ити и зробил еден, другой крок, а ту бе го штоси по холявах. Выразно чути, якбы кто дранком го вдарил. Што зробит крок, а его по холявах ктоси ударит. Аж ся му тепло зробило. Бе и бе по холявах . . .

Нухим почал молитися, але бе по холявах. Уж отмовил вшыткы свои молитвы старо-завітны, якы лем знал, нич не помогло, бе гай бе по холявах. Лем жебы по голові не вдарило — думат Нухим и почынат молитися по русскы, бо знал праві всі молитвы, гай співы. Але и русска молитва не помагала, бе и бе по холявах. Аж пришол коло каплиці, котра стояла коло цисарской дорогы. Припомнул собі Нухим, што як раз ішо. коло церкви, то люде клячали и співали “Херувими тайно.” Клякнул и он, як гварил, под малу церков, взял плащ на голову, стиснул под бородом, клячѣт и співат “Херувими тайно” . . .

А коли ся налячал и наспівал “Херувими гайно,” встал, стиснул ліпше плащ на голові и так, співаючы по дорозі “Херувими тайно,” пришол Нухим до дому. Уж от каплиці нич го по холявах не било.

Пришол Нухим до дому барз прешрашений, змученый, співаючы на силу “Херувими гайно,” што аж захрип. На другой ден, коли газдове пришли до корчмы, Нухим повідал им, як його страшыло:

— Жебы не тот русска маленка церков три дорозі и тот русска пісня “Херувими гайно,” то я уж бы не жыло — повідал Нухим.

Газдове сміялися з Нухима. Повїдали му, што то рогы его плаща, в котры стїкала вода, замерзли и било по холявах, а коли зял плащ на голову, то го прештало бити. Нухима страшно так гнівало:

— Ну, який гой мудрый, он вшытко знае, нич ся не боит, як ничего не видит. На голові має соломку, а в голові полову, чужого не научылся, а свого не знае, а мене,

жидови, як не поможе своя молитва, то поможе русска, бо я обі знам — потїшался Нухим.

Стары то скоро забыли, але коли о той Нухимовой истории довідалися діти, то Нухим не мог от дітей одогнатися. В зимі ищы нич, але коли пришла весна, то Нухим ищы столько дітей не виділ. Цілыма громадами приходили под корчму и співали “Херувими тайно.” Где лем Нухим появился в селі, уж чул “Херувими тайно.” Ишо. через поле, пастухы співали “Херувими тайно,” аж на друге село было чути. Нухим бил дітей, просил, скаржылся родичам, нич не помагало. Чым веце гнівался, тым веце співали “Херувими тайно.” Лем “Херувими тайно” . . .

Наконец Нухим придумал штуку: Одного літного дня набрал Нухим в кышеню дробных центов, вышо. в село, сїл под вербу над річку. Діти уж зачынают співати “Херувими тайно.” Преспівали раз, Нухим усміхнулся и кличе їх. Діти боятсѣ, жебы их Нухим не бил, але Нухим гварит:

— Ну, не бойтсѣ, вы красно співате, нате вам зато по грайцару.

Діти попозерали по собі и взяли от Нухима по грайцару.

— Ну, заспівайте ищы, але красше, я вам дам по два — гварит Нухим.

“Херувими тайно” — заврещали діти . . . Отспівали, Нухим им дал по два грайцари, а тым, што планше співали, або и цілком не співали, дал по три. С того діти зачали сваритися:

— Тот не співал, та чого му даете аж три центы? Так Нухим повторил з дітми пару раз, аж потом повідат, жебы заспівали и так, бо уж веце грайцаров нема.

— Мы задармо не будеме співати — вырвался найзавзятїйший. — Як заплатиш, Нухиме, то ти заспіваме — гварит другой.

— Ну, як буду мало грайцары, то я вам заплачу.

— Зараз заплат. Инакше не будеме співати.

И так, Нухимовы співакы вышли на страйк, а Нухим ходит по селі и уж никто му задармо не співат “Херувими тайно.”

* * * * *

Был бы я забыл совсім тоту Нухимову молитву и тоту дитиняче “Херувими тайно,” якбы не депрессия. По причине депрессии в нашей парафияльной кассі бракло гроша,

выплатили мы батюшкови остатні центы, што были в кассі. Люде без работы, коллекты не дают. Батюшка подался о другу парафию, але ищы жые в парохияльном домі. Зато в неділю або свято до церкви не иде, лежыт собі на постели догоры живо-

том, ноги выложил на стіну. До церкви не пиде, співати не буде. Вышол на штрайк, як Нухимовы діти.

Андрей Стефанишин.

BENLD, ILL.

Пригода Газды з Бандитом

На ярмаку продал быка
Газда, Гриц Мотыка:
Грошы сховал за пазуху,
Шапку втяг на уха
И голову втулил в плечы,
Хотіл ся стеречы,
Жебы дакто го не познал
И не взял пінязи,
Бо то, знате, гнеска хоц-кто
По дорогах лазит . . .
А уж поздно ишол з міста
И нюс злотых триста,
То ся боял, же бандиты
Можут го забити . . .
Та не ишол уж по пути,
Лем на стежкы скрутил . . .
Але так планно выпало,
Бо ся уж змеркало . . .

* * ** * *

Правда, мал пол дороги,
Але ослаб сильно —
Уж го барз боліли ноги,
А ту треба пильно:
Трах! Стрылило с поза жыта!
Наш Гриц ся озерат,
А пред ним стоит бандита,
На Грица позерат: —
“Дай піньондзе — ты русіне,
“Бо це смерць не міне!
“Як не отдаш подобрему,
“Забіе, як сьвіне!”

* * ** * *

Видит бідак, наш Грициско,
Што смерт уж так близко,
Думат: “Ліпше грошы дати,
“Як марно вмерати . . .”
И бандиті так повідат:
— Видиш, же я бідак —
— Смерти не хцу, воз си грошы,
— Лем тя едно прошу:

— Повім я до моеї жены,
— Жем был подстрылений,
— А не буде в гунці діры,
— Жена не даст віры.
— Стрыляй в гуньку
— Аж ся скурит,
— Жебы были дзюры!
— Гунька лежыт, а ты ноле,
— Воз в руки пистолет!

* * ** * *

“Добже” — гварит старый бандит
И пукнул с фузии,
А з гунькы аж піря летит
При той okazji. —
— Планно — гварит Гриц Мотыка
— То замала діра —
— Моя стара, герод баба,
— Ищы не повірит!
— Стрыляй ищы раз, а ліпше,
— Стрыляй без пардону!
“Юж не моге — гварит бандит,
“Бо немам патронуф . . .”
— Што? Ты не маш уж патронов,
— Ты кривый покрако!

* * ** * *

И давай же окладати,
Бандиту бучаком!
— А ты фрасе, козій сыну,
— Уж не маш набоів?
— И ты мыслиш, же я руснак,
— Буду ся тя боял?
— Отдай мои грошы дораз,
— Ты старый хырляку!
— Бо як ні, то раз бучаком!
— Забю як собаку!
А бандита зблід зо страху
И о нич не пытат,
Шмарил грошы, а сам вногы,
Втюк назад до жыта . . .

Кто Повіст, што не так Было?

ДАВНО, дуже давно то было, ищы як -я был паробком, мой дідо втоды ищы малый был, а няня мого втоды ищы на світі не было и мы, оба з дідом аздували:

Были у нас дві пары волов, една чужа а друга не наша, было у нас свое поле. Як пришла ярь, тямлю як гнеска, на самого Паса, пишли мы з дідом орати, запряг я свое псичат до дышля, а дві козы вперед их, привязал козам до хвоста хліба, а вперед коз привязал грабанку сіна. Псичата за хлібом, а козы за сіном, то так тягнули плуг, што ани бича не треба было. А баба, тай здрава буде на тамтом світі, вынесла нам на обід сушеного борщу и свіжих пельмогов. Дідо взял еден перог на коліно, зачне го ламати, ани руш. Потом заложыл го до колеса межы спиці и што сил зачне го ламати, цілым возом рушати, а перог ани руш. Мы з бабом виділи, же дідо перогови не даст сам рады, пришли зме обое, тримаеме а воз, а дідо як гепне с цілой силы, то аж пліцу выломил, а перог остал цілый. Я смотрю, смотрю на тот перог, а он кус на середині накололся. Взял я, затесал клин на той спиці, та як обухом зажену, то перог на двое! А з него як не выскочыт волк, та просто до миски з борщом, лем фалі по мискі поплыли, а он собі плавле. Смотримо до перога, а волк вшыток сыр с перога выыл . . .

А то было так: Баба была уж старенька, го не довиділа добри, та як цідила молоко, ситко было дост рідке, то волк прешол през ситко и до молока, а пак до сыра, а зо шром до перога. Поорали мы и посіяли, іли на меджу и ждеме: Посходило наше зерно, ровне як вода, густе як кожух. Дідо повідат: “Ждийме, покаль зерно не притане, то уж такой, за едным разом и скоиме и забереме до стодолы. Остриме косы, мотрю, а там Босый біжыт. Гварю дідо: “Смотте діду, Босый з дому біжыт!” го был у нас, знате, куцый пес, што зме го звали Босый. За молоду ся хотіл у сусіда женити и там пристап, тай позбылся хвота.

Коли Босый взрл волка в борщы, як не кочыт до борщу! Але волк выскочыл з

миски, тай в ноги. Якоси завадил за кися и так зручно, што повлюк за собом косу, а пес тыж за ним, захопил за собом граблі и як зачнут уганяться по полю, волк косит, а пес грабле, што вшытко покосили и пограбали. Вол втюк до ліса, а пес привлюк за собом под граблями цілый наш урожай. Мы з дідом дораз звязали зерно в снопы, склали до копы и полігали под копом, жебы дакто в нocy не закрал нам снопов.

В нocy поднялся страшный вітор, котрый почал рвати нашу копу зо всіх боков. Што ту робити? А дідо як заплаче, бо был ищы барз маленький, то был дуже плаксивый, так жалобно заводит, аж волося вяне:

— “Світе мой сіренкий, счестя мое пляскаете, та што мы тепер будеме робити” Але я взял скоро вилы, тай надставил против вітру, а дідо вхопил мішок и надставил тыж против вітру и вітор встрашылся, тай до мішка. А дідо скоро завязал и як не зачне го колінами дусити, то так дусил, аж в мішку нич не остало. Дас десят місяцов того року вітер нияк не дул, так зме му з дідом порадили.

Забрали мы зерно до боиска. Треба молотити. Правда, у нас были двои ціпы, але обои без капиц. Забаглося вам бабі раз студенины, тай взяла познимала капиці с ціп и зварила студенину. Але зме якоси вымолотили и без капиц. З молотьом зме не мали клопоту, бо баба наша так языком молола, што мы з дідом не могли подоляти муку отгартати.

Молока зме мали дост, бо вшыткы куры ся нам доили, то зме выкопали в земли глыбоку яму и до той ямы зме зметанку зливали и так масло робили, котре зме оба з дідом носили до міста, на ярмак.

Вертаме мы так раз з ярмаку, темна ночка. Я уж такой был змученый, штом не мог крока зробити, ноги як деревяны, болят так, што аж не мож нима рушати. Дідо гварит:

— Ты дурный, хоц ес и старый! Воз свои ноги на плечы и так ид! —

Я послухал дідовой рады, взял свои ноги на плечы и так мі злекшало, як бым на світ народился. Идеме идеме, напوماцкы, бо нич не видно, нияк не можеме до дому трафити.

Бідкаме, прислухуемяся, чути деси дзвона . . . А знате, в нашом селі на дзвониці был такий еден великий дзвон, што як ним зазвонили на Риство, то аж до самого Великодня голос иде! А дяк у нас так співал, што як чытал в церкви псалмы, то двох хлопов лопатами голос отгартали

Так мы ишли за голосом звона и пришли просто до свого села. Приходиме до хыж, баба нас радостно витат, поздравлят діда зо сыном, а мене з няньом.

Мы зразу думали, же она жартуе. Але коли я добри посмотріл, вижу, што напавду няньо народился! Мы всі радостны! Я беру няня на руки, а он мене зараз еднов руков за волося, а другов, пястуком бе, што сил, по носі. Розуміеся, што я йому вшытко пребачыл, бо хоц он маленький, але все-таки отец, мае право над дитином.

— Но — повідат дідо — тепер будеме справляти крестины, ты бїж на село, запрос людей, а я буду обїд готовити. —

Насходилося люда, дідо за столы, носит миски зо соленом водом и ставлят на столі, тай припрошуе:

— Ічте, людонькы, ічте, сербайте юшку, на споді и рыбка буде. Люде хлипают и дякуют дїдови, так щыро дякували и дїда обнимали, што аж му ребра поламали.

Потом, як уж няньо подросли, то зме дали дїда до школы, бо он был у нас неписменный. Правда, дїдо и тепер в школі учытся, а все неписменный. Через пару літ, у мого няня родилося ищы трьох сынов. Всі три были дуже здатны. Правда, еден был сліпый, другий майкут, а третий кулявый. С того сліпого был найліпший стрілец, з майкута найліпший майстер, а кулявый заяцы імал. Раз так, коли зме были вшыткы в полю, смотриме, летит заяц. Лем ся раз за ним пустил тот кулявый, уж го мае. Дідо гварит, будеме печы! Ба, та коли огня не маме . . . Выслали мя даде за огньом.

Иду я, иду, зашол я глубоко в ліс, а огня нигде нїт. Смотрю, а ту, среди ліса, на поляні, пасіка стоит. При едном улию стоит медведиско и мюд выберат. Аж ту летит “матка” и далі до медведя! Як ся вам обоє схватили, як ся зачали дусити, то аж кости трищали. Матка виділа мене, тай гварит: “Помож мі, дам ти цілый улий меду!” Медвїдь кричыт: “Помож мі, дам ти три улии меду! Розуміеся, же ліпше три, як еден! Як зме оба з медведьом стиснули пчолу,

як зме ей почали окладати, то лем з ней паздзіря летіло . . .

Дал мі медвїдь 3 улии меду, я забрал на плечы и пустил ся дальше в дорогу за огньом. Прихожу я над едно озеро, а пити ся мі уж барз хотіло. Думаю собі, ту ся напю, але ліпша вода буде, як бы ей осолодити. Взял я и пустил тоты 3 улии до воды. Вода вам така солодка, добра! Напил я ся, смотрю, а ту розмайта птыця злітуеся и так пе тоту воду, што напиться не може. Вшытку воду вам з озера выпили и стали пяны. Так ся тота птыця опила, што ани ся рушыти не могла. Я набрал птахов, назапыхал поза пояс и пошол дальше сірников глядати. Але як ся тота пташына преспала, одул ей свіжий вітер, як перхла, то мене до горы порвала, ани ем не мал коли подумати. И летят зомном, летят, аж выше неба. Вижу, што ту не жаргы и зачал я поедного птаха з запояса вытігати и коли всіх вытяг, лечу долину и впал просто на небо:

— Ага, думаю, то ту.

Встал я, смотрю, чудны чуда на небі! Вшытко там ест, ту сад прекрасный: На едном дереві сніг росне, на другом дощ и дробный и грубый, якого кому треба, на третім дереві мороз росне, такий острый, аж трїщыт. Смотрю дальше, великий двор: там самы майстры: там ковале громы куют, ту блискавиці крешут, там вітер и бурю гонят. А посередині того двору стоит величезна хыжа, з вітром полна, в ней самы діры, позатыканы онучами. Хыжу тоту стереже старый дїдо, жебы дакто не вытяг затычкы, або двери не отворил, дїдо не видит, то мацят, ци вшытко в порядку и часом ненароком рушыт затычку, тай втоды як ся вырве вітер, то так дует, забераат вшытко, аж покаль дїдо не намацят тоту діру, што зас заткат и вітер мусит сидіти.

Думаю, як бы то вернути назад, ку няньови и дїдови. Иду до саду, стаю под тым сніговым деревом и почиам сукати зо снігу мотуз. Ссукал я такий долгий, предолгий мотуз зо снігу, уж думаю, же аж до землі достане.

Было то уж вечером. Привязал я тот мотуз до дерева и спустил на тото оконце, што сонце през него світит. Тай спущам я ся спущам на долину, аж ту деси на самой средині захопила мя ноч и думаю собі, же ліпше ту пренучую, межы небом и земльом, як мам ся даде там на землі в нocy

врати и блукати. Люг я там и заснул. Ік долго я спал, то не знам, але коли я я збудил, то был день и почал я спущатися але. Аж ту и мотуза бракло, так я з горы мотуза врзгал, а долину надставил и так ся пушам. Аж коли сонце пришло до свого кенця и почало світити, то мой мотуз почал ечы. Оно не знало, што мой мотуз там перепалило го и я ся одорвал, тай летіл летіл и то с таком силом, што як ем упал а землю, то аж ем землю предіравил и бымыл полетіл в бездну, але на счестя мотуз авадился деси о землю и я счестливо выдраался назад на землю.

Няньо зо сынами уж чекали на мене. А дідо пришоу зо школы, на вакаци. Я повідам им, што ся зомном стало, што я иділ и где был, а дідо повідат, же то ниче чудно, же там, где он был в школі, то у не таке показували! И як зачне нам оовідати, як то было:

— Єден газда — гварит — из цілого світа віров и птахов полапал и вшыткых до едноо човна впровадил по парі: Были там раом волкы и бараны, псы и заяцы, куры и стрябы, серны и тигры, львы и елені, коты мышы и вшытко то кормил на воді через орок дней и сорок ночей.

Або: Ходил собі єден подорожній понад оду, понад море, лем раз приплыла велика ыба ку краю и поглотила го живого. И ыл там тот подорожній в той рыбі три ни и три нocy и уж ся добри загаздовал ходил собі, як по парку. Бідну рыбу усіла от того барз голова боліти, тай взяла, одплыла назад до берега, тай го выригнула. ай тот подорожній пишоу собі до дому о сміхом, што так рыбі през розум прешоу.

Третий газда мал молоды коні, а же добри х ховал, то такы были ручы, што як их апряг раз до воза, то ани ся землі не доыкали и забыли собі, же по землі летіли, ак што полетіли з брычком в гору и приесли газду аж до неба.

А єден генерал, в одной войні хотіл зарати єдно місто, але же было пред вечером не мог справитися до вечера, взял дручок, ышоу на гору и подпер сонце дручком, окаль не забрал місто . . .

Оповідат так дідо, што му в школі повіали, мы слухаме, аж зме гамбы поотверали, я смотрю, а заяц лежыт непечений, бо рников нїт.

Втоды мы ся всі розышли за сїрниками по цілом світі. Я пришоу аж в Америку и стал роботником — без работы.

А заяц то там лежыт до гнеска непечений. Подал

Лемко Роботник, Гарфилд, Н. Дж.

ПОПОВЫ ДЫНІ

У поповой загороді, дыні зародили: Не одного, што их виділ, до себе манили. Найбарже нашого Ваня; он тади преходил И нераз собі в голові он таке выводил: “Хоц бы єдну таку дыню для себе достати, “Але біда, же ся треба с того сповідати. . . . “Хоц я думам, же не мушу тото повідати, Я сой возму лем так, єдну, жебы скоштувати” Тай взял єдну под пазуху и принюс до дому: “Звар-ле жено на вечерю, не повіч никоу! Покоштувал Ваньо дыню, дыня добра была; Зашоу в нocy, дыні забрал, где лем яка была, Лем вшыткого барз маленька там деси остала, Бо не нашоу ей наш Ваньо, бо темнота стала.

* * ** * *

Кажде рано наш поп любил выйти в загороду, Посмотріти наоколо, ци нема где шкоды: Смотрит, а дынь нема! Хватился за главу, Штоси залял по латині, аж ся му зле стало. Вхопил тоту малу дыню, несе на клібану, Кричыт на всіх и на челяд и на свою паню: Чом то они тоты дыні сами не забрали, Як не брали, то чом же их не допильнували?

* * ** * *

Але в попа голова не мыдьяна баня: Взял он дыню до церкви и гварит казаня. Вышоу собі на амвону, тай почал кричати, Як то тяжко люде в пеклі будут скреготати, А найтяжше будут тым чорты в пеклі класти, Котры любят за жытя все дашто украсти. . . Хоц поп не зналоу кто вкрал дыні, але удаа штуку,

Же он вшытко знае сам, бо он ма науку! Лем не хоче его имя тут вывеличати. Кто он такий, зараз даст го людьом познати. Тай взял дыню до руки, вказуе навмысне, Же тому, кто взял дыні, тому в чело трісне; Тай с том дыньом у руці добри розмахнулся, А наш Ваньо зо страху дораз похылился . . . Всі ся люде засміяли, бо зараз познали, Же то Ваньо и зо женом попу дыні взяли . . .

Цирка.

Капраль Асафат

ВУСТЬЮ Русском, в одном из найкрасных сел Лемковины, жыли собі около осемдесят літ тому назад, паробок Ваньо и дівка Макрина. Обое лем по службах ходили, бо свого куска ґрунту не мали. Як знате, каждый паробок хочеса женити и каждая дівка хочеса выдати и каждое доберат собі пару, богатый богату, бідный бідну — богата богатого, бідна бідного. Богатый женится на бідной, або богата выдаеся за бідного лем в книжках и повіданках в днешних часах.

Так и Ваньо и Макрина нашлися, звязалися и поженилися. И недолго ждали на першу потіху, на сына, котрого егомось окрестили и дали му мено Асафат. О том Асафаті буде ту история и то дуже интересна история и правдива история.

Так Ваньо и Макрина, коли поженилися, спомоглися якоси на хыжку и на козу, тай ходили по роботах у газдов. Маленькому Асафатови робили на полю колыску с плахты, на приготовленных коликах, котры все за собом волочыли. И як рано положили го до той колыскы, то лем раз в полудне зазрили, а рещту дня Асафат кус спал, але веце врещал. Не было коли ходити и пестувати го и дома. Шмарили на дощыска прикрыты соломом и най там лежат.

Але Асафат с того собі нич не робил, лем рос и кріп, як и тоты діти, што в перинах роснут, а може ищы и ліпше. Коли уж почал ходити, то уж му ліпше было, бо до того кута ишол, до котрого хотіл и бавился с козлятами. Але о три рокы знов им уродилося дівча, котре окрестили Аквильом. Хоц их не барз тішыло, але и не смутило. Ваня якбы и потішыло, бо гварит до Макрины:

— Хвала Богу, уж наш Асафат не мусит бавитися с цапками. —

И роснут діточкы. Асафату уж 7 літ.

— Треба го дакому дати гуси пасти — гварит Ваньо до Макрины.

— Та треба го дати, най си заробит на ідло — згодилося Макрина. И пас Асафат межы людми найперше гуси, потом ягнята, пак уж и коровы. Але деси выкарался барз

смільый, завадияка, до каждого ся поставил, Ваня и Макрины нич ся не боял, як му дашто гварили, наказували, то ся з них сміял. А уж найбарже любил докучати жыдам и цыганам, тых уж спокойно през дорогу не препустил.

Иде раз червеньый Абрам з Білянкы з яйцями, а Асафат пас коровы под берегом. Увиділ жыда и до него з бучаком, застал му як раз на лаві през воду:

“Абрам, дай ми три шусткы на дуган и колач!”

Жыдиско посмотріл на хлопчыска и гварит:

— Ну, ты смаркате хлопчыско, нашто тобі дуганы? Ты лайдак! Я твому няня повім!

— “Ты глупый каштане, я няня не мам...”

— Не маш няня? То ты без няня ся уродило? Фе! — А Асафат кыйом жыда:

— “Я мам няня — спохватился Асафат.

— Маш няня? То твой няньо казал старого жыдка бити? То такой твой няньо!

— “Никто ми не казал, лем дай ми три шусткы, бо тя зопхну до воды...”

Абрам видит, што не порадит с хлопчыском, як му не даст три шусткы ищы направду го до воды зопхне. Вынял и дал:

— На маш тоты три шусткы и най ты хороба возме!

То была перша Асафатова проба, як то легко можна прити до гроши. Правда, жыд ходил по селі, просился, чый то тот хлопчыско там пас коровы при білянкой ґраницы, але не довідался.

За якийсь час взял Асафата егомосьць пасти худобу. У егомостя было ей около 35 штук.

На Матку Божу дала імосць Асафатови кныш и велику гомивку, як то звычайно дают в тото свято пастухам. Асафат схвал кныш и гомивку до торбы, выганят статок, але як ся не ял едной коровы, так званой Каськы, як не зачне бити, кричати и проклинати, то аж імосць вылетіла на обору:

— Што ты робиш, Асафат, та чом так корову беш?

— Та прошу імосці, я ту лишыл на оборі кныш и гомивку, а тота колера мі зіла, смотте, лем окрушыны остали!

— Та почкай, я ти дам другий кныш и другу гомивку, а жывину не бий! — И дала му імосць другу мериндю.

Едну мериндю занюс Асафат няньови.

По задушной суботі, або по св. Николаю, был час великой покуты для челяди на клібані, бо то знате, люде назносили до церкви цілы стосы хліба и тот хліб мусіла челяд істи цілый місяц, стравы даякой мало дали, лем тот хліб мусіла істи. Наконец уж им приходило до плачу. Раз зробили штрајк, уж при конці місяца повідают, не будеме уж тот хліб істи. Егомосць ся барз позлостили, тай гварят:

— Добри, як не хочете, то не ічте нич, а ты Зося дай завтра поросятам по два хлібы каждому.

— Добри — егомосць.

А было тых поросят 14 штук. Але Асафат не чекал, коли Зося даст по два хлібы поросятам, встал додня, наладувал великий кош хліба на поді, знюс и занюс пацятам. Зося тиж занесла каждому по два. А коли вечером хотіла зас дати по два, смотрит, а вшыткы пацята вытягли ноги от того хліба. Плач, нариканя, егомосць злы, але пропало, не порадят.

Раз здох егомосцьови когут. Гварят Асафатови:

— Воз того когута и занес цыганам, они то зідят. — А когут был, як теля. Взял Асафат когута до мішка, вложыл ку нему старого котиска и иде на ярмак, бо якраз в тот день был в Устью ярмак. Приходит ку жыдови, што мал крам на ярмаку, тай шепче му:

— “Слушайте-ле, я вкрал егомосцьови когута, ноле восте

Жыд взял в руки, поважыл собі в руках, чуе, тяжкий когут и рушатся, тай звідуеся:

— Ну, а што ты хочеш за тото когут?

— “Нич лем пять следзів и еден хліб и воз собі когута. Жыд дал му хліб и штыри следзі. Вечером жыдиско збератся до дому, створит міх, а ту котиско выскочыл, мало жыдови очы не выдер, мацат когута, а он здохлый:

— Ай, вай! Не дуже думал, лем біжыт

просто на клібанію и поціловал в руку егомосця, тай гварит:

— Прошу ксендза пробош, ваш слуга продал мі здохлого когута?

— Та што-с му за него дал?

— Штыри шлідзь и еден хліб.

— А тоты следзі жывы были?

— Якто жывы? Не было жывы. . .

— Но то што хочеш? Ты за здохлы следзі хотіл живого когута? Не маш кривды, жыде — розсудили егомосць и так на том остало.

Потом пригрозили Асафатови, жебы того веце не робил.

* * *

Послужыл Асафат якисый час на клібані, тай гварит по едних Выдохцах, што он уж дост моцный, пиде в світ хліба глядати. Дали му егомосць 15 ринских и одежу и с тым Асафат выруковал на угорску страну. Уж там не глядал службы, лем ідналися на дневный заробок. Повандрувал деси аж на мадыяры и там робил при мулярах, подавал цеглу, мішал пісок. При тых мадыярах научылся розмайтых штук, цыганити ліпше, в карты грати, ворожыти. Але якоси ся му зоцло за руснаками, та вернул назад в горы, межы угорских руснаков, хоц там тяжко было дашто заробити. Думат собі, же треба буде даякой службы глядати. Вышпекулювал, што ліпше бы было ити на службу, яко дівка, може бы даде на клібані або у жыда, все лекша работа, як за хлопа. Купил собі дівоцку одежу, а же хлопец был ищы молодой и шумный, то вызерал, як даяка сельска красотка. Приходит он до одного села и зашол до корчмы, ци не потребуют ту дівкы на службу. Хаим посмотріл на Асафата, дост ся му дівка сподабала, росла, кріпка, тай гварит:

— Ни, дівку бы мі треба было, бо не мае кому до работы, але тепер гешефт барз планно, я платити не можу.

— Та я плацы не хочу, я буду робити за істи — гварит Асафат.

— Ну, як ты хочеш зробити за істи, то я буду питал свою жену.

— Як она хоче робити за істи, то най она остане — згодилася Хаимиха.

— А як твое мено? — просится Хаим.

— Ганка!”

— Ну, Ганка, ты будеш спати на под, бо ту, на долині нема місце.

И служат Ганка и робит и рад Хаим и Хаимиха. Пришол и молодой Йоско, на вакації с Кошиц и он позерат на Ганку и усміхатся и Ганка до него усміхатся и шепчут сой штоси. Видит Хаим, повідат до Йоска, што он до Ганкы ся посміват? Але вернул Йоско до школы, а Ганка робит дальше. Ба, та але в зимі штоси Ганка видно тяжша. а на ярь ищы тяжша выгледат. Але нич, робит. Позерают на себе Хаим и Хаимова, не бесідуют, лем позерают. Раз лем Хаимова, як была сама с Ганком, звідуеся:

— Ганко, што ты так грубнеш? Може тобі дашто бракне? Може ты з даякым хлопчыском спала?

— О та де! Я з никым не была, лем з вашим Йоском.

— Йоско?! Ты гвариш мой Йоско?!

— А што, же Йоско? Я Йоска рада мам и он мене рад ма — рекла весело Ганка...

Ходят Хаим и Хаимиха, позерают на себе, плачут, нарікают и радятся. Урадили, же треба Ганку выгнати... И раз рано повідат Хаим Ганкі:

— Ты Ганко мусиш ити гет, мы тебе веце не потребно!

— Я не иду! Што повіст Йоско, як верне? Он повідал, жебы я на него чекала.

— Ты мусиш, Ганка, ити гет.

— Не мушу! Але як мі дате 300 злотых, та пиду.

— Што?! триста злотых? Ты мало за дармо служыти!

— Та кто знал, же ся мі таке стане, же мя Йоско на каліку оберне? И што было бідному Хаиму робити? Дал 300 злотых и выгнал до фраса.

* * *

Вернул Асафат до Устья уж паном, при грошах. Пришол до хыж, стары аж плачут з радости, же ищы го видят, бо за штыри рокы ани слыху о Асафаті не было.

— Мы думали, што ты уж загынул во світі.

— Загинути ем не загынул, як видите, але ем покончыл школу. А тепер уж час мі до войска ставати, то-м пришол.

И взяли Асафата до войска. Трудно му зразу приходило, бо там уж такыма шпекуляціями не можна выкрутитися, але Асафат скоро порозуміл, што-то войсковый “мус” и взялся так сердечно до той войсковой науки, што аж го зробили капрально.

Уж тепер Асафат пан, рекрутов “бе по морді,” комендереу, шугы му пуцуют, а коли пришол до Устья, то з бідныма дівчатами ани бесідувати не хоче, лем с такыма “какральскыма паненкама.” Уж и по русскы призабыл, лем по польскы и дашто по німецкы, ани в той хыжкі, где ся родил спати не хоче, иде до дакого спати: Таа преця пан капраль.

При том капральстві такого гонору на брал, што уж почал забывати и о войсковои дисциплині, опился раз, коли мал быти в службі, подарували му, але коли опился другий раз в часі службы, zdeградували го и так уж дослужыл ко конца “гемайным.

Вернул по трьох роках до Устья, уж и такий гордый, як зо звіздками, мешкал и спал в няньовой хыжы, разом с козами. И в той хыжы и оженился з одним бідном дівчыном, бо хоц и был капральом, та богата нияка го не хотіла. И зачалося прикре жытя для нашого капраля. А треб знати, што тота капральска ранга до него так прилипла, што никто го иначе в селі не называл, лем капральом.

Але мимо того, што Асафат жыл зо своім женом в той комирничой хыжкі, разом с козами, тото капральске паньство го не опустило. Не хотіл робити. Жена ходила на заробкы, робит аж выхла, а он лежыт а як даякого centa дохопит, то пе. Спочатку жена му пребачала, потом почалася сварити. Асафат старался смішками, жартами, як звычайно, заспокоити жену, але она ставилася до него шторааз острійше аж почала и таке:

— Заберайся, волоцюго, зь дому, бо на тебе робити и ховати тя не буду.

Асафат ворожыт.

Видит Асафат, што ту не жарты, пожычы от Барника стару, подерту псалтырь и окуляры и выбрался по селах цыганити легковірных.

Пришол он до Снітниці, зашол до корчмы выпил, пороззерался доокола, сидят в кор

чмі хлопчыска и курят собі файкы. Звідуеся, што ту чувати? Котры бабы маюць мужов в Америкі, котры хлопи грошы посылают и т. д. Хлопчыска розговорилися и вшытко Асафатови оповіли, што хотіли знати. Коли уж Асафат вшытко дознався, приходит он до Варвары, витатся, тай слово по слові, гварит:

— Може бы вы, газдынць, хотіли, жебы я вам псалтыр розложыл? — и такой кладе окуляры на конец носа. Баба смотрит, акурат выглядат, як даякий чорнокнижник, та може и знае святы тайны. Прекрестилася, тай гварит зо страхом:

— Та ноле отворте. —

— Та клякните, газдынць. Положыл ей псалтыр на голову, отворил и чытат:

— Вы, газдынць, мате хлопа в Гамериць, а ту мате едного хлопця, такого чорнявого паробка. Коровы ся вам планно доят, бо чаровница вам коровам молоко отберат. —

— Ой, правду повідате, святы чловец! Молоко ся мі тягне и того барз мало коровы дают, а масла уж нияк не могу ани за оріхове ядро зробити—жалуеся газдынця.

— Тому вшыткому я могу порадици и то не вельо вас буде стояло, вшытко 15 корун и кварту палюнкы.

— Боже-га, та чом бым вам не дала?

— Но то робте так, як я вам кажу: Давайте коровам по наручу коничу при каждом доиню, хоц за місяц, горці на молоко выварте, все чысто вымыйте и на сонці высуште каждый день. В найблисшу неділю о 12 години в нocy идте на середину села, але возте помело охабне и смотте, в котрой хыжы ся світит. Там буде тота, што бере вам молоко, буде робити масло, а вы по ней помелом и, як она до вас скочыт, не дайтеся ей, а бийте и кричте: “Отдай мі мое молоко!”

Втішылася баба, дала му 15 корун, тай принесла кварту палюнкы, выпили обоє, рещту Асафат сховал до торбы и пустился дальше. Приходит на середину села, просится, где тота а тота, што ма мужа в Америкі. Показали му. Входит и так само вожыт. Здавалося му вшытко, так як и тамтой, бо вшытко было, як у тамтой, та и коровам тыж чаровница молоко одобрала. Тай гварит, штобы в неділю, о полночы, позливала до боденкы, што буде мала и най робит масло, а най на світло смотрит.

О 12 години приде ту баба, котра вам одбрала молоко, а вы прирыхтуйте собі хабне помело, а добри по бабі.

Жена подякувала, заплатила му, долярам Дост, што Асафат поворожыл втоды в Снниці пару женам и заробил 15 корун и доляров и вернул до хыж. Жена на не позерат зло:

— Уж ес ту, гварит, волоцюго?

Але Асафат показуе грошы. Аж ся же очы засвітили, уж инакше бесідуе и добвечерю рыхтуе.

Але Асафат внет пропиал грошы и поч придумовати, як новы легко роздобыти. Хдил ищы по ворожыню, але скоро людовідалися, мудрышы дурных осміяли и трудно было найти жертву.

В селі Асафат любил збыткы, дем-же с мому якоси нияк было и боялся, што набют, то такой хитрый был, же організвал собі цілу шайку из молодых паробкс. А знате як паробкы перше: Не заняли даяком мудром роботом, просвітом, науко а збытками и тот был найвекший герой, ктрый найвекшого збытка придумал. И вбрался Капраль Асафат вийтом молоды. Крім вийта были подвийті, радны и ці. молода громада. Тота молода громада рбила великы збыткы по селі. Раз едного газду, котрый в нocy спал на возі в сад жебы му грушкы не обыврвали, затыгли возом в воду. Раз жандармов завели и гноівкы по самы уха. Сідили и в гареш за свои збыткы, але то нич не помагал напротив, Асафат так ся мстил, што боялся на него скаржыти.

Жыд и Жаба.

Пришло літо, треба зас Асафатови глядти даякой роботы, бо жена сварится, а Устью якоси не выходило пану капральов а до того ищы “вийтови,” у газдов робит бо бы был на повазі стратил. Треба зас дад с псалтырьом, або за даяком другом роботом, достойном пана капраля, ити. И вбрался Асафат до Высовы за заробком. Приходит в Высові до корчмы, выпил пикуватерок, а жыд звідуеся го, ци не зна даяком мулярі, бо му треба “шпаргет” ствяти.

— Та я, гварит, сам муляр.

— Файн! То мі будеш вымурувати пекло. А кельо ты будеш хтіло? — звідуеся жы.

— Як от вас, то 20 ринських и выпити.

— То задуже! Я вам дам 15 ринських и выпити. Погодились. Асафат розложился з роботом и просит грошы, бо му треба для жены, гварит, и для дітей. Выбрал грошы наперед, а работа стоит. Уж осін, а шпаргет недомурований.

— Асафат, бойтеся Бога, та чом роботу не кончыте? — злостится жыд.

— Та сте мі обіцяли питя, а тепер не дост мі даєте.

— Я ти дост даю, Асафат. Але штоси придумал Асафат, бо едного дня взялся твердо до работы и шпаргет докончыл. А придумал Асафат таку штуку: В мури оставил крыўку, вложил там дві жабы, насыпал им там якысого ідла, води и замуровал, лем малу дірку лишыл для воздуха. Коли жыди запалили и жабы загрілися, почали выдавати такы чудны тоны, як души с тамтого світа. Еден ден врещыт, другий ден врещыт, припровадил жыд рабина отмолитися. Отмолился рабин, не помагат. Порадили люде взяти егомосця. Отмолился егомосць, не помагат, врещыт и врещыт. Нич не остало, лем опустити будынок, а другу корчму будувати.

Приходит Асафат. Жыд оповідат, што ся водит. Асафат повідат, же то вшытко зато, бо го скривдил, не дал му пити, кельо належалося при роботі.

— Але, гварит, я вам выжену тоты духы з дому, як мі дате 25 ринських. Жыд с охотом пристал. Асафат казал выйти всім з дому, сам вынял цеглу, вытяг жабы и замуровал назад. От втоды было тихо.

Найбольше Асафат зо своима радныма докучал жыдам и уж им так докучыл, што жебы ся го позбыти зо села, зобрали межы собом 150 кроун и дали Асафатови на дорогу до Америки. Асафат взял 150 корун и поіхал, але лем до Відня. Там грошы промарніл и вернул назад до Устья.

Ржонца и Дівча

Был у нас панский “ржонца,” барз ропустный паниско. Такий ропустный, што нияке руске дівча до него служыти за ниякы грошы не хотіло ити. А старый уж паниско был, 60 літній. Та знате, нич не робил, ничым не грызся, та лем все о бабах и дівчатах думал, хоц мал и свою. Так тот пан ржонца аж гет до Польшы за слу-

жанками ходил. И привюз собі в 1905 р. барз шумну польочку, дас 17 літню и лем ей привюз, то уж зараз до ней. Дівча приходило до моей мамы зерно молоти, вшытко мамі оповіло и расплакалося. Але мама нич ей не порадили, бо не хотіли мати пана ворогом, та собі думали, што ліпше го не зарывати.

Но паниско што раз барже наперат. Раз в ноцы дівча втекло на село, але панисско выслал слугов и тоты привлекли ей назад до пана. Раз деси в ноцы такого вреску наробила, што на ціле село было чути. Правда, о стіну были жандармы, але што их обходило, што “пан ржонца” робит зо своєю “дзевком.” Асафат зобрал свою “громаду,” тай гварит, так и так, треба тото дівча от пана выбавити. Бо треба знати, што дівча так было шумне, што подабалося не лем панови, але и Асафатови и цілой “громادی.” Идемe мы ку панови, а дівча кричыт аж за сердце стискат. Смотриме, а бідне дівча аж под шыт вылізло и там кричыт: “Ратуйце, ратуйце,” бо пан за ньом, по сцюсі дров и уж ей має. Асафат кричыт: “Пустиш ей, паскудо!” Але пан почал до нас стрыляти, так же ціла громада розлетілася. Не мог ни Асафат, ни ціла его “громада” спасти тоту польочку. Не могла бідна вытримати. Намочыла сірников до фляшкы и потом выпила тоту воду и в страшных муках померла.

Асафат помстил пану так, што нароком выбрался до Горлиц и там оповіл вшытко пані Мялковской, дідичкі, котра зато прогнала того “пана ржонцу.”

Смерть Асафата.

Найзавзятійше Капраль Асафат, як уж знаме, любил докучати жыдам, котры боялися го як огня. А коли пришли до Устья, в часі войны, казаки, котры тыж обходились грубо зо жыдами, Асафат докучал жыдам ищы барже и повідают, што го отрули, же му всыпали штоси до палюнкы.

Так марно жыл капраль Асафат и марно помер. Змысный был хлоп Капраль Асафат, але некультурный и свои способности змарніл и марно зышол зо світа.

Тото, што я ту описал, то лем маленька часть жытя Капраля Асафата и его “громады,” в котрой я был радным и зато тото што я ту подал, вшытко правда.

Лемко от Горлиц.

Собко Тришка

Был еден паробок —
Сын худобной вдовы,
Служыл в газды в Дошні,
Родом был з Тыльовы.

Всі люде го звали:
Собко з подберижка,
Хоц мал на ментриці
Собестиян Тришка....

От молодых роков
Иднался за слугу
И все сой заслужыл
На гуньку и чугу.

На дві пары керпців
И вшиткы манаткы
И на руки достал,
Стивку и дві пяткы....

Служыл в рижных селах
И тади и сяди,
А же был роботный,
То го мали ради. —

Раз му газда гварит:
“Послухай-ле Собку!
“Планно тепер газді,
“Бо нее заробку!

“Уж ем ся вышастал
“З пінязи до чыста,
“Треба поіхати,
“З деревом до міста!

“Бо вшиткого треба:
“Соли, мыдла грису
“Ци то фрас не возме
“Раз того кризису?”

На другий ден по пивночы
Собко уж в дорозі,
Бич мал в руках, пусто в торбі
И надію в Бозі,

Же дерево продаст добри,
Даякому пану,
То сой купит хліба, сала,
Швабликов дугану....

Але ся му уж не вело
З самого початку,
А вшитко шло до ничего,
На самом остатку.

Лем выіхал на дорогу,
Зараз такой в Дошні:
Сіл на сучок и роздер сой
На заді холошні....

Але тото горше было,
Же роздер и гачы....
Та лем скоре — як мог шматом
Діру заоначыл....

Иде дале и доіхал
Аж ку Рыманову:
Смотрит — псякост — а Подручный
Конь згубил подкову. —

Але сніг кус припорошыл
И не было слизко—
Ищы заліз до Коросна,
Хоц босый кониско.

Заіхал на торговицу,
Коням шмарил сіна,
А сам люди ся звідуе,
Яка неска ціна?

Кельо платят за пол сяга
Добрых дров буковых
И кому ліпше продати?
Пану, ци жыдови?

При том вшитком Собко Тришка
Змерз в ноги, як біда,
А о дырва никто, реку,
Ани ся не звідат....

Чекат дальше на морозі,
Идут два “панове”:
“Ей, русіне — еден злоты
Дай нам за “таргове!”

“Не мам — гварит — ани гроша
“Пане комісажу.”
“Продам дырва, то заплачу
“Ищы й пива кажу.

Але было уж дост поздно,
Година десята,
А ту треба ищы неска
До Дошны вертати.

Аджек кричыт: “Купце дырва!”

“Буковы, карпатскы!

“Пятку можна за них дати,

“Навет по омацку!—

“Лем посмотте, та “відзіце,”

“Же сама бучына,

“Плахы грубы, не сукаты

“И не велька “цына!”

Кед здеревом было втоды,

Хлопов не дай Боже!

Дают жыдам за пивдармо,

Як лем дакто може.

Бо навезли дров руснакы

З Нетребы и з Красны,

“Обшарники — преця мают

“Свои лісы “власны.”

И найбільше было хлопов,

З села Коростенкы....

Вязаночки дров привезли,

Як жмінка малынкі.

И по грошу продавали,

По грошу вязанка!

Ци ест дашто в Польшы тунше,

Хыба лем маслянка....

Всі дерево уж продали,

Лем Собко сам zostал....

И голодный был, як сомар

И змерз аж до кости.

Може было кус з полудня,

Жыдиско приходит,

Хце купити и зо Собком

О ціну ся годит;

Дае злотый — за дерево —

Тришка хце три злоты:

“Бо як не даш — вшыткы гвергну —

Гварит — до болота!

Жыд нич на то — лем подумал

И до дому иде.

Але Собко кричыт за ним:

“Гей! почкай-ле жыде!”

“Фрас тя побрал — дай два злоты,

“Сам я тельо платил!”

“Видиш — вечер — а я мушу,

“До Дошна вертати!”

Але жыд ся впер и гварит:

— Чекай до вечора! —

Што робити? Собко продал

Ледво за пивтора.

Як лем достал дудкы в руки,

А тусь два “панове”:

“Но, русіне — дай-же тераз

Злотога “таргове”....

Ано, треба было дати,

Хоц и грошы мало;

И дал злотый — тым двом панам,

А пол му zostало.

За то купил сой “дзигаров,”

Хліба, честку трохы,

Наклял брыдко, свистнул бичом

И поїхал до хыж!

Свят

КАЛВАРИЙСКИ

— 0 —

Кождый тыжден маме свята,

То “Анны,” то “крижа,”

То святого Асафата,

То зас “маткабіжа.”

Руснак рад обходит свята,

Уж так з давен давна.

Нема ся днес чого яти,

Тому уж всьоравна.

И не лем свои обходит,

Але тыж и чыі,

На одпусты барз рад ходит

И на “кальварии.”

А егомосьць — хоц и дзекан,

Ани слова на то:

“Лем святити треба” — рече —

Католицке свято.

Идут люде з Бондарівкы

Тыж на Кальварию:

Хлопи, бабы, стары дівкы,

А люде ся сміют.

Бо работа в полю чекат,

И овес жде косы,

Ай дорога барз далека,

Сім миль но и штоси!

Идут, идут співаючы,
Далеко их чути,
Зняли керпці и онучы,
Бо тяжко обутым!

А “комендант” их компанії,
Рычит, як варият;
Певно вшиткых поглушат,
Цілу Кальварію.

Тыжден были и принесли,
Што? “благословене,”
Образочки, мендаликы
И пусты кышені. —

Сват.

МАЛПА И “ПРОЗЕРАЛО”

(Байка.)

Нашла малпа прозерало: —
(И малпі ся раз удало)
А была брыд и машкара,
Хоцкы не барз ищы стара.

Покрутила ним в гыгальях,
Обернула го нарубы,
Обнюхала, обмацала,
Спробувала взяти в зубы,
И уж го шмарити мала,
Бо ся ей доцяп знудило'
Але зырка нехотячы
И вздріла в ним свое рыло.
Здивилася: “Што за пика!
Пыск шырокий, клапты руды,
Уха брыдкы як у дика —
Хыбаль брыдшой ніт паскуды!

Дораз кличе на сусідку:
“Оле смотте, кумо, на то!
“Вздрите таку малпу брыдку,
“Як вы кумо дайме нато!”

А кума ей на то рече:
— Вы сте кумо дурноваты,
— Вы сте сами в прозералі,
— То ваш пикчер, мате знати!

— Як мі не повірите,
— То звідайтєся теляте —
— Напевно вам правду повіст,
— Же то вы так выглядате!

И в світі сут такы люде —
А дуже их в нашым краю,
Што лем чужы видят блуды,
До своих ся не признают.

Так як нашы яничаре
“Украинці з під Бескида” —
Не подабатся им Лемко
И наша русска бесіда!

А бесіда наша добра,
Давна — бо тысячелітна.
Не така — як их штучна
И фабрычна и тандытна.

Бо в их “мові” моц слов польских,
Своих лем сто и пят мали,
Кус молдавских, кус монгольских
И кус “вчены” выдумали.

Як бы так встал з гробу Тарас
И зачал чытати “Діло” —
На Камчатку втюк бы зараз,
Же аж бы ся закурило! —

Сват

ЛЕМКОВСКИЙ ШТАЕР

Кум кумі рад!	Кум гварит: га!
Завюл ей в сад:	Добра кума!
Ту мило як в раю —	Куплю я вам дресса
Давно вас кохаю —	Лем поцілуймєся,
Лем кумо сяд,	То ищы днес!
Бє ту мой сад!	Куплю вам дресс!

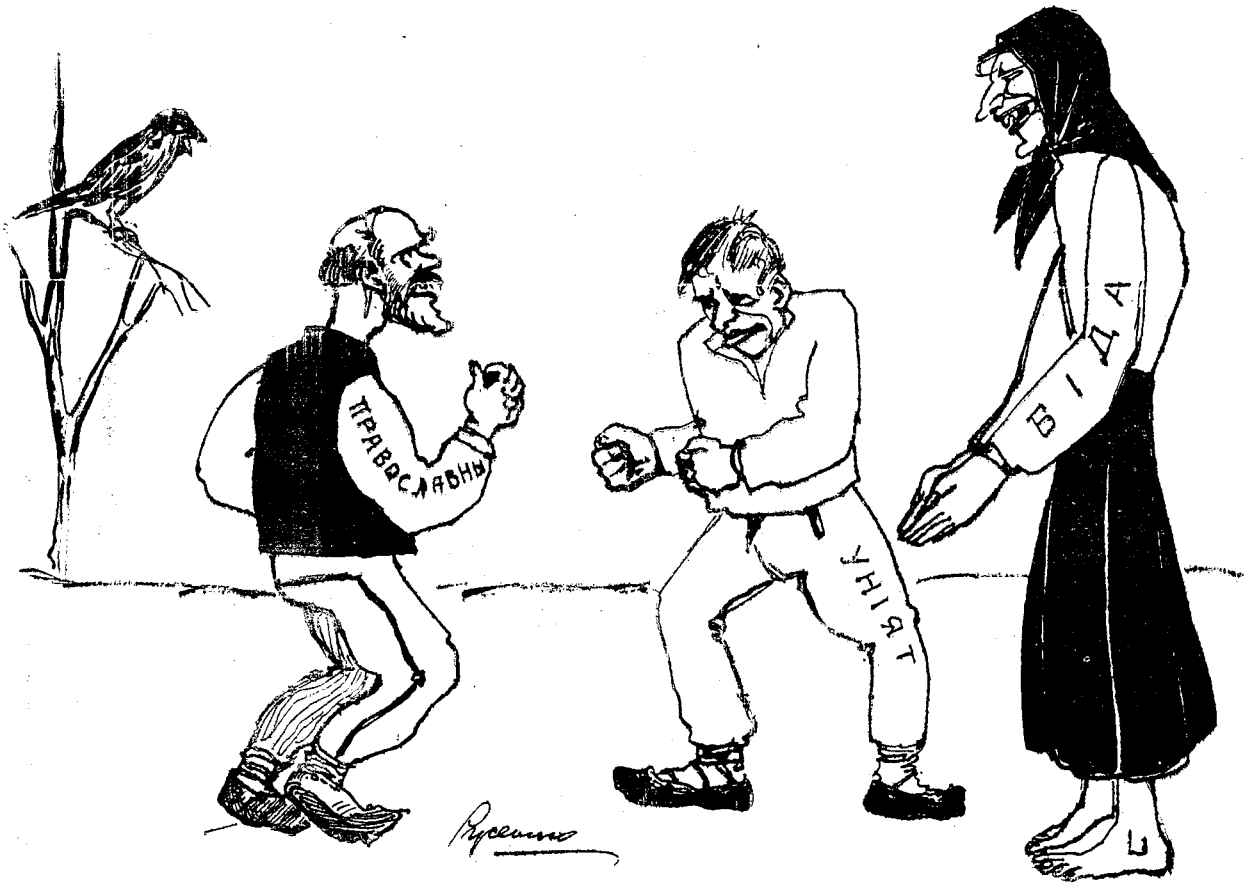
Гварил мі кум,	Так явно не,
Вчера на ум:	Бо буде зле!
Же он любит мене,	Ваша барз злослива
Жытя даст за мене —	Хоц не бесідлива —
Такий то кум!	Так явно не!
Ой, добрый кум!	Бо буде зле!

Я гварю вам,	Кум гварит: ба!
Куме, вас знам!	Хытра баба!
И тепер и давно	И о мене стоит
и скрыто и явно —	И биткы ся боит,
Преця кум ес!	Така ты ес!
Куп же мі дресс!	Не куплю дресс!

Н. Микулич

Джерзи Сити

УМ И ВОРОБЛІ НАС РОЗУМУ УЧАТ!

Воробей на вербі: Гей, руснаки, ноле сами не бийтеся, бо вас біда бе!

НАЙЛІПШИЙ ФОТОГРАФЕР В ОКОЛИЦІ ТОРОНТО

A. ART GRAY & CO.

Выконує найлучше разного рода фото-
графіи, як весільны, фамілійны и
т. п., по цінах приступных.

Хочете мати добру фотографію, уда-
вайтесь на адрес:

561 QUEEN ST. W. TORONTO, ONT.

Phone: AD. 2092

Владиміръ ГОНЧАРИКЪ

У Гончарика Владимира
Найлѣпша вага, найлѣпша мѣра,
И все свѣжій товаръ — мяса,
Бо тотъ штормъ, то перша кляса,
А Гончарикъ справедливый,
Съ каждымъ гречный,
Съ каждымъ милый!

Wl. Honcharyk
GROCERIES AND MEAT MARKET

359 NEPPERHAN AVE.

YONKERS, N. Y.

Tel. Pass. 2-4990

НОВА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

Симеона Басалыгы

ВЪ КЛИФТОНЪ

На Корнеръ Центеръ Стриты,
Красный Штормъ, есть што видѣти!
Свѣжій товаръ першой клясы
Куркы, гуси и колбасы,
Уженина, телятина,
Што хочете, достанете.
Якъ до Басалыгы зайдете.

SAM BASALYGA

74 CENTER ST. — CLIFTON, N. J.

Phone: PAssaic 2-2677

Перворядна Гросерня и Бучерня

ЮСИФА МОНЧАКА

До Юсифа, до Мончака
Идут люде из далека,
Не лем русскы, а и чужы,
Бо всі знают, же обслужыт,
Ци то свого, ци чужого,
Ци малого, великого
Однаково справедливо,
Честно, скоро, что аж мило....
Ест у него свѣже мясо,
И то все, не лем так "часом,"
Ци Вам треба из "бучерні,"
Ци зас дашто из "гроссерні,"
Вшиткого там достанете
И так, што не пожалуете!

JOSEPH MONCHAK

GROCERIES AND MEATS

112 VAN RIPER AVE. CLIFTON, N. J.

Tel. Pass. 2-8782

Перворядна Бучерня и Гросерня

З. МЕРЕНЫ

У Мерены, лемка и краяна,
Ци въ полудне, въ вечеръ, зрана
Все товары перша кляса,
Гросерия и Колбаса!
Свѣжы мяса и ярины,
Привозять все каждой днины,
Бо Мерена бизнесъ знае
И Старого не продае.

Z. MERENA

Best Meats and Groceries

127 ACKERMAN AVE.—CLIFTON, N. J.

Phone Pass. 2-8784

ПЕРВОЙ КЛЯСЫ — РУССКА
БУЧЕРНЯ И ГРОССЕРНЯ

СИМЕОНА ЛАБОВСКОГО

Ци знаєте, ци берете
Въ шторѣ Лабовского,
Памятайте, свой до свого,
Свѣже мясо, телятина
Куркы, гуси и качечкы,
Свѣжий сыръ изъ бочечкы,
Добры кексы высмажены,
Там, все берутъ наши жены.

S. LABOWSKY

MEAT MARKET and GROCERY

106 CENTER ST. — CLIFTON, N. J.

Modern Photo Studio

Фотографуеме весільны и товарискы
группы, робиме знимку у себе и в ва-
шом домі. Побольшуеме фотографии.
Робиме, а тоже оправляме портреты.
Портрет 16x20 для весільных групп
даром.

452 QUEEN ST. W. TORONTO ONT.

WA. 4937

Music Store

Кому смутно сидіти, то най приде до
Семаненка купити собі **ФОНОГРАФ** и
РЕКОРДЫ. Мае на складі всякы другы
музыкальны инструменты. Посылам по-
чтом, кто хоче.

Писати на адрес:

Akim Semanenko

SEYMOUR, CONN.

Александр Василенко

Александръ Василенко

Всѣмъ намъ знаный Крайнь-Лемко,

Мае штора першой клясы,

Знають о томъ люде наши!

Што Вамъ треба достанете,

Купите, не жалуєте!

Alexander Wasilenko

Groceries and Meats

51 GARFIELD ST. YONKERS, N. Y.

Tel. YOnkers 6021

Антоній Дуркотъ

Кто въ Дуркота попробуе,
Николи не пожалуе!
Кенды, айскримъ, зимны соды,
Для старшыхъ и для молодыхъ.
Якъ придете изъ работы,
Посидѣти у Дуркота
Весело всѣмъ, што ажъ мило,
Почуете, якто было....

A. Durkot

ICE CREAM — SODA
CIGARS
— and —
CIGARETTES

24 CROTON TERRACE
YONKERS, N. Y.

ПЕРВОКЛЯСНА ЛЕМКОВСКА
Бучерня и Гросерня
НИКОЛЯ ПОПИВЧАКА

Кто бы не знал Попивчака,
Нашого Лемка края,
Знае Го дитина всяка
На Гардфильді бизнесмана
И русского человека —
Кто купуе в Попивчака,
То николи не нарікат!

Nicholas Popiwchak

MEAT MARKET
— and —
GROCERIES

104 CHESTNUT ST GARFIELD, N. J.

Phone ADelaide 9554

Robin Bros.

TAILORS AND MEN'S FURNISHES
SUITS MADE
TO YOUR MEASURE

\$19.75

Guaranteed To Fit.
340 QUEEN STREET,
TORONTO, ONT.

Tel. PAssaic 2-8784

Русска Лондра

Свахо! Ци сами перете,
Ци прати даде даете?
Якъ даете, то дайте до своего,
Выпере вамъ чисто, скоро,
А недорого!

Yonkers Perfect Laundry

18 ARCHER PLACE, YONKERS, N.Y.

Tel Yonkers 3123

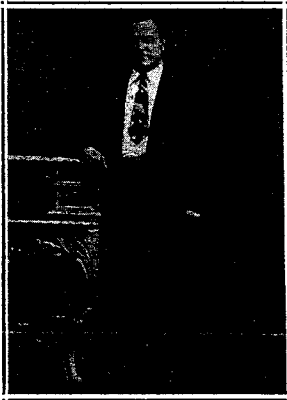
Michel Rinas

Ice and Coal

LIGHT TRUCKING

106 CENTER STREET

CLIFTON, N. J.

Русскій
Погребникъ
и
Бальзамеръ
*John
Senko*

РУССКІЙ ПОГРЕБНИК И БАЛЬЗАМЕР
137 NORTH ST. BROOKLYN, N. Y.
Phone: EVergreen 6-2113

Якъ ты братку машь потребу хоць и смутну дуже — ид-же до русского погребника, якъ и други люде.

Иванъ Сенко, якъ и его отецъ, лемко душомя и тѣломъ якъ братъ брата обслужить тя въ твоємъ дѣлѣ смутномъ.

Русскій Адвокатъ
ДРЪ ЯРОСЛАВЪ СЬОКАЛО
въ старомъ краю, въ Горлицахъ

Принимае и залагоджуе всѣ sprawy судовы, спадковы, гипотечны, контракты купна и продажы, дѣла администраційны, якъ тоже информуе въ дѣлѣ купна грунту отъ поодинокихъ господаровъ и парцелаций.

DR. JAROSŁAW SIOKAŁO
GORLICE, POLAND.

Где Вы такъ спѣшите зрана?
До Бочневича Юнна,
Бо онъ свѣжій товаръ мае,
О томъ каждый въ Юнкерсъ знае!

JOHN BOCHNEWICH
Groceries, Fruits, Meat Market
53 CLINTON ST. YONKERS, N. Y.
Tel. NEpp. 6160

Tel.: NEpp. 544

Юаннъ Малютичъ

Въ шторѣ Малютича Юанна,
Въ полудне, въ вечеръ и зрана
Свѣжій товаръ достанете
Николи не пожалуете!
Онъ нашъ крайнъ зъ села Рѣпокъ,
Всю продае на ужытокъ!

JOHN MALUTICH
GROCERIES — DELICATESSEN

Ice Cream, Soda, Cigars and Cigarettes
131 YONKERS AVE.—YONKERS, N. Y.

Лемковска Корчма
КОНСТАНТИНА СОРОКЫ

Свѣже пиво, сода-вода,
Така гнеска нова мода.
У Сорокы все весело
За столикомъ, ци при каснѣ
Забавитесь прекраснѣ.

KONSTANTYN SOROKA
85 CENTER ST. — CLIFTON, N. J.

НАША КОРЧМА

Якъ идете Центрѣ стритомъ —
Скрутте около Маслея,
А тамъ посерединѣ Корчма наша
У Дионизія Ляша.

D. LASH
328 HOPE AVE. CLIFTON, N. J.

Phone: PAssaic 2-8728 8

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ**МИХАИЛА МАСЛЕЯ**

Треба буде вамъ повѣсти,
Якъ хочете смачно ѣсти,
Же въ Маслея мясо свѣже,
Велькій фалатъ вам отрѣже....

MICHAEL MASLEY

332 CENTER ST. CLIFTON, N. J.

Phone: NEpp. 584

НИКОЛАИ ТУРЧИНЪ

Мае добрый товар, мяса,
Вшытко въ него перша кляса!
Та лемъ свого не минайте,
До своего вѣру майте!

GROCERIES & MEAT MARKET449 NEPPERHAN AVE
YONKERS, N. Y.**ПЕРВОКЛЯСНА РУССКА БУЧЕРНЯ****ОНУФРІЯ ЮНАКА**

Даю Вамъ знати Лемки брата,
И Вамъ тамъ, изъ Закарпатья,
Тоже отъ Днѣпра и Волгы,
Што у мене колбасы добры и долги.
А и куркы, гуси, солонина,
Всяке мясо уженина
Першой клясы и то така —
Достанете лемъ в Юнака.

312 E. 71 ST. NEW YORK, N. Y.

Phone WAtervliet 62.

Фецко Войтовичъ**ВАТЕРВЛИТЪ, Н. I.**

Пуль Румъ, Кенди,
Сода, айскримъ!
Заходите до брата Лемка
Забавитесь.

FETZ VETOICH

50 SOHOES RD. WATERVLIET, N. Y.

СентКлер и Околиця

Не забудьте и нашего брата
Готельника Авксентія Хиляка,

PARK HOTEL

N. NICHOLS ST. ST. CLAIR, PA.

Первоклясный Готель мае
И дуже добре пиво продае.

Русский Физик**Др. Д. Маллин**

Офис

Tel.

64 POWER ST.

ELgin 9737

ТОРОНТО, ОНТАРИО

Tel. ADelaide 4688

Др. М. БУРЯК

Лемковский Лікар
Хирург, Акушер.

392 QUEEN ST. W. TORONTO, ONT.

Tel. ELgin 6515

Др. ИЛІЯ ВАХНА

Лемковский Дентист
205 BATHURST ST.

North of Queen St. W. — Toronto, Ont.

**ПЕРВОКЛЯСНА ГРОСЕРНЯ И
ДЕЛЕКАТЕССЕНЪ****ІОАННА ХАНАСА**

Знати Вам треба конечно,
Же Ханас обслужыт сердечно,
Справедливо вам наважыт,
Хоц добрый товар все тяжыт!
Зато Ханаса не минайте
А в свого краяна все покупайте....

JOHN CHANAS

310 E. 71 ST. NEW YORK, N. Y.

S. A. TELEP

Fancy Fruits & Vegetables

Meat, Groceries and Delicatessen

779 ATLANTIC ST. STAMFORD, CONN.

Tel. STamford 3-4705

ТЕКЛЯ ПАПАЧЪ

Нѣтъ такой народной работы въ Бруклинѣ, чтобы не помогла при ней наша сознательна крайка, Т. Папачъ. Зато и мы не повинни забывати, што она

мае:

Beer Garden & Restaurant

198 GREEN ST. BROOKLYN, N. Y.

**ЗНАМЕНИТЫЙ ЛЕМКОВСКИЙ
МУЗЫКАНТЬ
ПЕТРО ДУДРА**

Треба Вамъ добру лемковску музыку, на весѣля, балі, пикники и т. д., удавайтесь до своего, Петра Дудры, а все будете довольны.

Петро Дудра мае шыроку популярность изъ лемковскыхъ Рекордовъ и Радіо,

PETER DUDRA

169 N. 7th ST. BROOKLYN, N. Y.

Tel. EVergreen 6-2113

Phone: METuchen 6-0885

**ПЕРВОКЛЯСНА ГРОСЕРНЯ И
БУЧЕРНЯ****І О А Н Н А Г У Б И К А**

Гей, крайне, памятайте,
И я лемко, о томъ знайте,
Тай мене не оминайте!

SOUTH END STORE

First Class Groceries, Meats—Provisions
137 S. MAIN ST. METUCHEN, N. J.

**ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕССЫ
СТЕФАНА СЕРАФИНА**

Кто не знае Стефана Серафина, на Горѣ Мѣста, въ Нью Йоркѣ. Серафинъ одинъ изъ нашихъ лемковъ, котры най-больше причиняются до прогрессу русского Дѣла на Горѣ Мѣста.

Тажъ не смѣемъ забывати,
Въ бизнесѣ го подтримати!

Grocery & Delicatessen

405 E. 70 ST. NEW YORK, N. Y.

ШИФКАРТЫ ДО ГАЛИЧИНЫ

и другихъ краевъ ро дешевой цѣнѣ
РЕРЕСЫЛКА ГРОШЕЙ,
НОТАРІАЛЬНЫ СПРАВЫ,
ПРОДАЖА КНИЖОК,
ПОМОЖЕМЕ ВАМЪ ВЫНАЙТИ НА-
ЗВАНІЕ ШИФА И ДЕНЬ ПРИХОДА
ДО АМЕРИКИ.

Во всѣхъ справахъ звертайтеся до о-
динокой Карпаторусской Агенциі:

GEORGE SAVOV

236 E. 13th ST. NEW YORK, N. Y.

**Первоклассный Л. Фотографъ и Друкар
МИХАИЛЬ В. ДУЖИЙ**

выконуе артистично всяку фотографич-
ну роботу и друкуе разны оголошенія,
летучкы, тикеты, чексы, заголовкы и
т. п. Вынаймуе Лемко-Фильмъ. Радіо
Побликъ системъ на вѣча, лекциі и кон-
церты. Знимать и демонстрируе лем-
ковскы фильмы. Въ потребѣ всегда
удавайтесь до своей русской фирмы.

LEMKO FILM & PRINTING CO.

91 RUSSELL ST. — CLIFTON, N. J.

Joseph W. Felock**INSURANCE**

in all its branches

64 COHOES ROAD,

WATERVLIET, N. Y.

Може вы хоры ???

Коли Вы хоры, а докторы и их штучны лікарства Вам не памагают, папробуйте ужыти

ЛЕКОТОРИА

натуральне лікарство, прыготоване из натуральных горскых зіль. Одна фляшка, зажыта Вами ведля препісу, поліпшыт Ваше здравя.

ЛЕКОТОРИА

істнуе лем пару літ, а уж заняла перше місто меж натуральных лікарствами Кого лем спросітеся, хто ужывал **Лекоторію**, каждый Вам похвалит тото натуральне лікарство. Мы знаме, што в старых часах люде были сильнійшы и долше жыли. Яка тому прычына? Прычына тота, што давны люде жыли больше в натурі и лічылися натуром, т. е. натуральными лікарствами, зільом, лічничными травами. Тепер лічаця хемічными лікарствами, котры маюць тото свойство, што заглушаюць болі на даякій час, але не усуваюць, а дуже часто стаюць прычыном новых хороб, бо тоты хемічны лікарства остры, радыкальны — памагаюць на одно, а шкодыт другой часті людскаго організма и коротяць жытя челоуіка. Што найліпшого в зільях прыроды, тото ест в лікарстві

ЛЕКОТОРИА

и ддятого тото лікарство памагає сегодня

тысячам людеу на:

Катар жолудка и кишечка, газы в жолудку отрыжку, хроничне затвержыня, нервоуе безсонность, боль и заворот головы, нервоуе лярность печенкы и вырок, хоробы скоуе слабу и нечысту кров, болі ревматичные другы болізни от простуды, слабого жолудка и нечыстой кровы.

ЛЕКОТОРИА

освіжыт Вас, зробит Вас новым челоуіком. Откоуи Лекоторія появилася, пришло наш офіс тысячы писем подякы от тых людеу, што стратили уж надію, штобы дакоуи полекынало. **Лекоторія** удекуі им.

Старчыт Вам папробуваць одну фляшкы, штобы Вы переконалися в доброті тых лікарства и што **Лекоторія** правдыве, натуральне лікарство, **ддя** освіжыня ціл Вашого організма. Она прыведе в поря Ваш жолудок, урегулюе егс и набере нового апітита.

ЛЕКОТОРИА

выробила собі сама рекуляму найліпш натурального лікарства, бо нікому оно пошкодыло, а тысячам помогло и пома бо прыродне лікарство нікому пошкоды не може.

Правдыва Лекоторія рекустрована в парламентарі Патентов С. Ш. в Вашынгтоні. каждая фляшка печатана.

Ціна великой фляшкы, по почті \$ — 3 фляшкы за \$5.00, 6 фляшок за \$9.00

Высыламе просто из Лабараторіи грошы посылати з ордерам, можна чемоуи ордерам, або паперовы грошы в гистрваном писмі.

Подайте свой точный адрес!

Есі писма адресуйте:

KARNACK - AMBROSIA CO.

P. O. Box 190 Dept. 25

Scranton, Pa.

Хочете быти веселы?

Грайте Рекорды!

Мы маме великий склад и выбор Великорусских, Украинских и Лемковских Рекордов.

“КОЛОМБИЯ” — ВИКТОР —

“БРУНСВИК.”

Наша услуга наилучша и наилучша, так што Ваш ордер все буде на час выполненный.

Всі Рекорды гwarantованы! Высыламе почтом скоро! Чытаме на всіх славянских языках, пиште на своем языке

Croatian Book Store

6702 ST. CLAIR AVENUE,
CLEVELAND, O.

Phone: — MAin 0885

ПАВЕЛЪ ГОЛОВЧАКЪ

Русскій Погребникъ
и Бальзаматоръ

Вынанимае автомобили на всяки оказіи
Братья Лемки — въ потребѣ удавайтесь
до своего!

2387 PROFESSOR AVENUE
CLEVELAND, O.

Чытае Свою Газету

“ЛЕМКО” ?

Коли ишы не предплачате и не чытае, сейчас собі предплатте! Каждый карпатороссь должен чытати свою правду народну газету

“Лемко” выходит каждый четверг!

Предплата на рок — — — \$2.00
” полрока 1.00

2490 Professor st. — Cleveland, O.

Phone SHadyside 0161

РУССКА ПЕРВОКЛАССНА

Гросерня и Бучерня

Е. Владыкы

ДОВЕЗЕМЕ ВАМЪ!

*Parma Grocery
& Meat Market*

5297 State Road
Cleveland, O.

У Каждого Карпаторосса
мае быти

Мапа Лемковины

Точна мапа западной части Карпатской Руси отъ Попрада по Ужъ
и Сянъ. Каже наше русске, наименше село означене на той мапѣ.

Стѣнна, на полотнѣ ----- \$2.00

На паперѣ ----- 0.50

LEMKO -- 2490 Professor St. -- Cleveland, O.

Научтеса Сами и Свои Дѣти Читати
по Русски изъ

Карпаторусского Букваря

ВАНЯ ГУНЯНКИ

БУКВАРЬ ВЫПУЩЕНЬИ ВЪ РОСПРОДАЖУ По 20ц. ПРИМѢРНИКЪ.

8 ПРИМѢРНИКОВЪ ЗА \$1.00.

LEMKO -- 2490 Professor St. -- Cleveland, O.